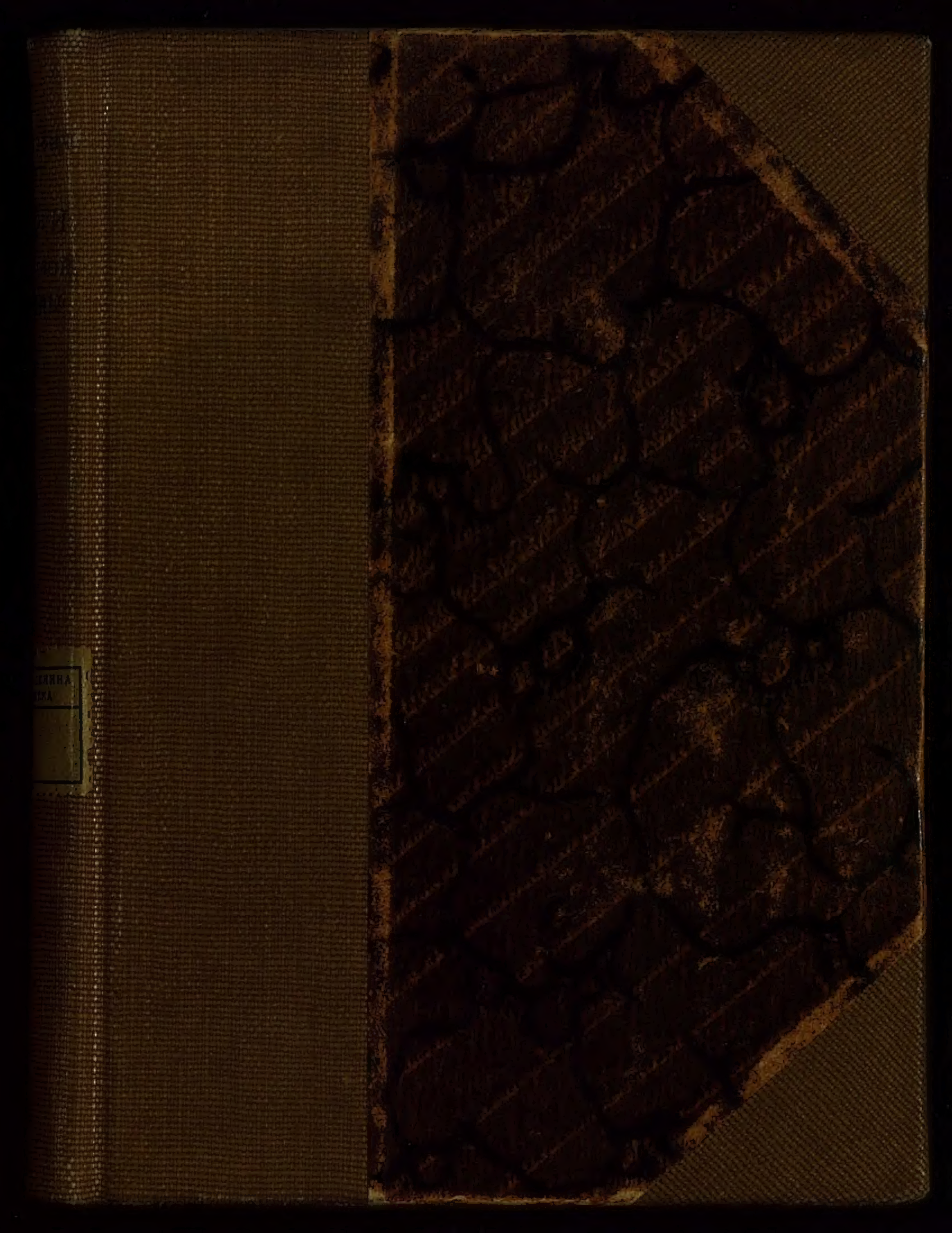
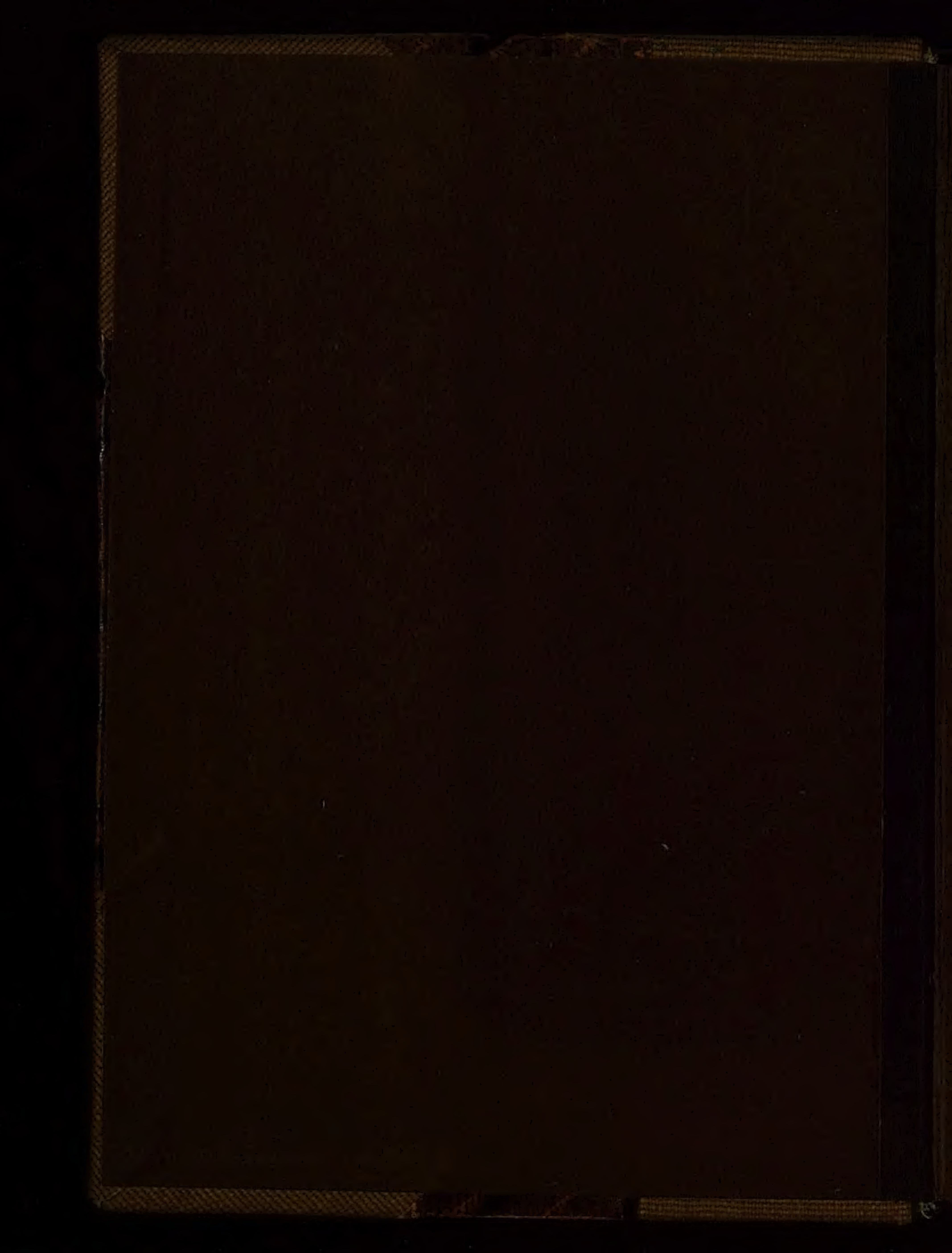

М. ПАВЛОВИЧ

ВВ255
П124₂

ИТОГИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2е дополненное и исправленное издание

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

М. ПАВЛОВИЧ

ИТОГИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

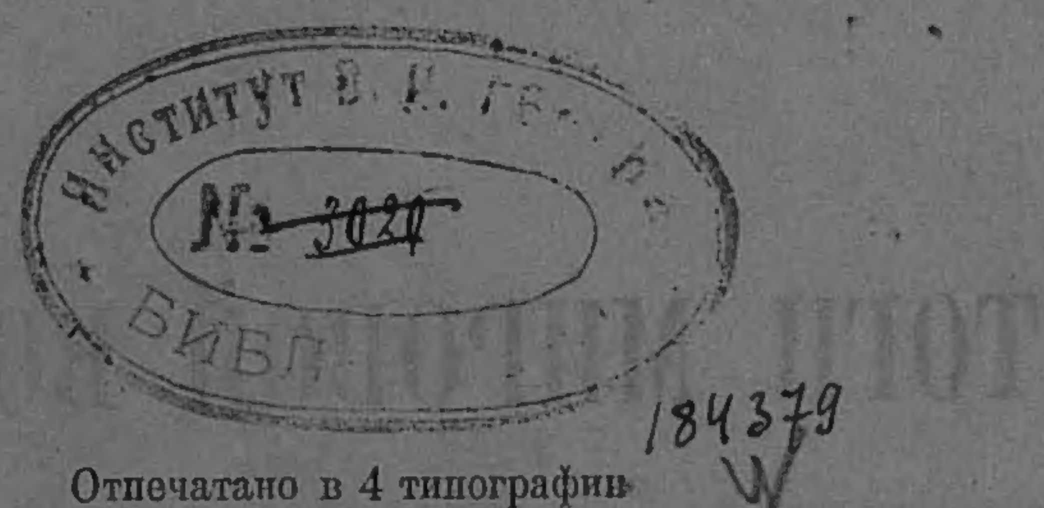
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ
И ПЕРЕРАБОТАННОЕ

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
1924 г.

Библиотек..
Института В. И. Ленина

(2-й экз.)

К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
П
ВВ255р
П124₂
1986

184379

Отпечатано в 4 типографии „Мосполиграф“, Москва, Армянский пер., 6, в количестве 10.000 экземпляров. Главлит № 17.956.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ

Первые XIII глав предлагаемой работы печатались частично в „Известиях ВЦИК'а“ и вышли отдельной книгой в издании ВЦИК'а в 1918 г., когда мировая война еще не закончилась. Работа носила в значительной части исследовательский характер. Понятно, в тот момент у нас не могло быть тех материалов, какими мы располагаем в настоящее время. Автору часто приходилось прибегать к догадкам и предположениям, кропотливым изысканиям там, где теперь мы имеем твердо установленные факты и не подлежащие сомнению цифры. Однако, наши вычисления оказались отнюдь не преувеличенными, а, наоборот, порой даже преуменьшенными. В ряде примечаний и дополнений к главам, написанным в 1918 г., мы приводим теперь новейшие цифры относительно потерь человеческими жертвами, прямыми военными расходами, косвенными убытками и т. д. за весь период мировой войны [1]).

---

1) В первом издании мы определяли итоги войны за период от начала войны по 1 янв. 1918 г. Моментом окончания военных действий на западном фронте нужно считать дату 8 ноября 1918 г, когда начались переговоры между Германией и Антантой о перемирии.

Глава XV-ая составилась из двух статей: статья о Нитти была впервые напечатана в „Печати и Революции“ 1923 г. № 1 и вышла затем в виде предисловия к русскому изданию книги Нитти „Европа без мира“ (издательство „Петроград“, 1923 г., стр. 222). Статья о Кайо вошла предисловием к книге Кайо „Куда идет Франция? Куда идет Европа?“ (Государственное издательство, 1923 г., стр. 208). Глава XVI-ая—статья, напечатанная в майском номере „Правды“ за 1924 г.

10 июня 1924 г.

Мих. Павлович.

Мировая война и ее итоги

I

Мировая война и жатва смерти

Война разрушила миллионы человеческих жизней и одновременно уничтожила несметные богатства, накопленные десятками лет упорного труда. Одна русская газета, выходящая в Америке, опубликовала следующие данные о числе загубленных человеческих жизней за первые 3½ года войны.

С начала войны по первое марта 1917 года потери людьми в союзных армиях составляли 5.719.400, а в армиях центральных держав 3.384.800

А именно:

	Убитые:	Ранёные и окончательно выбывшие из строя:	Взятые в плен и без вести пропавшие:	Итого
Англия . . .	205.400	102.500	107.000	415.400
Франция . .	870.000	540.800	400.000	1.810 800
Россия . . .	1.500.000	784.200	800.000	3.084 200
Италия . . .	1.105 000	49.000	55.000	209 000
Бельгия . . .	50.000	22.000	40.000	112.000
Сербия . . .	60.000	28.000	—	88 000
Итого .	2.790.400	1.526.500	1.402.500	5.719.400

	Убитые:	Раненые и окончательно выбывшие из строя:	Взятые в плен и без вести пропавшие:	Итого:
Германия	893.200	450.000	245.000	1.588.200
Австро-Венгрия .	523.100	355.000	591 000	1.469 100
Турция	127 000	110.000	70.000	307.000
Болгария	5.5700	7.000	6.000	20 000
Итого . . .	1.550 800	922 000	912 000	3.884 800
Всего . . .	4.341.200	2.448.500	2.314.500	9 105.200

Как ни чудовищны на первый взгляд эти цифры, все же они далеко ниже действительности. Из всех европейских правительств одно лишь германское печатало регулярно сведения о потерях немецкой армии, и эти сведения значительно превышают те цифры, которые указаны в вышеприведенной таблице. „Manchester Guardian“ от 19 февраля печатает на основании германских официальных списков справку бюро печати о потерях германской армии за январь 1917 года:

Убитых и умерших от ран	14.192
Умерших от болезней	1.714
Попали в плен	1.645
Пропали без вести	11 872
Тяжело раненых	10.577
Раненых	4 621
Легко раненых	26.778
Ранены, но остались в строю	6.133
Итого . .	77 532

Убыль с начала войны в германской армии:

Убитых и умерших от ран	929.116
Умерли от болезней	59.213
Попали в плен	247.991
Пропали без вести	276.278
Тяжело раненых	539.655

Раненых	299.907
Легко раненых	1.521.271
Ранены, но остались в строю	223.261
Итого . .	4.087.692

Вышеприведенные итоги, составленные на основании германских официальных списков, не включают в себе потерь на море и в колониях Во всяком случае из этих данных явствует, что до февраля 1917 г. германская армия потеряла убитыми, пленными, тяжелоранеными и легко ранеными более 4 миллионов человек. Вообще же нужно считать, что до января 1918 г. все воюющие армии потеряли убитыми, пленными, пропавшими без вести, умершими от болезней, тяжело и легко ранеными, вообще выбывшими из строя и, наконец, такими ранеными, которые были оставлены в строю, минимум—двадцать пять миллионов человек. Потеря одними убитыми и умершими во всех воюющих странах по 1 января 1918 г. должна быть определена по самому скромному подсчету в 6—7 миллионов человек [1]). О величине этой цифры можно судить по тому, что она втрое превышает число умерших за двадцатипятилетний период

---

[1]) По позднейшим данным, общий итог убитыми за весь период войны, т. е по 8 ноября 1918 г., когда начались переговоры между Антантой и Германией о перемирии,—10.000.000; пропавшими без вести и пленными—6 000.000. Статистика установила 50% смертности среди последней графы. Таким образом, всего убитыми и умершими минимум 13 миллионов. Россия потеряла за весь период мировой войны *убитыми на полях сражений* $2^1/_2$ миллиона человек, Германия—1.600.000; Франция—1 400.000; Австро-Венгрия — 900.000; Великобритания — 800 000; Сербия—700.000; Италия — 500.000; Румыния — 300.000; С. Штаты—100.000.

войн великой французской революции (1790 — 1815 г. г.) и вдвое превышает число умерших во все войны от 1790 по август 1914 г. г.

Относительно потерь русской армии очень важные и интересные сообщения были сделаны народным комиссаром по военным делам Подвойским на гарнизонном собрании 24 янв. 1918 г. в Смольном. Прежде всего Подвойский сообщил данные, показывающие, во что обошлась России империалистическая бойня 1914—1917 г.г.: убитых *один миллион* [1]), раненых и искалеченных *четыре миллиона*, военно-пленных—два миллиона семьсот тысяч. К сожалению, он не сказал, сколько сотен тысяч умерло от болезней, от холеры, тифа, сколько сумасшедших, сколько миллионов надорвало свое здоровье. Всего круг непосредственно пострадавших от войны вместе с семьями по самому скромному подсчету исчисляется, для одной России, в *25 миллионов* человек.

Эти страшные цифры в десятки раз превосходят потери, бывшие при прежних войнах. Они свидетельствуют наглядно о кровавом характере современного милитаризма, вооруженного всеми усовершенствованиями современной техники разрушения. Они говорят о необходимости самой решительной борьбы с этим милитаризмом.

Каждый солдат, по сообщению Подвойского, обходился государству в 1917—1918 г. в месяц в *250 руб.*, а в год в *три тысячи* рублей. Если, стало-быть, мы вернемся к тому мир-

---

1) Эту цифру надо считать преуменьшенной, по крайней мере, в $2\frac{1}{2}$ раза.

ному составу, который был у нас до войны, т.-е. к армии в 1.200 тысяч человек, то тогда наш военный бюджет должен будет выражаться в сумме 3.600 миллионов руб. в год. Нужно прибавить к этому расходы на флот и мы получим фантастическую цифру в 5 *миллиардов.*

Страшные последствия войны не ограничиваются колоссальным количеством раненых и убитых. Война отозвалась губительно во всех странах на здоровьи всего населения, не только армии, но и мирных граждан, вызвав страшное распространение всякого рода заразных болезней. Особенно тяжело отозвалось в этом отношении влияние войны в таких странах, как Турция, Россия, Сербия, где население и солдаты были поставлены во время войны, как и во время эпидемий, в крайне неблагоприятные гигиенические условия и не принимали необходимых предохранительных мер для борьбы с заразными болезнями [1]). В январе 1918 г. начальник санитарной части нашей армии северного фронта обратился во все войсковые комитеты и в Петроградский С. Р. и С. Д. с докладной запиской по поводу чрезвычайного роста заболеваемости венерическими болезнями и в особенности сифилисом в армии и в стране. В этом заявлении он, между прочим, пишет:

„Несмотря на все принятые меры, не только не удается уменьшить заболеваемость, но

1) Влияние войны сказалось в этом отношении и в более культурных странах. Так, в июне 1918 г. в швейцарских газетах появилось сообщение о распространении в 18 департаментах Франции эпидемии, принявшей такие размеры, что военный министр запретил давать отпуски уроженцам этих департаментов. Название эпидемии сохранялось в секрете.

рост этой заболеваемости все увеличивается, а сифилизация страны принимает все более и более угрожающие размеры. Так, в одном Витебске в декабре имелось свыше 2.000 больных венерическими болезнями и сифилисом. В нескольких только уездах Псковской и Новогородской губерний было 3.000 их. Сведения эти далеко не полны, так как статистический аппарат по этим вопросам за время войны далеко отстал от того уровня на котором он находился до войны. Врачи совершенно бессильны устранить препятствия в деле борьбы с венерическими заболеваниями. Полный упадок внутренней дисциплины у солдат во всех воинских частях вплоть до лечебных заведений и учреждений, абсолютное нежелание подчиняться и предписаниям, вызываемым кровными интересами самих больных, непонимание необходимости мер принудительного характера, как запрещение отпусков сифилитикам, - все это является причинами, делающими работу врачей совершенно невозможной. К этому присоединяется невозможность размещать венерические госпитали в городах и станциях железных дорог. При превращении обыкновенных военных госпиталей в венерические, команды отказываются работать в них Со всеми этими явлениями врачи бессильны бороться, ибо они лежат вне сферы деятельности врачей. Все это, несомненно, грозит стране неисчислимыми бедствиями. Необходимо спешно принять самые энергичные меры к устранению всех изложенных причин, мешающих проведению в жизнь борьбы с сифилизацией страны“.

Особенно тяжело отозвались четыре года войны на здоровье военно-пленных. Русских военно-пленных числилось к апрелю 1918 г. около 3 миллионов человек. Из этого числа в Германии находилось свыше $1^1/_2$ миллиона человек, в Австрии более 1 миллиона.

В каком состоянии находилась эта армия жертв империалистской бойни? Об этом свидетельствует краткое сообщение, помещенное в „Извест.“ (25 апр. 1918 г.).

В этом сообщении говорится, что, по поступившим сведениям, на общее число русских военно-пленных приходится до *200.000* больных туберкулезом и до 500.000 другими болезнями.

Основные причины такого огромного процента больных среди русских военно-пленных заключались в условиях питания и работы.

По словам вернувшихся из германского плена, люди болели и мерли, как мухи, вследствие жизни впроголодь, а во многих местах и прямого голодания. В концентрационных лагерях (Langensalz и др.) основой питания служил паек в 250 гр. хлеба, зачастую с примесью картофеля и опилок.

Кроме того, пленным давалась мутная бурда из воды и костяной муки.

Эту бурду не могли есть даже вечно голодные русские пленные.

Зачастую всю принесенную „пищу“ целыми котлами уносили из лагерей обратно, так как пленные не могли ее есть.

По словам одного из пленных, около лагерей русских военно-пленных находились большими массами свиньи, которые, по сло-

вам этого товарища, буквально „жирели на мозгах и костях“ русских жертв войны,—так как поедали все, чего не могли в рот взять голодные военно-пленные.

Эта же пища давалась пленным на работах на заводах, фабриках, находящихся близ концентрационных лагерей, с той лишь разницей, что, пока эту „болтушку“ приносили из лагерей, она становилась холодной и еще менее, следовательно, с'едобной. В рудниках, на фронте и на крепостных работах, по словам пленных, люди всегда голодали, и это еще при каторжных условиях труда.

Эти условия, например, в рудниках и крепостях, были так тяжелы, что люди никогда не возвращались оттуда здоровыми.

На многих работах рабочий день начинался в 4 ч. у. и заканчивался в 10 ч. веч., а иногда и позже.

Никакого отдыха, праздников при этом не существовало. Воспрещалось во время работ курение.

Нарисованная выше картина показывает, откуда получилась чудовищная цифра в *700.000 больных русских военно-пленных* из общей цифры в 3.000 000 русских пленных.

Мировая война 1914—1918 г.г., по абсолютному размеру человеческих потерь, превосходит сумму потерь за все предыдущие войны, начиная с 1790 г., т. е. за 125 лет. По относительному количеству людей, погибавших в среднем ежедневно, мировая война была почти в 30 раз губительнее, чем наполеоновские войны.

Последнее обстоятельство об‘ясняется не только тем, что численность армий теперь значительно выше, чем во время Наполеона, но прежде всего тем, что ныне интенсивность и беспрерывность боев превосходит все, что было до сих пор. Знаменитые наполеоновские битвы при Ваграме, под Иеной, при Маренго, Фридланде, Тильзите, Бородине, Ватерлоо и т. д., где 200 – 300 тысяч солдат с той и с другой стороны решали в несколько часов, максимум в 1—2 дня, судьбы империй, были невинной забавой по сравнению с битвами на Марне, на Эне, при Ипре, на Дунайце и т. д., где миллионные армии, вооруженные сотнями и сотнями тяжелых орудий, десятками тысяч легких пушек и пулеметов, летательных машин и других невиданных средств разрушения, в течение целых недель, днем и ночью—корпуса за корпусами – шли в беспрерывные атаки, гибли десятками и сотнями тысяч в проволочных заграждениях, в траншеях, сметались неприятельским ураганным огнем только для того, чтобы в результате сверх‘естественных усилий и страшных потерь продвинуться вперед порой всего на несколько километров. Как губительны сражения в условиях современной техники и при громадной численности втягиваемых в бой армий, можно судить по тому, что *одна битва в Шампани стоила французам и немцам большего числа жертв, чем вся франко-прусская война 1870—1871 г.г., тянувшаяся 210 дней. Страшные битвы под Верденом поглотили больше жертв, чем обе балканские войны 1911—1913 г.г.*

И неужели бесплодно принесены в жертву

Молоху милитаризма эти страшные гекатомбы? И неужели пройдет даром гигантский бой на трех континентах и всех морях и океанах? И пролетариат понапрасну был зрителем, участником и, прежде всего, главной жертвой этой мировой бойни? Не может этого быть!

Как огонь, который, обугливая и сжигая низшие металлы, только закаляет и очищает благородное золото, делая его крепче и тверже, так и вся эта великая страда, весь этот страшный кошмар, пережитые народными массами, в конечном счете только углубят классовое самосознание пролетариата и трудового крестьянства, осветят перед ними всю прошлую историю, историю геройских подвигов и великих поражений, и народные массы во всех странах, разбуженные грандиозной встряской великих исторических событий последних четырех лет, не смогут уже оставаться при том безразличном отношении к своим собственным судьбам, при тех предрассудках сотрудничества классов и проч. и проч., под гнетом которых эти массы прозябали во мраке невежества, духовного и физического рабства.

В течение четырех лет десятки миллионов взрослых мужчин и едва созревших юношей стояли друг против друга с оружием в руках, умирая в страшных муках от ружейных, пулеметных и шрапнельных ран, от голода, холода и всех ужасов траншейной жизни. В течение четырех лет погибли миллионы людей, истрачены сотни миллиардов рублей, опустошены поля, разрушены села, деревни, города, превращены в пустыни целые цветущие области.

И неужели все это пройдет безнаказанно для го подствующих классов Европы и Америки? Неужели европейский и американский пролетариат останется глухим к призывам русского пролетариата, авангарда мировой революции, и не примет участия в гигантской социалистической битве, начатой русским пролетариатом и крестьянством?

Этого не может быть!

II

Стоимость войны

В первой главе „Мировая война и жатва смерти“ мы попытались определить количество человеческих жизней, загубленных мировой войной, и высчитали, что до января 1918 г. все воюющие армии потеряли убитыми, пленными, пропавшими без вести, умершими от болезней, тяжело и легко ранеными, вообще выбывшими из строя и, наконец, такими ранеными, которые были оставлены в строю,— минимум 25 миллионов человек.

Если современная статистика может с большей или меньшей точностью определить число человеческих жизней, загубленных последней войной, в распоряжении современной научной мысли нет никакой возможности исчислить хотя бы приблизительно те чудовищные материальные потери, которые понесли воюющие страны в результате ковавого конфликта, разбившего чуть ли не весь мир на два враждующих лагеря. В самом деле, как выразить в цифрах огромные разрушения, произведенные войной? Целые города и селения, огром-

ные леса стерты с лица земли, поля, сады на десятки лет испорчены, дорогостоящие мосты, туннели, железные дороги, заводы, фабрики разрушены, уцелевшие рельсовые пути на протяжении сотен и сотен километров приведены в полную негодность, тысячи вагонов и паровозов повреждены, в результате усиленного их употребления и перегрузки, в такой мере, что немедленно по окончании войны их придется заменить новыми. Как определить убытки, понесенные народным хозяйством, от так называемой мобилизации крупной, средней и мелкой промышленности и переорганизации разнородных фабрик в военные заводы? Как определить количественно материальный ущерб, понесенный народным хозяйством вследствие обесценения бумажных денег и непрерывного падения, например, цены нашего рубля, а затем совзнака на внутреннем и внешнем рынках? Какие колоссальные убытки понесли десятки и десятки миллионов граждан вследствие необходимости платить за необходимые товары вдвое, втрое, иногда—вдесятеро дороже, чем накануне войны!

Нельзя даже приблизительно учесть материальный ущерб, нанесенный гибелью редких памятников зодчества и произведений искусства, уничтожением бесчисленного множества человеческих жилищ и хозяйств и т. п. Мы уже не говорим о невознаградимой утрате миллионов жизней здоровых работоспособных людей, о миллионах калек, вырванных войной из трудовой семьи человечества. Как учесть с финансово-экономической точки зрения ценность всех этих погибших жизней? Как определить

в денежной форме убыток, нанесенный народному хозяйству воюющих стран, вследствие отвлечения от производительного труда десятков миллионов рабочих рук?

Многие исследователи делали попытки подсчитать стоимость войны, принимая во внимание все слагаемые итоги кровавой бойни, в которую оказался втянутым чуть ли не весь мир. В большинстве случаев все подобные подсчеты являются неполными и преуменьшенными, ибо многие исследователи опускают в своих вычислениях крупные слагаемые, и таким образом получается сумма, стоящая ниже действительных итогов убытков и разорений, произведенных войной. Однако, некоторые подсчеты могут считаться, если не вполне, то приблизительно соответствующими действительности.

Английский статистик Эдгар Креммонд сделал попытку подсчитать стоимость *первого года войны*, включая в эту стоимость, кроме прямых расходов, убытки войны вследствие разрушенного имущества, потери производства и капитализированную ценность погибших человеческих жизней. Эту стоимость первого года войны Э. Креммонд определил в 9,1 миллиарда фунтов стерлингов, т. е. в *91 миллиард* рублей. О величине этой фантастической цифры 91.000.000.000 р. можно судить по тому, что эта цифра почти на $1/2$ превышает число секунд, протекших за время исчисления нашей эры, со дня рождества христова до конца первого года войны, за каковой период протекло 60,3 миллиарда секунд.

Если стоимость первого года войны обошлась в 91 миллиард руб., во сколько обошлась война за $3^1/_2$ года? По самому скромному подсчету, нужно предположить, что стоимость каждого последующего года войны в $1^1/_2$ раза превышала стоимость предшествующего года. Таким образом мы получаем следующие цифры:

	В миллиардах рублей:
Стоимость первого года войны (31 июля 1914—31 июля 1915 г.)	91
Стоимость второго года войны (1915—1916).	136,5
Стоимость третьего года войны (1916—1917).	204,7
Стоимость первой половины 4-го года войны (31 июля 1917—31 декабря 1917).	153,5
	585,7

Итак, мировая война обошлась человечеству по 1-ое января 1918 г. в 585,7 миллиардов р., т.-е. почти в 600 миллиардов рублей, или 1.500 миллиардов франков, считая, конечно, рубль по его нормальному, довоенному курсу, т.-е. в 2,65 франка. Эта чудовищная сумма превышает все национальное богатство Англии, Австрии, Бельгии, Германии, Франции и России вместе взятых. Все богатства этих воюющих стран, накопленные за предыдущее время, не в состоянии будут оплатить этой чудовищной суммы. Уже поэтому все разговоры о каком-то „интернациональном фонде", из которого будто бы могут быть уплачены убытки, понесенные воюющими странами, лишены реального значения При сохранении современного строя и нынешней производительности труда, рабочие и крестьяне должны были бы в течение двух

поколений, трудясь в поте своего лица, питаться сухой коркой хлеба и простой водой, чтобы возместить в денежной форме то зло, которое народные массы воюющих стран причинили друг другу в угоду господствующим классам. Только социальная революция во всей Европе могла бы залечить раны, нанесенные в мировой войне, только при новом социалистическом строе можно было бы обеспечить в материальном отношении миллионы инвалидов, искалеченных этой войной, и спасти от голодной смерти миллионы семейств, потерявших своих кормильцев, уснувших в цвете лет вечным сном на полях сражений.

III

Военные расходы

В главе „Стоимость войны“ мы попытались подсчитать материальный ущерб, причиненный войной, принимая во внимание, кроме прямых расходов, убытки войны вследствие разрушенного имущества, потери производства и капитализированную ценность погибших миллионов человеческих жизней. Мы определили эту стоимость за $3^1/_2$ года войны, по 1-ое янв. 1918 г., в 1.500 миллиардов франков, т.-е. цифрой, превышающей все национальное богатство воюющих европейских стран. Однако, мы оговорились, что подобные вычисления верны лишь приблизительно. Возможно, что наша цифра в $1^1/_2$ раза превышает действительную стоимость войны, как возможно, наоборот, что эта стоимость должна быть выра-

жена не в сумме 1.500 миллиардов фр., а в еще более чудовищной цифре 2.000 миллиардов фр. Очень трудно вычислить более или менее точно те чудовищные материальные потери, которые воюющие страны понесли за эти $3^1/_2$ года. Есть, однако, одна область государственной экономической жизни, где сравнительно с большей точностью определяются военные убытки. *Это финансовые расходы европейских государств на военные нужды.* Можно подсчитать, сколько денег затрачено воюющими государствами на эти нужды. И этот подсчет сделан уже многими специалистами, которые независимо друг от друга приходят к приблизительно одинаковым итогам. Военные расходы в последнюю мировую войну достигли таких колоссальных размеров, какие не могла бы вообразить себе накануне войны самая разнузданная фантазия. В течение двадцати пяти лет до наступления последней войны многие выдающиеся знатоки финансовых и экономических вопросов доказывали, что война между тройственным союзом и тройственным соглашением невозможна, вследствие неминуемого банкротства, которым она грозит этим странам в случае вооруженного конфликта между ними, и что в лучшем случае такая война, если она вспыхнет в результате безумства правительств или взрыва национальных страстей, быстро кончится вследствие финансового истощения воюющих стран. Многим казалось, что будущая *мировая* война будет самой короткой из войн. В будущей войне между первоклассными европейскими государствами будут призваны под оружие в каждой

стране миллионы и миллионы солдат, и это в связи с расходами на вооружение, снаряды, прокормление этих армий потребует таких чудовищных затрат,—доказывали специалисты по финансовым и военным вопросам,—что едва ли война протянется более одного, двух, максимум трех месяцев. Блиох еще в 1899 г. написал огромное сочинение „Будущая война", в котором доказывал, что война сама себя уничтожит и станет невозможной вследствие своей разрушительности и дороговизны. Сочинение Блиоха было переведено целиком или в извлечениях на все европейские языки, и взгляды Блиоха нашли многих сторонников, не только среди пацифистов, но и среди многих милитаристов и офицеров генеральных штабов, которые стали создавать „планы войны", исходя из того, казалось, незыблемо установленного положения, что надвигающаяся война не продлится долго и будет закончена очень быстро. До чего доходили некоторые специалисты по военным вопросам в своем увлечении мыслью о кратковременности будущей войны, видно из того, что один выдающийся французский офицер в своей книге о войне между двойственным и тройственным союзами высказывал опасение, как бы война не кончилась раньше, чем Россия успеет мобилизовать свои войска и двинуть их на помощь Франции. Финансовая и экономическая невозможность *длительной, затяжной войны* вследствие колоссальных ежедневных расходов, связанных с ней, отвлечения от производительного труда миллионов и миллионов солдат, наконец, временного закрытия внешних рынков,—вот основная идея,

которая проходит красной нитью через все сочинения как пацифистов, так и милитаристов о будущей войне. Будущая война невозможна, говорили пацифисты, ибо, если правящие классы рискнут на эту авантюру, через месяц, два, максимум три, после начала войны правительства не будет иметь средств для продолжения войны. Длительные войны в роде русско-японской, англо-бурскойотныне невозможны на европейском театре. „Будущая война по финансовым и экономическим причинам продлится не более нескольких месяцев. Нужно быть вооруженным с ног до головы и готовым каждую минуту к бою,— говорили милитаристы,—чтобы в один-два месяца окончательно разбить неприятеля и заставить его подписать мир раньше, чем финансовый и экономический катаклизм в собственной стране не заставит победителя прекратить войну и пойти волей-неволей на мировую".

Война 1914—1918 г.г. доказала всю неосновательность этих оптимистических рассуждений о невозможности или, в лучшем случае, крайней непродолжительности мировой войны по причинам финансового характера. Дело в том, что передовые капиталистические государства проявили в финансовом отношении такую экстраординарную мощь, какой и не подозревали величайшие знатоки финансовых вопросов, и эта финансовая сила Англии, С. Штатов, Франции и Германии дала возможность не только этим государствам, но и их союзникам тянуть войну четыре года и положить на поле брани милли ны и миллионы человеческих жизней. Если бы только хватило

пушечного мяса и не было опасности всеобщего восстания народных масс, правящие классы с помощью всякого рода финансовых трюков могли бы затягивать войну до бесконечности, перелагая, таким образом, всю тяжесть расплаты за финансовую вакханалию во время войны на грядущие поколения в течение многих и многих десятилетий по окончании войны.

За первые два года война обошлась принимавшим в ней участие 10 государствам в колоссальную сумму: 86 миллиардов рублей на так называемые „военные расходы". Вот как, по данным официального „Вестника Финансов, Промышленности и Торговли", данным значительно преуменьшенным по отношению к некоторым государствам, как, например, России, Италии, Англии, и т. д., распределялась эта сумма между „отдельными" государствами.

Война обошлась в миллионах рублей:

Названия государств.	За 1-й год войны.	За 2-й год войны.	За оба года войны.
Англия	5.500	10.000	15.500
Франция	6.800	9.750	16.550
Россия	6.250	8.000	14.250
Германия	8.500	12.500	21.000
Австро-Венгрия . .	5.500	6.000	11.500
Италия	1.100	2.500	3.900
Сербия и Бельгия.	1.200	1.000	2.000
Турция и Болгария	400	1.300	1.700
Итого . . .	35.250	51.050	86.300

Итак, мы видим, что, чем долее затягивалась война, тем более увеличивались рас-

ходы европейских государств на нее. В первый год Англия затратила на войну 5½ миллиардов рублей, а за 2-ой почти вдвое больше. В меньшей пропорции, но все-таки очень значительно, на 50—60%, увеличили ставки военных расходов все другие государства—Франция, Россия, Германия. И это вполне понятно. Чем долее затягивалась война, тем более возрастала не только численность сражающихся армий, но в особенно страшных пропорциях численность легких и тяжелых орудий, пулеметов, блиндированных автомобилей, танков, аэропланов и т. д., так что в каждом последующем крупном сражении затрачивалось в десять, двадцать раз больше снарядов, чем в предшествующем. Неудивительно, что в то время, как за первый год войны десять воюющих государств израсходовали 35.250 миллионов рублей, за 2-ой год было уже израсходовано 51.050 миллионов рублей.

Нижеследующие данные показывают, с какой быстротой росли, например, военные расходы России.

		Миллионы рублей в день:
В 1914 г.	первые месяцы войны	11,7
„ „	январь—июнь	19
	июль—сентябрь	22
В 1916 г.	до июля	35
	октябрь—декабрь около	50
„ 1917 „	приблизительно	58

Итак ежедневные расходы России на войну в 1917 г. в *пять раз* превышали такие же расходы в 1914 г. С такой же экстроарди-

нарной быстротой росли и военные расходы других государств в течение 1914—1917 г. г.

Военные расходы Франции росли в течение 1914—1917 г. г. с следующей быстротой:

	Миллионов франков в месяц:
В 1914 г. первые месяцы войны . . .	1 318
„ 1915 „ средние расходы в месяц . .	1.900
„ 1916 „ „ „ „ . .	2.743
„ 1917 „ „ „ „ . .	3.360

По данным, опубликованным американским журналом „Scientific Amerikan“, воюющие державы затратили непосредственно на военные нужды до 1 января 1917 г. следующие суммы:

Затрачено на войну до 1-го января 1917 г.

Союзниками:

Россия	42,500	миллиардов франков.
Англия	76,870	„ „
Франция	61,000	„ „
Италия	20,000	„ „
Бельгия	2,450	„ „
Сербия	1,650	„ „
Румыния	1,250	„ „
Итого . .	205,725	миллиардов франков.

Центральными государствами:

Германией	73,000	милл. франк.
Австрией	25,000	„ „
Турцией	3,250	„ „
Болгарией	1,875	„ „
Итого . .	103,125	милл. франк.

Всего 11 государствами сделано было к началу 1917 г. военных расходов на общую сумму свыше 300 миллиардов франков.

Таковы были расходы на мировую войну к началу 1917 г. С тех пор они, конечно, возрасли. Каждый день войны обходился в 1917 г. воюющим европейским государствам в среднем в 600.000.000 франков. Если мы к расходам перечисленных выше государств присоединим военные расходы Португалии, Японии и особенно С. Штатов, которые затратили колоссальные суммы на усиление своего флота, на создание тысяч подводных лодок, аэропланов, обучение сотен тысяч молодых людей военному делу и на переправу в Европу целой армии, мы едва ли ошибемся, если определим в 600 миллиардов франков сумму, принесенную человечеством в жертву богу войны до 1 янв. 1918 года. **О грандиозности этой суммы можно судить по тому, что она в $5^1/_2$ раз превышает сумму военных расходов (110 миллиардов франков), поглощенных за все войны, которые велись в течение последних 125 лет**[1]).

Этой суммой 600 миллиардов франков не ограничились военные расходы. Потребовались огромные денежные средства на самое прекращение войны, на демобилизацию десятков

---

[1]) По позднейшим данным, разработанным историко-экономической секцией института имени Карнеджи, стоимость *прямых военных* расходов мировой войны определяется в 145 миллиардов долларов для союзных держав и в 63 миллиарда долларов для центральных держав и союзников последних, итого в 208 миллиардов долларов. Таким образом, наши вычисления отнюдь не страдали преувеличением, а наоборот, преуменьшали действительную цифру прямых военных расходов. Прямые военные расходы России за весь период мировой войны исчисляются институтом Карнеджи в 23 миллиарда долларов, т. е. в 115 миллиардов франков золотом.

миллионов солдат, которых пришлось по окончании войны перевозить и распускать по домам не сразу, а постепенно в течение многих месяцев, далее—на обеспечение инвалидов и т. д., и т. д. Горький опыт японской войны служит некоторым показателем, каких колоссальных расходов требует ликвидация мировой войны. Японская война продолжалась 1 год 8 месяцев, а демобилизация продолжалась 9 месяцев. Тогда на самые военные нужды было израсходовано 1.701,8 миллиона рублей, но после войны целых пять лет пришлось государству расплачиваться за те прямые, непосредственные убытки и разрушения, которые причинила война, и на это была израсходована огромная сумма в 1.238 миллионов рублей. Но в русско-японскую войну военные действия разыгрывались в мало-культурных, ненаселенных областях, и здесь разрушительное действие войны не могло проявиться в таких колоссальных материальных потерях, какие причинили военные действия в промышленной Бельгии, в цветущих областях Франции, Италии, в русской Польше, Лифляндии, Курляндии и т. д. Только через много лет после окончания войны, когда будут подведены итоги первым огромным денежным затратам на ликвидацию самой войны, на демобилизацию, на пенсии инвалидам, на восстановление разрушенных мостов, железно-дорожного материала и т. д., мы сумеем составить приблизительное представление о чудовищных размерах расходов, вызванных нынешней войной. Вместе с тем, только через несколько лет мы сумеем определить более или менее

точно общий размер потерь людьми, вызванных войной, ибо для точного подсчета всей суммы потерь людьми необходимо было бы учесть 1) прямые потери людей, погибших от оружия или пострадавших от него в армиях; 2) заболеваемость и смертность армии от болезней; 3) смертность среди военнопленных; 4) потеря гражданского населения в районе полей битв; 5) смертность беженцев; 6) общее увеличение смертности среди всего населения вследствие недоедания, горя, распространения заразных болезней, занесенных солдатами, и т. п.; 7) прирост калек и инвалидов в населении. Понятно, что в настоящее время невозможно, хотя бы даже приблизительно, подвести такой итог.

Само собой разумеется, что европейские народы не будут в состоянии оплатить проценты по внутренним и внешним займам, заключенным на покрытие военных расходов, и будущие поколения откажутся от этого дьявольского наследства, к торое оставят им безумные отцы. Государственное банкротство в явной или замаскированной форме, — это неизбежная перспектива, перед которой стоят все воюющие государства. Скоро всеми этими облигациями национальной обороны, займов победы, свободы и т. д., будут оклеиваться стены квартир во Франции, Австрии, Германии и т. д., а оставшиеся красивые бумажки, не имеющие уже никакой ценности, будут отданы на забаву малым детям, как клочья когда-то славных, а теперь уже поруганных знамен, символов навеки рухнувшего строя.

IV

Война и финансы России

Война расстроила финансы всех государств, но особенно тяжело отозвалась она на русском финансовом хозяйстве.

Накануне войны, русский государственный бюджет сводился без дефицита. Более того: доходы превышали сумму расходов, так что в казначействе скоплялись свободные сотни миллионов рублей, которые должны были обеспечить финансовую мощь и непобедимость России в случае войны с внешним врагом. Официальная и официозная русская пресса, а также почти вся французская печать (за исключением двух-трех социалистических газет), указывали на громадную золотую наличность нашего Государственного банка, на превышение государственных доходов над расходами, как на свидетельство превосходного состояния русских финансов. Особенно восторженные статьи о наших финансах печатала известная французская газета „Matin", которая находила, что финансовая мощь России вполне соответствует ее экстраординарной военной силе и что поэтому Франция в союзе с таким колоссом может смело вступить в бой с центральными державами, которых в будущей войне прежде всего ждет финансовое банкротство, не говоря уже о неизбежном военном разгроме. И действительно, с внешней стороны, по отчетам нашего государственного контроля, в царской России в области финансов все обстояло прекрасно, как видно, например, из нижеследующих цифр.

	Приходы	Расходы.	Остатки свободных средств казнач. на 1 янв. данного года.
	В миллионах рублей.		
1910 г.	2.829,5	2.596,6	107,4
1911 „	2.989,9	2.974,6	333,0
1912 „	3.131,8	3.171,0	473,4
1913 „	3.452,5	3.382,9	433,2
1914 „	—	—	514,2

Итак, остаток свободных средств, запасаемых про черный день в государственном казначействе, превышал к 1 января 1914 г. полмиллиарда рублей, сумму, которая по тем временам считалась колоссальной. Однако, стоило только наступить мировой войне, как сейчас же обнаружилось, что все государственное финансовое здание воздвигнуто на песке и что без усиленного увеличения налогов, без многочисленных внутренних и внешних займов, наконец, без непрерывного выпуска бумажных денег царская Россия не в состоянии покрыть и незначительной доли расходов на военные нужды. Уже за первое полугодие войны существовавших казенных доходов не хватало на покрытие обыкновенных и военных расходов, так что создался дефицит, превышавший 2 миллиарда рублей.

Бюджет 1914 года

Поступило доходов.	Произведено расходов. По обыкн. бюджету.	Произведено расходов. На нужды военного времени.	Недостаток доходов (дефицит).
В миллионах рублей			
2 960,7	3.390,9	1.656,4	2.086,6

В следующем 1915 г. военные расходы увеличивались с чрезвычайной быстротой, и, таким образом, дефицит необычайно вырос.

Бюджет 1915 года

Поступило доходов.	Произведено расходов. По обыкн. бюджету.	Произведено расходов. На нужды военного времени.	Недостаток доходов (дефицит).
В миллионах рублей			
2. 898,3	3.408,1	8.815,4	9.325,2

Бюджет 1916 года

Поступило доходов.	Произведено расходов.	Дефицит.
В миллионах рублей		
3.975,0	16.260,6	12 285,6

Так росли военные расходы России в течение 1914—1916 г.г. Само собой разумеется, что с еще большей быстротой возрастали военные расходы в 1917 г. По справке, опубликованной министерством финансов в сентябре 1917 г., военные расходы России по 1 сентября 1917 г, т.-е. за $37^1/_2$ месяцев войны, превысили $41^1/_3$ миллиардов рублей. Это так называемые расходы из *„военного бюджета“*. Расходы же по обыкновенному бюджету за это время равняются 13,8 миллиардам рублей.

Само собой разумеется, что, так как годовые доходы России до войны не превышали 3—4 миллиардов рублей, и так как увеличение налогов не могло покрыть колоссальных расходов на войну, выражавшихся в десятках

миллиардов рублей, правительству ничего не оставалось, как прибегнуть для покрытия военных расходов, главным образом, к двум источникам: 1) к внутренним и внешним займам и 2) к усиленному выпуску бумажных денег.

Иностранных займов было заключено на сумму $7^1/_2$ миллиардов рублей. В действительности же поступило от заграничных займов чистой выручки около $5^1/_2$ миллиардов рублей. Таким образом, эти займы могли покрыть лишь незначительную часть наших военных расходов.

Внутренних займов было выпущено семь, а именно:

	На сумму
1-й заем в 1914 г.	500 милл. р.
2-й „ „ 1915 „	500 „ „
3-й „ „ — „	1.000 „ „
4-й „ „ — „	1.000 „ „
5-й „ „ 1916 „	2.000 „ „
6-й „ „ — „	3.000 „ „
7-й „ „ 1917 „	3.000 „ „
Итого	11.000 милл. р.

Таким образом, общая сумма внутренних военных займов составляла 11 миллиардов, но в действительности чистая выручка дала не более 10 миллиардов. Затем были выпускаемы особые займы на короткий срок. Так, например, было выпущено на 850 милл. руб. 4% билетов государственного казначейства (в 1914 и 1915 г.г.)—так называемых серий. Наибольшее же количество краткосрочных займов было выпущено в виде 5% обязательств государственного казначейства, а

именно на сумму 6.500 миллионов рублей по 1 июля 1916 года.

Все эти внутренние и внешние займы сильно увеличили государственную задолженность России. В своей об'яснительной записке к росписи государственных доходов и расходов на 1916 г. министр финансов дал следующие данные о состоянии нашего государственного долга:

Оставалось долга к концу года (в миллионах рублей

1903 г.	6.652	1910 г.	9 030
1904 „	7 082	1911 „	8.957
1905 „	7.841	1912 „	8.858
1906 „	8.625	1913 „	8.824
1907 „	8.725	1914 „	10 488
1908 „	8.851	1915 „	18.876
1909 „	9.054		

Итак, уже к концу 1915 г., по официальным данным, государственная задолженность России достигла почти 19 миллиардов рублей. К 1 июля 1917 г. наша государственная задолженность превысила уже 43,9 миллиардов рублей.

Мы не ошибемся, если определим государственную задолженность России к 1 января 1918 г. приблизительно в 65 миллиардов рублей. Что обозначает для русского народа эта цифра? Каково ее истинное значение с точки зрения тяжести, какой она ложится на плечи трудовых классов, беднейшего крестьянства и пролетариата? Численность населения России, без Польши и Курляндии, определялась, по официальным данным, приблизительно в 150 миллионов душ. Разделив цифру го-

сударственного долга России, 60 миллиардов, на цифру населения, получим цифру 430. Таким образом, при признании этого государственного долга, на душу населения в России пришлось бы более 430 рублей Следовательно, в результате войны, отнявшей у народных масс столько жертв, искалечившей и отправившей на тот свет столько рабочих и крестьян, каждая рабочая или крестьянская семья в шесть человек оказывается награжденной долгом в 2580 р.

Принимая во внимание, что военные займы последнего времени заключались номинально из 5—6 проц., а фактически из 7 проц., окажется, что каждая рабочая или крестьянская семья, состоящая из 6 душ, принуждена будет уплачивать в разных формах 170 рублей ежегодно только процентов по государственным долгам. Крестьянская или рабочая семья в 12 душ оказалось наделенной в результате войны колоссальным долгом в 4.800 рублей и вынужденной платить ежегодно до 340 рублей одних процентов по государственным долгам. Ясно, что война взвалила непосильное финансовое бремя на плечи крестьян и рабочих, которым оставалось лишь сбросить это бремя, чтобы спасти себя от гибели.

Ежегодная сумма, которую России пришлось бы уплачивать в качестве процентов по государственному долгу, образовавшемуся к 1 января 1918 г, равняется 4 миллиардам рублей. *Эта сумма более, чем на 1/2 миллиарда руб., превышает цифру наших государственных доходов* (3.452 миллиона) *за последний год накануне войны* (1913). Достаточно

задуматься над этой цифрой, чтобы понять, что аннулирование наших государственных долгов отнюдь не является прихотью каких-нибудь утопистов, уступкой предвзятым теориям, а является мерой, диктуемой железной логикой положения. Впрочем, как мы доказывали в предшествующей статье, государственное банкротство в явной или скрытой форме— перспектива, от которой не уйти в результате нынешней войны и чудовищных расходов, вызванных ею, всем воюющим государствам, за исключением, может-быть, Англии и С. Штатов, да и то лишь при условии, что война кончится скоро.

Прибавим, что это государственное банкротство, которое, несомненно, разорит сотни тысяч и даже миллионы мелких и средних рантье, не явится самой страшной из катастроф, вызванных нынешней войной. Да и что значат эти материальные убытки, по сравнению с гибелью 25 миллионов уничтоженных окончательно или искалеченных человеческих жизней, в которые обошлась, как мы доказали в предшествующих статьях, нынешняя война ослепленным народным массам, давшим повести себя, как баранов, на страшный убой, какого не видела еще история человечества с незапамятных времен? Ужасы эпохи Тамерлана или Чингисхана, Батыева нашествия, гуннских походов, о которых сохранилось страшное воспоминание во фразе: „где ступит гуннский конь, там и трава не растет“,- ничто в сравнении с массовым избиением и истреблением человеческих жизней, пример которого являет мировая война 1914—18 г.г. И по-

тому, если даже по человечеству и жаль тех рабочих, крестьян и мелких лавочников, приказчиков и других „маленьких людей“, которые, благодаря государственному банкротству, в конце концов потеряют все свои сбережения, накопленные тяжелым трудом, все же в этом тяжком ударе нельзя не видеть заслуженного урока исторической Немезиды, которая наказывает, таким образом, всех тех, кто сознательно или бессознательно содействовал продолжению войны и посылал своих братьев на убой под неприятельские пули и шрапнели в угоду господствующим классам. В этом отношении роковой финансовый финал той панамы, какой явился беспрерывный выпуск новых и новых займов во время мировой войны, вполне оправдал подсказанный здравым смыслом образ действий тех тысяч французских крестьян, которые—как об этом писала с пеной у рта французская реакционная пресса с „Echo de Paris“ во главе—отказывались, по наущению-де немецких агентов, подписываться на последние займы, дабы не содействовать затягиванию войны и убийству новых сотен тысяч французских крестьян и рабочих „в угоду попам, капиталистам и высшим чиновникам“.

„И остается только пожалеть, что примеру тысяч французских крестьян не последовали десятки миллионов рабочих, крестьян, мелких лавочников и т. д. в Германии, Австрии, Англии, в самой Франции и в других воюющих странах, ибо такого рода массовое воздержание от подписки на военные займы явилось бы одним из средств сократить продолжительность войны и спасти миллионы жизней“.

V

Государственное банкротство России.

Мы определили выше государственный долг России к 1 января 1918 года приблизительно в 65 миллиардов рублей. Чтобы представить себе всю грандиозность этой цифры, вспомним, что национальное достояние России до войны оценивалось в 120 миллиардов рублей. Следовательно, наш государственный долг к 1 января 1916 г. составлял более 50% всего нашего национального богатства.

История русского государственного долга начинается с первого внешнего займа, заключенного при Екатерине II в Голландии в 1769 г. Русский государственный долг особенно энергично возрастал во второй половине XIX века, чему содействовали усиленная постройка крупных железных дорог и выкуп частных железных дорог в руки казны. В начале текущего столетия русско-японская война сразу подняла нашу задолженность, и настоящая война довела эту задолженность с 8,8 миллиардов рублей к 1 января 1914 года до 65 миллиардов к 1 января 1918 г. Из этой суммы более $^1/_4$, именно 16 миллиардов, приходится на наш заграничный долг.

Как ни чудовищна приведенная нами цифра нашего государственного долга—65 миллиардов, эта цифра все же ниже действительной суммы наших обязательств. Дело в том, что мы не включили в наш итог платежей по непред‘явленным купонам и тиражным облигациям за предыдущие годы,—платежи, которые уже к началу 1910 г. официально определялись в бюджетной комиссии Гос. Думы

в 15,2 милл. рублей. Если мы и эту цифру присоединим к прочим слагаемым нашего государственного долга, мы получим следующую картину всех наших обязательств по системе государственного долга к 1 января 1918 г.

I. Внешние долги:

Англии	7 500	
Франции	5 500	
Германии	1.250	
Голландии	750	
С.-А. С. Штатам	500	
Японии	200	
Швейцарии	200	16.000

II. Прямые внутренние долги:

Долгосрочный долг	25.000	
Краткосрочный:		
а) 4% серии	1.000	
б) 5% краткосрочн. обязательства	18.000	44.000

III. Косвенные внутренние долги:

Свидетельства Крестьянского позем. банка	1.400	
Закладные листы Дворянск. земельн. банка	960	
Гарантиров. правительством железнодорожные облигации	2.440	4.800
Итого долгов		64.800
IV. Платежи по непред'явленным купонам и тиражным облигациям за предыдущие годы		15.200
Всего обязательств по системе русского государственного кредита		80.000

Эта цифра 80 миллиардов рублей представляет собой ⅔ всего нашего национального

богатства, Ясно, что при таких размерах нашей задолженности нет никакой возможности избегнуть государственного банкротства. Между тем, некоторые противники декрета от 1 января 1918 г. об аннулировании всех государственных долгов России в своей критике означенного декрета исходят, прежде всего, из констатирования факта нашей *громадной задолженности*, в результате чего наше банкротство грозит нанести кредиторам исключительно огромный ущерб, с которым последние ни в коем случае не примирятся. Так рассуждает, например, В. Щелкалов, автор интересной статьи „Государственное банкротство России", напечатанной в „Нашем Веке" (12 янв. 1918 г.).

„Значение банкротства для России определяется размерами ее задолженности и ее политическим положением. Задолженность чрезвычайно велика, т.-е. банкротство наносит кредиторам исключительно огромный ущерб; политическое же положение слишком слабое, т.-е. допускает воздействие извне самых крайних мер.

„Сумма одних внешних русских долгов (16.000 милл. руб.) составляет почти 40 миллиардов франков. Прекращение всяких платежей по этим долгам поставит вне фондового оборота, т.-е. вызовет величайшую мировую финансовую катастрофу, последствия которой для государственного кредита и хозяйственной жизни всех стран будут чрезвычайно тяжелы. Государства-кредиторы не могут допустить подобного краха, который глубоко затронет финансовые основы их собственного существования.

Они, главным образом, союзники, слишком далеко зашли в своей помощи России и слишком отождествились с ее интересами, чтобы хладнокровно отнестись к гибели своих десятков миллиардов,— гибели, которая не имеет основания для столь богатой естественными рессурсами страны, какой является Россия. Ныне происходящее крушение русской великодержавности создает—особенно на фоне нынешних отношений к союзникам—предпосылки для проведения по отношению к ней ряда репрессивных мер... Конечно, захват восточной части Сибири, ценность которой во много раз превышает сумму нашего внешнего долга, находится в области слухов, но самые слухи— симптом серьезный. Оккупация Приамурья и Забайкалья—это, повидимому, уже более реальная перспектива.

„С другой стороны, государственное банкротство России означает лишение ее права на кредит повсеместно—в Европе, Америке и Азии. Иными словами, она утрачивает то великое финансовое орудие, при помощи которого она в прошлом хозяйственно перестроилась на европейский лад и которое помогло бы ей экономически возродиться в будущем, т.-е. после ликвидации нынешней войны. Именно экономическое возрождение России мыслится не иначе, как в форме притока иностранных капиталов, и центром, организующим этот приток, мог быть—особенно при расстроенной валюте—лишь государственный кредит. Затем в государственные займы и гарантированные правительством облигации вложена масса капиталов кредитных учреждений (акционер-

ными банками около 3.000 милл. руб, обществами взаимного кредита около 75 милл. руб., городскими общественными банками около 50 милл. руб., земельными банками около 200 милл. р., банкирскими конторами около 25 мил. р.) и целиком—капиталы всякого рода общественных учреждений — благотворительных, ученых, учебных, эмеритуры, пенсии и т. д., не говоря о капиталах страховых и акционерных обществ и сберегательных касс (в последних вклады помещаются исключительно в государственные займы и гарантированные облигации). С об‘явлением государственного банкротства все эти учреждения, кредитные, благотворительные, ученые и прочие также должны будут об‘явить себя банкротами, ибо материальная основа их существования—их капиталы—уничтожается. Их же банкротство неизбежно повлечет за собой банкротство массы лиц, последствием чего явится колоссальный рост нищенства и полное угасание всяких культурных организаций. „Печальное, ужасное событие! Огромное число жителей в государстве, все многочисленные его кредиторы теряют часть своего имущества, и эта потеря не падает на знатных и богатых, как обыкновенно думают... Теряют по большей части мелкие капиталисты, которые обратили свои сбережения в долговые обязательства, вдовы, сироты и все состоящие под опекой публичные учреждения, благотворительные заведения; след., те лица и учреждения, которым труднее найти себе удовлетворение. Нищета, распространяющаяся вследствие этого среди населения, не имеет границ“ [1]).

---

[1]) Hock: „Die öffentlichen Abgaben und Schulden“, 321, Lpzg. 1863.

„Итак, мы видим, к чему приводит и какие создает последствия государственное банкротство России. Оно вызывает возможность захвата иностранными державами-кредиторами богатейшей русской окраины, лишает страну возможности экономически возродиться в ближайшем будущем, порождает крах многочисленных народно-хозяйственных и культурно-благотворительных учреждений и ведет к неслыханному возрастанию нищенства".

Нетрудно видеть, в чем заключается основная ошибка Щелкалова. Сотрудник „Нашего Века" мыслил дело так, как будто после войны и в самой России и во всей Европе все останется по-старому, за исключением только одного нового факта—декрета Совета Народных Комиссаров от 1 января 1918 г. об аннулировании внешних и внутренних займовых обязательств Российского государства. Прежде всего следует заметить, что от государственного банкротства не уйти и другим воюющим государствам, за исключением, может-быть, Англии и С. Штатов. Мировая война обошлась воюющим государствам на одни лишь военные расходы в 600 миллиардов фр. по 1 января 1918 г. В этой сумме русский внешний долг 16 миллиардов рублей или 40 миллиардов фр. составляет $^{1}/_{15}$ часть, т.-е. около $6^{1}/_{2}\%$. У всех воюющих стран оказались более страшные потери, чем утрата процентов по русскому внешнему долгу. Национальный долг Великобритании к 1 января 1918 г. превышал 60 миллиардов рублей. „Если война, согласно планам английских империалистов, протянется до лета,—писали мы в „Известиях",—националь-

ный долг Великобритании превысит 80 миллиардов рублей и в эту колоссальную сумму внешний долг России войдет незначительной частью (приблизительно $^1/_{10}$) [1]). То же самое можно сказать относительно Франции, которая уже затратила (по 1 января 1918 г.) более 100 миллиардов фр. на военные расходы. В течение 1917 г. Франция тратила ежемесячно в среднем 3 миллиарда 360 миллионов франков. Можно полагать, что в нынешнем 1918 г. Франция будет тратить ежемесячно в среднем около 4 миллиардов фр. Стало-быть, *в три-четыре месяца войны Франция затрачивает на военные расходы сумму, превышающую весь внешний долг России по отношению к Франции*".

„Не подлежит сомнению, что Франция, Германия, Австрия, Италия, Турция и т. д. прибегнут в результате войны к скрытому банкротству—если не к явному—для ликвидации государственного долга. В какой форме будет проведено это скрытое банкротство различными государствами, сейчас трудно предугадать. Возможно, что одни государства обложат государственные обязательства громадным налогом, скажем, в 50—60 проц. на купоны, другие попросту уменьшат платежи процентов по своим долгам на $^1/_2$. Раз вступив на этот путь, все государства, разумеется, будут увеличивать налоговое обложение купонов и все более уменьшать платежи процентов по своим долгам. Фактически это при-

---

[1]) По данным института Карнеджи, прямые военные расходы Великобритании за весь период мировой войны исчисляются в 45 миллиардов долларов.

ведет через несколько лет после войны сначала к страшному обесценению всех гарантированных правительством облигаций, а затем к полной ликвидации государственного долга. Таким образом, во всей Европе целый ряд общественных учреждений — благотворительных, учебных, ученых, эмеритур—сначала потеряют значительную часть своих капиталов, а затем окончательно должны будут об'явить себя банкротами, ибо материальная основа этих обществ—их капиталы в форме ценных бумаг – рухнет в пропасть. И, конечно, не взыскание процентов по внешним обязательствам России поправит дела всякого рода акционерных обществ, земельных банков, обществ взаимного кредита, сберегательных касс, фабрик, заводов, наконец, различных общественных учреждений — благотворительных, ученых и т. д., вложивших часть своих капиталов в русские ценности, в наши государственные займы, в наши промышленные акции, в наши железные дороги и т. д."

Всякий, кто знаком с реальным положением дел хотя бы во Франции, знает, что с момента об'явления войны целый ряд банков, заводов, электрических компаний, газовых обществ, подземных дорог, трамваев и т. д. и т. д. совершенно прекратили платежи купонов по своим акциям, и, таким образом, масса частных лиц и тысячи культурных и всякого рода общественных учреждений очутились в критическом положении. Самые могучие французские банки, в роде Лионского кредита, далее, многие фабрики и заводы, положение которых до войны было необыкновенно прочным,

начали с момента войны выплачивать по акциям лишь $^{1}/_{2}$ или $^{1}/_{3}$, а иногда $^{1}/_{5}$ часть той суммы, которая выплачивалась в качестве прибыли до войны. Таким образом, с момента об'явления войны значительная часть ценных бумаг во Франции совершенно перестала приносить какой-либо доход, другая же часть приносила доход значительно уменьшенный по сравнению с обычным. Только некоторые металлургические ценности и акции привилегированных предприятий, тесно связанных с войной, приносили обычный, а иногда увеличенный доход. Во всяком случае уже до декрета об аннулировании русских внешних займов сотни тысяч лиц во Франции потеряли все свои сбережения, вложенные во всякого рода ценные бумаги, и очутились на краю банкротства. И если, тем не менее, миллионы лиц, которым война не принесла ничего, кроме горя и слез, кроме потери близких родных и разорения, сочувствовали идее войны „до победного конца", такое настроение этих ослепленных людей об'яснялось уверенностью в том, будто победа над Германией, вернув Франции Эльзас-Лотарингию и уничтожив немецкую конкуренцию на мировом рынке, улучшит положение французской промышленности, спасет банки, потрясенные войной, от крушения и в конечном счете не только вернет ценность всякого рода акций и облигаций к прежнему уровню, но даже значительно повысит эту ценность. Сотни тысяч мелких и средних рантье наивно предполагали, что одно присоединение Эльзас-Лотарингии к Франции, дает возможность французским фабрикам, устра-

нив немецкую конкуренцию в возвращенных Франции областях,—открыть новые отделения в Эльзас-Лотарингии, этим самым улучшить положение французских банков и различных промышленных учреждений и предотвратить банкротство миллионов лиц, вложивших все свои сбережения в различные банковские и промышленные ценности.

Наивно было думать, будто в том колоссальном ущербе, который война нанесет благосостоянию миллионов граждан во всех странах, в том финансовом катаклизме, который будет вызван результатами мировой войны, отказ России от уплаты процентов по внешним займам явится *сам по себе* одной из важных причин гибели многих западно-европейских культурных и благотворительных обществ, фабрик, заводов, банков и других промышленных и финансовых предприятий, вложивших более или менее значительную часть своих капиталов в русские займы. Наивно было думать, будто какими-либо паллиативами—в роде принуждения России к уплате процентов по ее внешним долгам, можно спасти буржуазное общество от тяжелых для него последствий безумной войны, вызванной авантюристами финансового и промышленного капитала.

Та материальная потеря, которую европейские государства понесли в результате аннулирования русского внешнего долга, является ничтожной долей в той сумме материальных потерь, в которые обошлась мировая война. На одни „военные расходы“ воюющие державы затратили более 1000 миллиардов фр., а

общая „стоимость войны“ должна быть определена минимум в 1800 миллиардов фр., чудовищную сумму, превышающую все национальное богатство Англии, Франции, Германии, России, Австрии, Бельгии вместе взятых. Что значит в этой цифре внешний русский государственный долг в 16 мил. рублей? Но декрет об аннулировании русских государственных долгов имел тем не менее мировое значение.

Банкротство массы частных лиц, гибель многочисленных благотворительных обществ, культурных учреждений и т. д., колоссальный рост нищенства в результате полного обесценения многих бумаг, в которые миллионы людей и сотни учреждений вложили все свои сбережения и все свои капиталы все это явления, неотвратимо связанные с ликвидацией мировой войны И эта величайшая финансовая катастрофа, следствия которой для государственного кредита и хозяйственной жизни всех стран будут чрезвычайно тяжелы, явится, в конечном счете одним из могущественнейших факторов социальной революции, которая одна лишь в состоянии будет залечить раны, нанесенные мировой войной.

VI

Война и бумажное обращение в России в 1918 году

Государственная задолженность России определена нами в 80 миллиардов рублей к 1-му января 1918 г. Как мы отметили выше, наша страшно возросшая с июля 1914 г. задолженность обусловлена, прежде всего, вой-

ной и вызванными ею расходами. Мы уже упоминали, что от начала войны по 1 сентября 1917 г., т.-е. за $37^1/_2$ месяцев войны, военные расходы превысили $41^3/_4$ миллиарда рублей. Это, так называемые расходы, из „военного бюджета".

Из справки о положении нашего государственного казначейства к 1 сентября 1917 г., т.-е. за *$37^1/_2$ месяцев войны,* явствует, что наши семь долгосрочных займов, включая и заем свободы, встреченный очень холодно нашей буржуазией, покрыли лишь $^1/_4$ наших военных расходов, наши заграничные займы покрыли $^1/_5$ часть военных расходов, правильный краткосрочный кредит дал нам всего 5 миллиардов рублей, т.-е. он покрыл лишь $^1/_8$ часть наших военных расходов по 1 сентября 1917 г. Остались непокрытыми 18 милиардов рублей. Откуда же было взять деньги для покрытия этих 18 миллиардов рублей? К услугам власти явился благодетельный печатный станок.

К началу войны у нас было в обращении бумажных денег всего лишь на сумму 1.633 миллиона рублей. По балансу нашего Государственного банка, уже на 23 августа 1916 г. было выпущено в обращение кредитных билетов на сумму 7.021 миллион рублей; на 16 декабря того же года у нас было выпущено бумажных денег на 8.591 миллион рублей. Уходя в двухмесячный отпуск, министр финансов П. Барк успел провести, в порядке 87-й статьи, закон, по которому Государственный банк получил право выпустить кредитных билетов еще на миллиард рублей. К 1

сентября 1917 г. было выпущено бумажных денег на 14.217 миллионов рублей. Бумагоденежный источник играет роль в большей или меньшей степени у всех воюющих держав в деле покрытия военных расходов. Эта роль была очень скромна у Англии, в которой билетов казначейства выпущено на сумму 1.800 миллионов рублей. В Германии, считая билеты имперского банка и свидетельства военно ссудных касс, выпуск бумажных денег исчисляется в 5 миллиардов, собственно же позаимствование германского имперского казначейства у рейхсбанка едва ли превышает 4 миллиарда. Франция выпустила на 6 миллиардов рублей и Россия на 14.217 миллионов. Позаимствование же государственного казначейства у Государственного банка равняется 15 миллиардам рублей. Следовательно, царская Россия побила все рекорды.

В начале войны в России имелось бумажных денег всего на сумму 1.633 миллиона рублей, через $37^{1}/_{2}$ месяцев войны их было уже на сумму 14.217 милл. рублей. Таким образом, *количество бумажных денег за время войны, по 1 сентября 1917 г., выросло почти в десять раз.* Нетрудно понять, какое влияние на всю жизнь страны, на обострение хозяйственной разрухи, на крайнее удорожание всех продуктов должен был иметь факт такого усиленного выпуска бумажных денег. Выпуск бумажных денег совершался в течение войны с прогрессирующей быстротой. Если взять средний ежемесячный выпуск Государственным банком бумажных денег, то он шел таким образом.

За второе полугодие 1914 г. средний выпуск в месяц	219	милл. руб.
За 1915 год	223	" "
" 1916 "	290	" "
" январь и февраль 1917 года	423	" "
С 1 марта по 1 июля 1917 г. (за время революции)	788	" "

„Революция *увеличила больше, чем в два с половиной раза месячный выпуск бумажных денег.*

„За два с половиною года войны до революции право Государственного банка на выпуск кредитных билетов было увеличено на 8 миллиардов рублей. Только за первые 5 месяцев революции это право вновь было расширено на 6 миллиардов рублей",—писал А. И. Шингарев в своей интересной брошюре „Финансы России во время войны", характеризуя, таким образом, деятельность временного правительства по выпуску бумажных денег:—

„Очевидно, таким темпом продолжаться дело не может без того, чтобы не наступило крайнее расстройство государственных финансов. Работа экспедиции заготовления государственных бумаг, этой фабрики бумажных денег, дошла до крайней степени напряжения. В начале войны в ней имелось 700 человек рабочих, теперь их работает здесь свыше 8.000 человек. До войны каждый день печаталось 200—300 тысяч рублей бумажных денег, к началу революции ежедневный выпуск их достиг 18 миллионов рублей, к маю месяцу 1917 г. экспедиция выпускала уже 30 миллионов рублей в день, а к июлю—свыше 50 миллионов рублей. Почти 200 пудов бумаги

идет каждый день на печатание этих кредитных билетов, все машины, все рабочие руки без отдыха заняты ими, и все же денег едва хватает. Государственный банк не успевает удовлетворять требований, во многих его отделениях в провинции уже начинают чувствоваться затруднение вследствие недостатка бумажных денег. Куда же итти дальше?" [1]).

Главную ответственность за этот усиленный выпуск бумажных денег Шингарев возлагал на „февральскую революцию", которая вызвала быстро растущие требования на повышенную оплату труда массы служащих и рабочих в государственных, общественных и частных учреждениях и предприятиях. Рост заработной платы на фабриках и заводах, повышение оплаты труда народных учителей, увеличение содержания почтово-телеграфных служащих, установление нового жалования солдатам, повышение платы служащим, мастеровым и рабочим железных дорог и т. д.—вот причины, которые, по мнению покойного Шингарева, не в малой мере содействовали дальнейшему ухудшению государственных финансов со времени февральской революции, вызвав усиленный выпуск бумажных денег. Однако, при внимательном исследовании интересующего нас явления, очевидно, что отмеченный выше фактор не мог играть той роли, какая приписывалась ему Шингаревым. Причина усиленного выпуска бумажных денег лежала в непрерывно возраставшем в течение войны росте военных расходов. Я уже отметил выше, что в то время, как в первые месяцы войны

[1]) См. цитир. брошюра, стр. 23.

(в 1914 г.) ежедневные расходы России на войну равнялись 11,7 миллиона рублей, те же расходы в 1917 г. равнялись приблизительно 58 миллионам руб. в день, т.-е. *повысились более, чем в пять раз*. При нежелании правительства Милюкова, а затем Керенского ввести в России чрезвычайный прогрессивно-подоходный, поимущественный и прогрессивно-понаследственный налоги, которые могли бы дать действительную точку опоры для покрытия колоссальных расходов, вызываемых войной, государству ничего не оставалось, как пользоваться старым приемом—усиленным выпуском бумажных денег.

За последнюю четверть 1917 г. выпуск бумажных денег возрос с головокружительной быстротой. Есть основания предполагать, что за последние четыре месяца 1917 г. (с 1 сентября) число бумажных денег возросло более, чем на 10 миллиардов, из коих на долю последних $2^1/_2$ месяцев приходится 4—5 миллиардов рублей. Как бы то ни было, к 1 января 1918 г. в стране имелось до *25 миллиардов бумажных денег*, при чем на поверхности циркулировали главным образом „керенки" [1]). При всем том в стране ощущался сильнейший денежный голод, очевидно, вследствие расстройства Государственного банка, этого регулятора денежного и кредитного обращения. К 1 января 1918 года *в стране имелось в пятнадцать раз более бумажных денег, чем в начале войны*. В то время, как все источники государственных доходов иссякли, железные дороги

---

[1]) К 1 июня 1918 г. размеры бумажного обращения превышали 40 миллиардов рублей.

почти не работали, продовольственный аппарат был парализован, функционировал лишь исправно печатный станок бумажной Калифорнии на Фонтанке.

Этот усиленный выпуск бумажных денег имел своим первым результатом падение цены рубля. Та революция цен, та вакханалия дороговизны, которые были произведены в России войной, были, несомненно, вызваны в значительной мере усиленным выпуском бумажных денег. Влияние падения рубля на цены товаров представляет собой непреложный факт, несмотря на все теории наших буржуазных экономистов и финансистов: Туган-Барановских, Струве, Мигулиных, долго отрицавших влияние падения цены рубля на цены товаров в России во время войны. Однако, само собой разумеется, что это непомерное увеличение количества бумажных денег, обращающихся в стране, не могло быть единственной причиной дороговизны. Мы знаем, что во время войны обнаружились небывалые раньше колебания и различия цен на одни и те же товары в различных районах России. Так, например, в декабре 1917 г. фунт чайной колбасы стоил в Перми 2 р., а в Петрограде—8 руб., т.-е. в четыре раза дороже. Но здесь мы имеем дело, по крайней мере, с более или менее отдаленными рынками. Однако громадное различие в ценах мы наблюдаем и на близких рынках, или рынках, легко сообщающихся между собой.

Так, в Новгороде цены на многие жизненные продукты в конце 1917 г. были *вдвое дешевле*, чем в Петрограде. Таким образом,

разруха в железнодорожном деле, невероятные затруднения в транспорте, спекуляция и т. д. отбросили нас далеко назад, создали как бы изолированные рынки, отрезав одну область России от другой, и в общем оказывали с своей стороны громадное влияние на ход дороговизны.

Ни в одной стране, за исключением, может быть, Турции, дороговизна во время войны не дошла до таких гиперболических размеров, как в России, где при увеличении числа бумажных денег в 10 раз — цены на многие товары поднялись в 30—40 раз.

Обесценение бумажных денег обусловливалось не только абсолютным увеличением количества их, но и уменьшением нашего золотого обеспечения. В то время, как перед войной в Государственном банке имелось золота 1.604 милл. рублей, при наличности бумажных денег в обращении на сумму в 1.633 милл. рублей, так что золотое покрытие равнялось 98 коп. на рубль. к 23 октября 1917 г. в Государственном банке имелось золота всего на 1.292 милл. рублей, т. е на 25 проц. меньше, чем в начале войны, между тем как кредитных билетов в обращении было уже на сумму 18 917 милл. рублей. Золотое покрытие понизилось с 98 коп. до 7 коп. на рубль, т. е. уменьшилось в 14 раз.

До войны, как мы указывали выше, имелось в России в обращении бумажных денег на сумму 1.633 милл. руб. Между тем мы вступили в мирный период с 25 миллиардами бумажных денег

Опубликованные до середины мая 1918 г. данные о бюджете на первое полугодие 1918 г.

свидетельствуют о колоссальном увеличении бюджета за это полугодие в связи, отчасти, с громадным понижением курса рубля.

Доходные поступления первой половины 1918 г. исчислены в следующем размере сравнительно с предшествующими 1917, 1916 и 1913 г. г. (последний год перед войной):

	1918 г.	1917 г.	1916 г.	1913 г.
	В миллионах рублей.			
I. Прямые налоги . . .	737	284	180	136
II Косвенные налоги . .	493	580	407	354
III. Пошлины	190	221	222	116
IV. Правит. регалии . .	1445	140	126	512
V. Казен. имущества. .	72	723	515	522
VI. Возмещен. расходов казны	45	71	56	58
VII Доходы разн. рода. .	5	11	9	8
	2.987	2.000	1.515	1.706

По данным поступивших по 1 мая смет расходы отдельных ведомств на первое полугодие 1918 г. исчисляются в следующих размерах (в милл. руб.; параллельно приведены полугодов. сведения, касающиеся 1917, 1916 и 1913 г. г):

	1918 г.	1917 г.	1916 г.	1913 г.
Управление делами сов. народн. комиссар. . .	0,4			
Комиссариат по внутренним делам	859	1.631	845	53
В том числе пайки и помощь беженцам	(751)	(1.406)	(693)	
Комиссариат по национальным делам . . .	2,3			
Комиссариат почт и телеграфов.	398	188	77	40
Комиссариат финансов. . .	1.430	566	224	241

	1918 г.	1917 г.	1916 г.	1913 г.
В том числе расход. по сахарн. моноп.	(838)	(271)		
Комиссариат юстиции	128	73	42	27
Главное управление мест заключ.	75	32	21	19
Комиссариат по иностранным делам	5,6	8,2	6,7	6
Комиссариат народного просвещения	465	170	124	72
Комиссариат труда	2,6	3,1		
Комиссариат земледелия	479	190	134	68
Комиссариат продовольствия	1.750			
Комиссариат имуществ республики	33,4			
Комиссариат по военным делам	7.190	7.785	6.010	291
Комиссариат по морским делам	684	837	504	122
Государственный контроль	31	14	10.5	6
Итого	13.533,3	11.497,3	7.998,2	945

В приведенные исчисления не входят расходы по Центральному Исполнительному Комитету, сметы двух небольших отделов комиссариата земледелия, сметы комиссариата сухопутных и водных путей сообщения (полугодовой расход 1913 г.—320 милл. руб., 1916 г.—910 милл. руб., 1917 г.—2.033 милл. руб.), комиссариатов страхования и социального обеспечения и, наконец, сметы всех отделов высшего совета народного хозяйства. Комиссариат торговли и промышленности, повидимому, поглощается этими сметами.

Расходные исчисления на первое полугодие 1918 г. можно принять в сумме до 21 миллиарда.

Комментируя эти цифры, сотрудник „Свободы России“ делал следующее заключение

„Рост государственного бюджета наглядно иллюстрируется следующими общими сопоставлениями. Расходная смета *на одно первое полугодие* 1918 г. по размерам своим лишь немногим менее совокупности всех вызванных войною расходов за *первые три года* войны (1914—1.656 милл. руб., 1915—8.818 милл. руб., 1916—14.573 милл. руб., всего за три года — 25.047 милл. руб.), она в девять раз превышает все издержки русско-японской войны (2.295 милл. руб.) и в четырнадцать раз более полугодового расхода последнего года перед войной (1913 г.)".

Однако очевидно, что эти цыфры отнюдь не свидетельствовали о том, будто финансовая политика советской власти была сама по себе плоха. Все великие революции сопровождались глубокими потрясениями в области финансового хозяйства и падением курса бумажных денег. Лучшим примером этого служит великая французская революция.

В середине мая 1918 г. курс иностранной валюты в Петрограде представлял следующую картину:

За 10 фунтов стерлингов (английских)—415—417 руб.
За 100 франков (французских)—155—157 руб.
За 100 франков (швейцарских)—177—179 руб.
За 10 долларов (американских)—94—95 руб.

Если иметь в виду, что довоенный паритет (в 1914 г.) был в среднем:

За 10 фунтов стерлингов—94 руб. 50 коп.
За 100 франков (французских и швейцарских)—37 руб. 50 коп.
За 10 долларов—19 руб.

— то мы приходим к выводу, что по отношению к французскому франку наш рубль обесценился в 1918 г. в 4,2 раза и составлял во французской валюте около 24 коп. (довоенных), по отношению к английскому фунту — рубль обесценился в 4,4 раза и составлял в английской валюте около 23 коп. (довоенных), а по отношению к швейцарскому франку и американскому доллару он обесценился в 5 раз и равнялся довоенному двугривенному.

Различие оценки обусловлено тем, что и французский франк и английский фунт, в свою очередь, обесценились по сравнению с американским долларом, который и является подлинным международным денежным знаком, мировым мерилом стоимости. (Швейцарский франк имеет, как и деньги других нейтральных стран, хороший курс, но, вследствие незначительности сферы обращения, никакой существенной роли не играет).

Таким образом, взятый в своем отношении к мировой денежной единице—доллару—наш бумажный рубль имел стоимость в 20 коп. Это отношение показывало, конечно, не меру его действительной стоимости, а только раскрывало оценку международного рынка, согласно которой стабилизация стоимости рубля произойдет на более высоком уровне, чем 20 коп. полноценных, след., на уровне, который окажется выигрышным для всех, заплативших за рубль всего двугривенный [1]).

---

[1]) См. ст. Г. Сокольникова „Русский рубль и иностранная валюта“ в газете „Известия Сов. Раб., Сол. К. и К. Депутатов“ от 19 мая 1918 г.

Само собой разумеется, что количество бумажных денег увеличилось за период войны не только в России. По данным. опубликованным в „Известиях“ от 31 мая 1918 г., общее количество бумажных ценностей в обращении, в миллионах фунтов стерлингов, зафиксировано в следующих суммах: например, в Великобритании в июле 1914 г. — 30 милл., а в сентябре 1917 г.—213 милл., в России за это время количество ценностей увеличилось с 163 милл. до 1.540 милл., в Германии—с 120 до 746 милл.

В нейтральных странах количество бумажных денег также увеличилось, но, конечно, в меньших размерах, например, в Испании—с 75 до 105 милл., в Швеции—с 12 до 26 милл., а в Голландии—с 25 до 66.

Количество бумажных ценностей на душу населения в фунтах стерлингов за тот же период увеличилось: в Великобритании—с 1.33 до 5 фунт., в России—с 1 до 9 фунт., в Германии—с 1,14 до 10,10 фунт., в Испании—с 3,15 до 5 фунт., в Швеции—с 2 до 5 фунт. и в Швейцарии—с 2.10 до 5 фунт. По обилию бумажных ценностей в обращении Россия занимала первое место, что. главным образом, вызывало падение курса нашего рубля и ухудшение торгового баланса.

Помимо изменения баланса внешней торговли России, на курс рубля влияло, главным образом, увеличение дефицита наших торговых операций и внутреннее политическое переустройство Создавшаяся на этой почве внутренняя и внешняя капиталистическая оппозиция новому правительству и усилен-

ный выпуск кредитных билетов угрожали самой идее денежного обращения. Количество денежных знаков в обращении выросло с 1.600.000.000 руб. (к началу войны) до 21.700.000.000 руб. к 1918 г.

Это бумажное денежное наводнение отразилось, главным образом, на нашем внутреннем рынке. Единственным последствием его явилось чрезвычайное падение покупательной силы бумажного рубля в торговом обороте внутреннего рынка, что, в связи с другими факторами внутреннего нестроения, и довело страну до крайней степени разрухи.

Наконец, по данным, приведенным в речи Сокольникова на заседании 30 мая 1-го Всероссийского С'езда Советов Народного Хозяйства, к 1-му января 1917 г., как известно, было выпущено в обращение 9 миллиард. 97 милл. руб. Затем в течение всего 1917 г. было выпущено новых бумажек 14 миллиард. 721 милл. руб.

В 1918 г. в январе было выпущено на 2 миллиарда 187 милл., в феврале на 1 миллиард 818 милл., в марте на 2 миллиарда 745 милл., в апреле на 3 миллиарда 753 милл. и в мае по 20 число включительно—1 миллиард 513 милл. Наиболее высокие пункты были в октябре, когда было выпущено 3 миллиарда 216 милл., а затем выпуск понижался непрерывно и падал до февраля, затем он стал повышаться и достиг максимума в апреле и затем в мае.

За первые 5 месяцев 1918 года было выпущено 12 миллиардов 13 миллионов рублей, а всего выпущено по 20 мая 1918 г. 37 миллиардов 831 миллион рублей.

Сведений о местных бонах не имеется, но предположительно можно считать, что всего имелось в области денежных суррогатов—облигаций займа свободы, купонов, местных бонов и казначейских билетов приблизительно на сумму от 4 до 5 миллиардов. Общее количество денежных знаков, включая сюда и суррогаты, достигало приблизительно 43—44 миллиардов. руб.[1]).

Огромное количество этих денежных знаков находится за границей—скуплено и вывезено за пределы того, что называлось Россией до войны, а также за пределы России 1918 г., т.-е. находится в Польше, Литве, Лифляндии, Западном крае, на Украине, Кавказе и проч. Точных данных о количестве вывезенных из России денежных знаков дать нельзя. Это можно будет сделать только тогда и только в том случае, если денежные знаки будут скуплены или заменены или выменены немецкими властями, как они это и делали, ибо они скупали и выменивали русские рубли и керенки на немецкие рубли, которые выпускались Остбанком и которые являлись, так сказать, бонами немецких банков.

---

[1]) Средний ежемесячный выпуск кредитных билетов шел так (в миллионах) со времени войны:

В 1914 г.	237	милл.
„ 1915 г.	218	„
„ 1916 г.	291	„
„ 1917 (янв., февр.)	523	„
„ 1917 (врем. прав.) около . . .	1.000	„
„ 1917 и 1918 (с. респ) почти .	3.000	„
а с суррогатами около	3.000	„

Выпуск огромного количества бумажных денег происходил также и в других странах. До войны во Франции билетов французского банка было в обращении приблизительно 6 миллиард. франков но уже в октябре 1917 г. эта сумма превысила 20 миллиард. франков.

К 15 мая 1918 г. в Германии было выпущено банкнот имперского банка, которые приблизительно соответствуют кредитным билетам, на 11 миллиардов 18 милл. марок; кроме этого, имелись еще боны так называемых ссудных касс на 8 миллиард. 600 милл. марок, и, наконец, денежные знаки, приблизительно соответствующие тому, что у нас называется билетами казначейства, на сумму 1 миллиард 555 милл марок.

Общий итог этих бумажных знаков составлял в круглых цифрах 32 миллиарда марок. До войны в Германии было бумажных знаков всего на 2.091 миллион, таким образом, количество бумажных денег увеличилось в Германии в 11 раз.

Если бумажное денежное обращение в Германии увеличилось всего в 11 раз, то это произошло потому, что при каждом займе часть бумажных денег возвращалась в банки и взамен их держатели получали свидетельства государственного займа.

Нечто подобное, хотя и в гораздо меньшей степени, совершалось и в России до октябрьской революции.

VII

Франция

Из всех воюющих стран убыль в живой человеческой силе, истребленной и искалеченной на фронте, должна была тяжелее всего отозваться на Франции, с ее слабым приростом населения и сравнительной малочисленностью последнего. Известно, какое роковое влияние уже имели в этом отношении на дальнейшую историю Франции наполеоновские войны (1800—1815), разрушившие и искалечившие миллионы человеческих жизней. По словам многих современников той эпохи, до наполеоновских войн мужское население Франции отличалось высоким ростом и здоровьем; наполеоновские войны вырвали из среды мужского населения всех здоровых мужчин, из которых многие или погибли или вернулись на родину калеками. Естественно, что эти войны должны были повести к физическому вырождению французской расы и, в результате, к исчезновению высоких и здоровых мужчин. Сравнительную малочисленность таких рослых мужчин во Франции многие исследователи об'ясняли результатами наполеоновских войн, кот рые оказали губительное влияние на физический подбор и здоровье последующих поколений. В эпоху III республики, благодаря росту благосостояния населения, исчезновению эпидемических болезней, под'ему культуры, целому ряду мер в целях народной гигиены, развития спорта и т. д, замечался обратный процесс, именно процесс физического оздоровления

населения, возрождения французской нации. Данные французских военных комиссий по освидетельствованию новобранцев свидетельствовали о том, что за последние годы накануне войны здоровье подрастающего мужского населения повышалось. За последнее 10-летие контингент каждого года давал в процентном отношении большее количество высокорослых и здоровых мужчин, чем за предшествующие годы. На смену предшествующим контингентам шли все более высокие юноши с более развитой грудной клеткой. Этому процессу физического возрождения французской нации война 1914—1918 г.г. нанесла страшный удар, последствия которого будут чувствоваться, вероятно, в течение целого столетия. Понадобятся самые радикальные меры, чтобы ослабить тот процесс физического вырождения, который с особой быстротой будет развиваться именно во Франции, в виду гибели крайне высокого, по сравнению с другими странами, процента здоровых мужчин, возвращения по окончании войны к своим семьям, к своим женам многих искалеченных и больных мужчин, которые, понятно, не дадут стране здорового потомства. Страшная опасность грозит будущему поколению, благодаря колоссальному распространению сифилиса и других венерических болезней, которыми за четыре года военной жизни заразились во Франции, как, впрочем, и в других воюющих странах, сотни тысяч совершенно здоровых мужчин и юношей.

Серьезное влияние на здоровье будущих поколений будет иметь и распространение

туберкулеза в солдатской среде, благодаря войне. В казармах и в мирное время бугорчатка производила сильнейшие опустошения, и все французские врачи, занимавшиеся этим вопросом, признали, что военная служба является одним из главных очагов распространения бугорчатки. Несмотря на улучшение физического здоровья нации, констатировавшееся в течение последнего периода накануне войны, Франция все же принадлежала к числу стран, плативших и в мирные времена очень большую дань бугорчатке, и шла в этом отношении впереди Италии, Швейцарии и Германии. В то время, как в Италии смертность от бугорчатки равнялась 14 на 10.000 населения, в Швейцарии—20, а в Германии—22, во Франции смертность от этой болезни была равна накануне войны—33 на 10.000. Из ежегодного набора (в мирное время) в 284 тысячи здоровых молодых людей, принятых на военную службу, приходилось, по свидетельству французского врача Гоннора, отправлять домой, из-за бугорчатки, 4.039 чел., т. е. по 16 чел. из тысячи.

За период почти четырехлетней войны число туберкулезных больных во французской армии, благодаря всем лишениям окопной жизни, понятно, увеличилось. Кроме того, значительное число здоровых солдат получило туберкулез вследствие ранения в легкие. Общее число туберкулезных больных во французской армии определялось в конце 1917 г. не меньше, чем в 150.000, а коек для них имелось в лазаретах около 15.000. Ясно, какие опустошения производит туберкулез

во французской армии. Очевидно, что после войны придется принять самые серьезные меры для специальной борьбы с распространением этой болезни и для устройства специальных санаториев для туберкулезных.

Будущим поколениям придется жестоко расплачиваться своим здоровьем за безумства своих отцов и праотцев[1]. Мало веселого сулят Франции и финансовые последствия нынешней войны.

Богатства Франции, накопленные страной за период мирного времени, были к началу войны огромны. Как известно, Франция накануне войны считалась одной из богатейших стран в мире. По абсолютной цифре своего национального богатства Франция занимала четвертое место, идя позади С. Штатов, Англии и Германии, но относительно, в виду малочисленности своего населения, Франция по богатству могла считаться первой страной в мире. Общая сумма национального

---

[1]) Мировая война повела к обезлюдению Франции. По данным, приведенным в „Mercure de France" (август, 1923) с 1914 по 1919 г. г. число смертей (4 525.000) превысило число рождений (2.998.000) на 1 527 000. Таким образом, кроме потерь собственно на войне Франция потеряла более 1½ миллиона человек; в то время как в Англии и Германии даже во время войны гражданское население увеличилось. В последующие за войной годы (1920, 1921, 1922) рождаемость во Франции падает:—834 411 в 1920 г. 813 396 в 1921 г., 759.846 в 1922 г.,—в то время, как смертность растет: 674 621 смертей в 1920 г., 689 267 смертей в 1922 г.

В 1920 г. во Франции на 1000 человек родилось—21,3 чел. в 1921 г.—20,7, в 1922 г.—19,4. Таким образом, население во Франции уменьшается.

богатства Англии определялась накануне войны в 425 миллиард. фр., Германии в 350—400 миллиардов фр., Франции в 270—300 миллиардов фр.

René Rupin в своей книге, вышедшей во время войны, „Богатство Франции перед войной“ („La richesse de la France devant la guerre“. Paris. (1916) дает следующую таблицу, указывающую на распределение национального богатства по своим источникам в течение последнего шестидесятилетия.

Национальное богатство Франции распределялось по своим источникам следующим образом (в миллиардах франков):

	Годы: 1853	1878	1903	1911
Банковый капитал (в акциях)	10	50	92	110
Земельная собственность	58,8	88	59,3	67
Недвижимая собственность (здания, постройки)	19	35	59	67
Движимая собственность (для личного употребления)	—	—	—	—
Торговые и промышленные фонды (и оптовые склады)	6	13	16,5	18
Сельско-хозяйственный материал и скот	5,5	9	9	10,5
Запас звонкой монеты	1	4	6,7	8,8
Итого за вычетом дважды помеченных сумм (напр., фабричные здания входят также и в промышленный фонд)	92,4	204	250	286,3

Что сразу бросается в глаза, так это—изумительно-быстрый рост банковского капитала: за пятьдесят восемь лет увеличение в один·

надцать раз! А между тем, Франция отнюдь не семимильными шагами шла по пути промышленнаго прогресса, она значительно отставала от своих соседей и конкурентов на мировом рынке: в вывозе фабрикатов (Франция: 35 проц.— в 1880 г., 41 проц.—в 1908 г., Германия: 44—72 проц., Соединенные Штаты: 15 — 49 проц.); в вывозе железа и стали (Франция: 3—13 проц., Германия: 42—72 проц., Соединенные Штаты: 5—39 проц.), в вывозе машин (Франция: 10 — 12 проц., Германия: 23 — 66 проц., Соединенные Штаты: 23 — 77 проц.); в добывании угля (Франция: 12 — 14 проц., Германия: 33—53 проц., Соединенные Штаты: 57—150 проц.); в производстве чугуна (Франция: 23—34 проц., Германия: 40 – 120 проц., Соединенные Штаты: 52—230 проц.) и стали (Франция: 22—42 проц., Германия: ?—182 проц., Соединенные Штаты: 89—337 проц.). Не столько индустриальное развитие, сколько рост государственной задолженности Франции и других стран создал благоприятные условия для процветания ссудного капитала, открыл широкий простор финансовой спекуляции [1]). Парижская биржа уже во второй половине XIX столетия сделалась мировой банкирской конторой. В 1811 году на ней был котирован первый иностранный (6-проц. саксонский заем), в 1850 г. было котировано 24 иностранных займа и 4 акции иностранных промышленных предприятий, 1870—1912 г. г. займов: 58—230; долговых обязательств: 27 — 114, акций 24—120 [1]).

---

[1]) Н. Егоров: „Письмо из Франции". „Летопись". 1916 г., август.

В июле 1915 года на 50,6 проц. французских ценностей иностранные были представлены 49,4 проц.

Чем больше усиливалось экономическое влияние ссудного капитала на судьбы страны, тем внушительнее и определеннее вырисовывался *политический* образ „финансовой олигархии", распустившей во всей стране свои цепкие щупальцы, связавшей бесчисленными нитями материальных интересов общественные симпатии и антипатии массы мелких собственников-„вкладчиков".

Прежде только богатый буржуа мог „принимать участие" в крупном промышленном предприятии, теперь мелкий рантье, лавочник, служащий, зачастую крестьянин и рабочий покупают акции или облигации железных дорог, подписываются на займы газового общества и т. п.

Довольно значительная часть сбережений французских крестьян и рабочих была до войны вложена в русские займы. Ежегодно $2^1/_2$ миллиарда франков французских сбережений уходили почти целиком за границу. Тогда как немецкие капиталисты и мелкие вкладчики три четверти своих капиталов и „сбережений" прилагали у себя на родине и лишь одну четверть вывозили, французские делали наоборот: одну четверть они вкладывали в отечественное производство и три четверти вывозили. Благодаря этому-то обстоятельству Франция и играла роль „всемирного банкира".

Война нанесла страшный удар французским банкам. Крепчайшие цитадели француз-

ского финансового капитала „Лионский кредит“, „Société générale“, „Учетный кредит“ и другие финансовые крепости очутились в критическом положении. Акции „Лионского кредита“, котировавшиеся накануне войны в 1914 г.—1700—1800 фр., упали в 1917 г. до 800—1000 фр, т. е. обесценились почти вдвое. Акции „Société générale“ поколебались еще более. Сотни тысяч мелких и средних вкладчиков, владельцев всякого рода французских банковских акций, русских и других заграничных облигаций, потеряли все свои сбережения. Война нанесла сильный удар благосостоянию всех этих мелких и средних вкладчиков и, может-быть, навсегда излечит их от слепого доверия к банкам и финансовой олигархии, руководившей последними.

Как мы видели, накануне войны сумма национального богатства Франции определялась, приблизительно, в 300 миллиардов фр. Громадная часть этого богатства совершенно расхищена, уничтожена, израсходована за время войны.

За время войны, с 1 августа 1914 г. по 31 декабря 1917 г., во Франции испрошено и утверждено кредитов на 102 642 миллиона фр., т. е. более чем на 100 миллиардов фр. Таким образом, за эти $3^1/_2$ года войны *Франция заплатила Молоху милитаризма в двадцать раз большую сумму по сравнению с военной контрибуцией (5 миллиардов фр.), которую она же заплатила Германии в 1871 г.* после франко прусской войны. Какими путями были покрыты эти колоссальные расходы—102.6 миллиарда фр., истраченных Францией с начала войны до 1 января 1918 года?

Главным образом, путем займов, и только 15 миллиардов из 102 покрыто за это же время путем налогового обложения. Любопытны данные относительно поступления налогов за время войны В нормальных условиях за 3 года в казну налогов поступило бы 14 с четвертью миллиардов. Между тем, за 3 года войны в кассы государства поступило всего 12 846 милл., т. е. на 1.379 милл. меньше. Недобор против нормы достигал в первый год войны около 30%, во второй—15, а в третий—около 10. Такое значительное улучшение в этой области, однако, было достигнуто не вследствие того, чтобы улучшилось общее экономическое положение Франции (хотя тут и произошло некоторое приспособление к условиям военного рынка), а вследствие повышения обложения, которое, впрочем, далеко отставало от того, что сделано в этом смысле в Англии.

Покамест же, французское правительство шло по линии наименьшего сопротивления, прибегая отчасти к принудительным займам в *виде увеличения бумажного обращения*, отчасти к позаимствованиям на льготных условиях из французского и алжирского банков (в общей сумме на 12 200 миллионов), отчасти к иностранным займам (в общей сумме на 14 с лишком миллиардов, в том числе в Англии на $8^1/_4$, в Соединенных Штатах на $5^3/_4$, в Японии на 150 миллионов) и, наконец, к займам на внутреннем рынке (ср. „Journal Officiel", 7—11 октября 1917 г.).

В начале войны во Франции имелось в обращении бумажных денег на сумму 6.045 мил.

фр. Через год (15 июля 1915 г.) имелось уже бумажных денег в обращении вдвое больше —именно на сумму 12.592 миллиона фр. В конце 1916 г. бумажных денег было в обращении на сумму 16.298 милл. фр., т.-е. *почти в три раза больше, чем перед началом войны*. Соответственно с усиленным выпуском бумажных денег понижалось и их золотое обеспечение. В то время, как накануне войны каждый франк обеспечивался 68 сантимами в золоте, в конце 1916 г. золотое обеспечение бумажного франка равнялось всего $22^1/_2$ сантим. Последствия этого явления были те же, что и в других странах,—падение цены бумажных денег и растущая дороговизна жизни, приблизительно, на 100% за все время войны.

Внутренних долгосрочных займов было выпущено во Франции только два, на общую сумму 21.784 миллиона фр. Главным же образом французское правительство покрывало все военные расходы при помощи краткосрочных обязательств (bons de defense nationale). 1-й долгосрочный 5% военный заем был выпущен в ноябре 1915 г. по курсу 88 вместо 100. Второй в сентябре 1916 года также из 5%, по курсу $88^3/_4$. Оба по немецкому образцу выпущены были на неопределенную заранее сумму В сентябре 1917 г. министр финансов заявил о выпуске 3-го долгосрочного займа на сумму 10 миллиардов фр. из 4%.

Долгосрочным кредитом была покрыта лишь незначительная часть расходов на войну. Французские рантье не обнаруживали особенной охоты подписываться на долгосрочные займы и предпочитали краткосрочные обли-

гации национальной обороны и боны национальной обороны. Вообще внутренние займы далеко не имели во Франции того необычайного успеха, какой имели за время войны внутренние займы в Германии, где только за первые два года войны было заключено таких займов на сорок миллиардов марок.

На внутренние займы во Франции подписывались, главным образом, мелкие и средние вкладчики, соблазненные высокими процентами и не понимавшие, что они вкладывают свои трудовые сбережения и бумаги, которые после войны или совершенно обесценятся или падут до бесконечно малой величины. Таким образом, и в богатой Франции миллионы людей,—обеспечивших себя скромной рентой под старость, мечтавших о том, что последние годы своей жизни они проведут не в какой-нибудь богадельне, а „как все люди“ в собственном домике в деревне или в более или менее приличной квартире, освобожденные от необходимости продолжать каторжную трудовую жизнь,—потеряют все свои сбережения, завоеванные буквально потом и кровью, и очутятся перед перспективой голодной смерти в старческом возрасте. И проблема спасения этих миллионов людей во Франции, как и в других странах, от угрожающего этим жертвам войны рокового удела, может быть разрешена только одним способом—социальной революцией, ибо для спасения тысяч и тысяч хозяйств от окончательной разрухи и миллионов людей от неизбежной угрожающей им голодной смерти нет ныне другого выхода, кроме

окончательной ликвидации современного экономического строя и замены его тем социальным порядком, мечтой о котором жили давно лучшие люди, неизбежность наступления которого предвидели наши „святые апостолы“— Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Во Франции, как и в других странах, война сильно отозвалась на усилении продовольственной разрухи, хотя, правда, последняя не достигла здесь тех чудовищных размеров, до которых дошел продовольственный кризис у нас в России. Во Франции первая ограничительная карточка на продукты питания, именно на сахар, была введена в июне 1917 г., т. е. через три года после начала войны, карточка на хлеб была введена лишь в конце 1917 г. Однако, и эта богатая земледельческая страна, имевшая при том возможность получать сельско-хозяйственные продукты из Испании, Южной Америки, С. Штатов, начала испытывать со второй половины 1917 г. сильнейшие затруднения в продовольственном вопросе. Вот что писала 21 янв. 1918 г. „Новая Жизнь“ о продовольственной разрухе во Франции:

„Министр снабжения Боре во французской палате, в заключительном слове своем, после многодневных дебатов по вопросам снабжения, заявил, между прочим, что он вынужден указать парламенту и стране на всю серьезность положения и на абсолютную необходимость дальнейших ограничений в потреблении с'естных припасов. Из 52 миллионов двойных центнеров хлеба, которые необходимы для Франции на время продовольственной кампании текущего года (до 1 августа 1918 г.),

не хватает 36 миллионов. Их нужно получить из Соединенных Штатов и Аргентины, где цены значительно выше, чем во Франции. Доставка оттуда сопряжена с величайшими трудностями, поэтому будущее внушает тревогу. Необходимо доставлять ежемесячно не менее 4.800.000 двойных центнеров, а между тем это невозможно.

„Пароходы Англии и Соединенных Штатов согласны предоставить Франции только при условии введения распределения по пайкам. Запасов не хватает даже для армии. Долг требует, разумеется, в первую очередь пополнить эти запасы. Что касается гражданскаго населения, то для него имеется в запасе всего лишь 607 тысяч двойных центнеров хлеба и муки. Не менее тревожно дело и с овсом. Поэтому приходится сократить число лошадей в армии. Надо ограничить и потребление бензина. Сахарный паек придется отчасти заменить сахарином, придется ограничить и потребление картофеля.

„В виду этого министр настаивает на принятии строжайших мер для того, чтобы существующих запасов хватило на более долгий срок, и в виде утешения указывает, что и в других странах дело с продовольствием не лучше, а что в Италии доходило до такой крайности, что французскому правительству пришлось даже уступить часть французского хлеба, чтобы выручить итальянское правительство из беды. Заканчивает свою речь министр обещанием, что правительство приложит все силы к тому, чтобы Франции никогда более не пришлось переживать таких

трудных и грозных времен, как нынешние. „Время, действительно, трудное, и палате уже пришлось делать запросы правительству о разгромах закрывшихся за недостатком муки булочных. А „Temps“ делает вид, будто не понимает, в чем тут причина, и утверждает, что вся беда в том, что правительство нарушило экономические законы, устранив частную инициативу и сосредоточив дело снабжения страны с'естными припасами в руках казны“[1].

VIII

Великобритания

Из всех воевавших европейских стран Англия по абсолютной цифре своего национального богатства шла накануне войны впереди других стран. Нижеследующая таблица, извлеченная из английского журнала „The Economist“ от 18 декабря 1915 г., указывает на сравнительное богатство обеих воевавших коалиций.

	Национальное богатство.	Ежегодный народный доход.	Ежегодные сбережения.
	В миллионах	фонтов	стерлингов.
Великобритания . .	18.000	2.250	375
Франция	13.000	1.500	250

[1]) Прямые военные расходы Франции за весь период мировой войны 24,2 миллиарда долларов; военная задолженность Франции по отношению к Соединенным Штатам—2,8 миллиарда долларов, к Англии—2,2 миллиарда долл. Франция потеряла убитыми 1.428.000 человек, ранеными - 3.000.000, пленными и пропавшими без вести—453.000. Убытки Франции от разрушений, произведенных войной в окупированных немецкими войсками областях, определяются приблизительно в 8 миллиардов долларов. (Подробнее о финансовых последствиях войны по отношению к Франции см. ниже: Кайо— „Куда идет Франция“)

	Националь-ное богатство	Ежегодный народ-ный доход	Ежегодные сбережения
	В миллионах	фунтов	стерлингов.
Россия	12.000	1.500	250
Италия	7.000	850	125
Бельгия и Сербия	2.750	350	60
Страны Согласия	52.750	6.450	1.060
Германия	16.000	2.100	350
Австро-Венгрия	9.000	1.200	200
Турция и Болгария	1.750	200	30
Страны Центр. союза	26.750	3.500	580
Итого	79.500	9.950	1.640

В начале мобилизации, в конце июля 1914 г., когда вопрос о вмешательстве Англии в войну не был еще решен окончательно, финансовые силы обеих враждующих коалиций: Германии и Австро-Венгрии—с одной стороны, России и Франции—с другой, были, приблизительно, одинаковы. Как мы видим, „The Economist" определяет национальное богатство каждой из коалиций в отдельности в 25 миллиардов фунтов стерлингов. Присоединение Англии, с ее 18 миллиардами ф. ст. национального богатства, в начале же войны к России и Франции сразу перетянуло финансовый баланс в пользу стран Согласия, и многим памятно, какое решающее значение придавала вся пресса и научная экономическая литература держав Согласия такому важному фактору, как это вмешательство в войну Англии с ее громадным национальным богатством, с ее сильной финансовой организацией, в деле ускорения победы держав Согласия над противостоящей коалицией. Многие экономисты

предсказывали, что, благодаря этому вмешательству, центральные державы будут побеждены на поле финансовых битв, и исход войны будет решен банкротством этих держав раньше, чем голая сила оружия, сила миллионов штыков и тысяч тяжелых и легких орудий, сумела бы перетянуть чашу весов в ту или другую сторону. Суровая действительность совершенно разбила все эти слишком оптимистические и легкомысленные прогнозы многих выдающихся и, казалось, вполне об'ективных ученых экономистов и статистиков держав Согласия. Если в 1915 г., после присоединения Италии, державы Согласия, как мы видим из вышеприведенной таблицы, *были вдвое сильнее,* по сумме национального богатства, по сравнению с противостоящей коалицией, то впоследствии, вместе с присоединением к державам Согласия новых союзников—Португалии, Румынии и богатейшей в мире страны—С. Штатов, перевес финансовых сил на стороне Согласия получил еще более решительный характер. И тем не менее, несмотря на свое абсолютное финансовое могущество и колоссальный перевес сил в этом отношении, державы Согласия не могли победить противостоящую коалицию и были свидетелями последовательного разгрома одного члена антигерманской коалиции за другим: вначале Бельгии, затем Сербии и Черногории, потом Румынии, наконец, России. События 1914—1917 г. г рассеяли много предрассудков, и в том числе ложный взгляд, будто для войны нужны, прежде всего, деньги, деньги и деньги. Если бы война велась глав-

ным образом золотом, Германия давным давно была бы стерта в грозной схватке с коалицией самых могучих финансовых держав в мире. *Война ведется ныне не столько меновыми ценностями*—золотом, серебром, кредитными билетами, *сколько потребительными стоимостями* и, прежде всего, продуктами первой необходимости и сырыми материалами: железом, углем и т. д. Вот почему вмешательство богатой золотом Англии с ее отсталой—по сравнению с германской—фабричной и сельской промышленностью не могло перетянуть чашу весов в пользу держав Согласия, в войне с Германией, этой страной, которая почти во всех важнейших областях национального хозяйства, по развитию индустрии металлургической, химической и т. д., по состоянию земледелия, шла далеко впереди Англии. Бедная золотом, Германия была богаче—Великобритании, Франции и России—другими, более важными факторами национального могущества.

Военные расходы Англии с момента ее вступления в войну быстро возрастали. Вот как росли ежедневные расходы на войну в течение первых 15 месяцев, считая по четвертям года.

	Расходы на войну.	Ежедневный расход.
	В тысячах фунтов стерлингов.	
Первые 3 месяца войны . .	95.580	1.050
Вторые 3 месяца войны . .	172.291	1.893
Третьи 3 месяца войны . .	208 408	2.290
Четвертые 3 месяца войны .	274 945	3 020
Пятые 3 месяца войны . .	419.734	4.670

Итак, через 15 месяцев после начала войны ежедневные расходы на войну более чем в четыре раза превышали ежедневные расходы в первые месяцы войны. Но на этом рост военных расходов не остановился. Как это явствует из речи министра финансов Бонар-Лоу в палате общин от 18 (31) октября 1917 г., ежедневный расход за 1916—1917 бюджетный год выразился приблизительно в *6.648.000 ф. ст.* Естественно, что при таком поразительно быстром росте военных расходов финансы Англии начали колебаться к началу 1917 г. Великобританское правительство стало сознавать всю затруднительность своего положения и невозможность сломить Германию на поле финансовой войны силами держав Согласия. Уже к началу октября 1916 г. общая сумма испрошенных военных кредитов без процентов по военным займам составляла 3.132 миллиона ф. ст., т.-е. более *трех миллиардов фунт. стерл.* По заявлению Асквита, *эта сумма военных расходов Англии за первые 27 месяцев войны равняется, приблизительно, сумме 20 бюджетов Англии, предшествовавших войне, считая в том числе и расходы на войну с бурами.* Тяжесть финансирования мировой войны становилась все ощутительнее для Англии, и, наконец, настал момент, когда начинало казаться, что богатейшая Англия, вместе с ее союзницей—международным банкиром—Францией, стоит перед перспективой финансового истощения в войне с „бедной“ Германией и „нищими“ Австрией, Турцией и Болгарией. Эта опасность в конце 1916 г. была так серьезна, что автору в этот период

приходилось не раз слышать от многих французов, правда, не вполне обоснованные, но во всяком случае крайне симптоматические, указания на возможность реализации экстраординарного факта финансового банкротства богатейших стран Европы — Англии и Франции в войне с более „бедной“—по сравнению с этими государствами—Германией. Эти опасения не были в тот момент, по нашему мнению, вполне обоснованы, но, во всяком случае, положение держав Согласия к концу 1916 г. и в начале 1917 г. было, не только с военной (разгром Румынии), но и с *финансовой точки зрения*, крайне опасным. К счастью для держав Согласия, в 1917 г. им пришла на помощь Северо-Американская республика, с ее громадными финансовыми рессурсами. Английские государственные деятели не раз подчеркивали, какое значение именно с финансовой стороны имеет для союзников помощь С. Штатов. Вот как выразился по этому вопросу Бонар-Лоу в своей вышеупомянутой речи в палате общин 31 октября 1917 г., внося законопроект о новых кредитах в размере 400 миллионов ф. стерл.:

„Ежедневный расход с начала функционирования бюджета вплоть до 16 сентября выразился приблизительно в цифре 6.648.000 ф. ст., т. е. получилось увеличение в размере 1.237.000 ф. ст. по сравнению с первым законопроектом бюджета.

„Увеличение приходится на следующие статьи бюджета: на армию и флот—590.000, на различные расходы—306.000, на займы союзникам и колониям—341.000. Я рад случаю заявить,

какое чувство удовлетворения испытывают не только Великобритания, но и все союзники по поводу того великодушия, с каким североамериканское правительство пришло нам на помощь, открыв нам всем кредит в Соединенных Штатах Северной Америки.

„Ни для кого не тайна, *что до тех пор, пока Северная Америка не выступила на нашей стороне, финансовая сторона дела, в отношении наших заграничных покупок и обмена валюты, представляла собою почти неразрешимый вопрос,* и тот факт, что Северная Америка оказывает нам великодушное содействие в момент, когда сама она должна нести более тяжкие расходы, чем какая-либо из других союзных держав, заслуживает публичного признания“.

Итак, Бонар-Лоу признал, что до тех пор, пока С. Штаты не выступили открыто на стороне Согласия, финансовая сторона дела в отношении заграничных покупок встретила непреодолимые затруднения из-за вопроса о валюте, т.-е. падения курса английских, французских и, тем более, русских и итальянских денег на американской бирже.

В той же речи Бонар-Лоу указал, что „к 16 сент. 1917 г. национальный долг Великобритании доходит до 5 миллиардов фунтов стерл., при чем, однако, из этой суммы следует вычесть предоставленные союзникам авансы в 1.100 миллионов ф. ст. и авансы колониям —160 миллионов ф. ст. В момент об'явления войны национальный долг доходил до 645 миллионов. Итак, задолженность государства за время войны выражается в 3 миллиарда“.

Чтобы успокоить страну и не взволновать общественного мнения Англии нарисованной им же картиной финансового положения государства, Бонар-Лоу, согласно шаблонному приему, закончил свою речь указанием на то, что положение Германии еще хуже, чем положение Великобритании. Бонар-Лоу отметил, что рейхстаг голосовал за время войны кредиты в 4.700 миллионов ф. ст., не включая в эту сумму ни аванса союзникам Германии, ни многих других специальных расходов, как, например, пайков семьям запасных, и уверял, что новые принятые германским парламентом налоги на 55 милл. ф. ст. ниже процентов с национального долга страны.

В заключение своей речи Бонар-Лоу, указав на громадное повышение налогов в Англии и рост государственного долга, заявил следующее:

„Хотя Великобритания, конечно, не может нести до бесконечности такое финансовое бремя, все же очевидно, что не недостаток денег помешает ей победить, потому что, во всяком случае, она имеет возможность продержаться на этом уровне расходов дольше неприятеля".

Само собой разумеется, что подобные утешения мало кого могли успокоить. Было очевидно, что под влиянием небывалой войны мощный финансовый организм Соединенного Королевства начал расшатываться и что беспримерное богатство Англии уменьшается с поразительной быстротой. За время войны английское правительство не только повысило значительно все прямые и косвенные налоги,

доведя *прибавку* обложения до 3 миллиардов рублей в год, не только увеличило свой внешний и внутренний долг выпуском краткосрочных и долгосрочных займов как в самой Великобритании, так и в С. Штатах, но и прибегло к экстраординарному для Англии способу покрытия расходов, именно *к выпуску бумажных денег* в форме знаков английского казначейства (curency notes). В общем, за время войны таких кред. бил. было выпущено, приблизительно, на 400 милл. ф. ст., т.-е. на 4 миллиарда руб. Правда, значительная часть этой суммы постепенно погашалась и в общем, по сравнению с другими странами, печатный станок играл в Англии среди источников финансирования войны последнюю роль, однако, тот факт, что и Англия, гордившаяся мощностью своего финансового организма, вынуждена была прибегнуть к усиленному выпуску кредитных билетов, ясно доказывает, что война сильно расшатала этот казавшийся непоколебимым финансовый организм. Как указывали еще многие, самый факт выпуска в Англии кредитных билетов казначейства, фактически заместивших собой в обращении золотые деньги, должен быть охарактеризован, как не имевший до сих пор прецедентов в истории Англии.

Всего военные расходы Англии с 1 августа 1914 г по 1 января 1918 г. превысили 6 миллиардов ф. стерл., т.-е. более 60 миллиардов рублей, что составляет треть всего национального богатства страны. Как ни богата Англия, но и для нее такая чудовищная сумма является крайне тяжелым бременем. Однако, война

поколебала не только финансовую мощь Англии, но и ее промышленную силу. Влиянию Великобритании на мировом рынке был нанесен сильный удар. Так, благодаря войне, упал вывоз хлопчато-бумажных изделий, машин и металлических фабрикатов; вырос ввоз металлов, леса, хлопка, шерсти, нефти, химических продуктов и проч.

Былая „устойчивость“ экономической жизни страны потрясена до основания. Пассивность торгового баланса увеличилась, в результате войны, в несколько раз. За 6 месяцев 1914 г. превышение ввоза над вывозом составляло 940 милл. рублей, в 1915 г.—2.800 милл. руб., в 1916 г.—2.400 милл. руб., а в 1917 г. уже 3.200 милл. рублей, дав для ввоза 7.700 милл. рублей, а для вывоза всего 4.500 милл. руб. Соединенные Штаты увеличили свой ввоз в Англию в три раза, Япония—в четыре. Куба и Китай, все колонии, даже Португалия, даже Бразилия извлекали в период 1914—1918 г.г. из Англии неизмеримо больше, чем раньше.

Наш беглый анализ финансового и экономического положения Англии в результате мировой войны приводит нас к тому заключению, что Соед Королевство, подобно другим воевавшим государствам, вышло из мировой войны глубоко потрясенным экономически и в финансовом отношении.

Англия истратила за $3^1/_2$ года войны треть всего своего национального богатства, скопленного в результате труда целых поколений, *потеряла многие рынки*, которые окончательно перешли к Японии, Соед. Штатам и другим конкурентам, и вдобавок *должна за-*

тратить миллиарды рублей на ликвидацию войны, на помощь инвалидам, пенсии семьям убитых или раненых солдат, на перевозку миллионов солдат со всем военным материалом из Франции, Салоник, Египта и т. д. на родину.

Прямые военные расходы Великобритании (не считая ее колоний) за *весь период мировой войны*—35,3 миллиарда долларов. На займы союзникам Великобритания израсходовала 8,6 миллиарда долларов. Прямые военные расходы английских колоний—4 1/2 миллиарда долларов. Военная задолженность Англии по отношению к С. Штатам в результате мировой войны 4,3 миллиарда долларов. Великобритания (вместе с колониями) потеряла убитыми в войне 807 тысяч человек, ранеными 2.000.000. Общий тоннажа, потопленного английского флота, за весь период войны. исчисляется некоторыми статистиками в 9.000.000 тонн, стоимостью приблизительно в 4 милл. долларов.

IX

Австро-Венгрия

Из всех участвовавших в войне великих государств одна Австро-Венгрия не решалась опубликовывать точных сведений о своем финансовом положении. Сокрытие правительством Австро-Венгерской монархии важнейших сведений о военных финансах не могло быть случайностью и с несомненностью свидетельствовало о крайнем неблагополучии в этой области. Австро-венгерскому правительству удавалось в течение долгого времени сохра-

нять покров финансовой тайны относительно способов покрытия и размеров издержек за первые годы войны, благодаря тому обстоятельству, что *в Австро-Венгрии законодательные учреждения не созывались во время войны* и правительство не имело необходимости отчитываться перед парламентом в военных расходах. Таким образом, в печать проникли лишь скудные сведения о финансах габсбургской империи; в течение долгого времени не было возможности создать себе хотя бы приблизительное представление о размерах военных расходов Австро-Венгерской империи. Однако покров тайны, скрывавший эту сторону войны, был постепенно сорван „любознательными“ людьми, и в настоящее время возможно нарисовать более или менее полную и точную картину финансового положения Австро-Венгерской империи к концу мировой войны. Очень любопытные и заслуживающие полного доверия материалы о финансовом положении Австро-Венгрии мы находим в *секретных* докладах русского „комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля“ министерства торговли и промышленности. В одном из таких докладов, за подписью председателя, ген. штаба генерал-майора Потапова, мы находим интересные сведения относительно размеров военных издержек Австро-Венгерской монархии за первые два года войны и способов покрытия этих издержек. Приводим ниже существенные части этого документа:

„Министерство торговли и промышленности. Комитет по ограничению снабжения и торго-

вли неприятеля (К. О. С.) 25 авг. 1916 г., № 110. Секретно № 6.

„Экономическое положение неприятельских стран.

„Военные издержки за два года войны и их покрытие.

„Военные издержки одной Венгрии составляли до сего времени (август, 1916 г.), в среднем, от 440 до 460 миллионов крон в месяц; в начале войны они были ниже, но теперь достигли 560—600 милл. крон в месяц. при чем в эту сумму входят проценты, уплачиваемые по заключенным до сего времени займам, и пособие семьям призванных на военную службу. Если в основание исчисления общей суммы расходов Австро-Венгрии положить ту квоту, по которой вообще распределяются между обеими половинами монархии общие расходы, то военные расходы Австрии за первые два года войны составят в среднем в месяц 786 милл. марок, а расходы Австрии и Венгрии, вместе взятых,—в среднем 1.236 милл. крон в месяц. Таким образом, военные издержки Австро-Венгрии за первые два года войны должны выразиться в сумме $29^3/_4$ миллиарда крон. Эта сумма была покрыта следующим образом. Первые четыре военные займа дали в Австрии 13,53 миллиарда крон и Венгрии 6,22 миллиарда крон, итого 19,75 миллиарда крон—номинальных, или 18,5 милл. крон действительных. Заключенные до сего времени в Германии валютные займы дали 1.400 миллионов марок или около 2.000 миллионов крон. Кроме того, Венгрия реализовала $4^1/_2$-процентных обязательств государственного

казначейства на сумму от 600 до 1.000 миллионов крон. Перечисленные источники дают в сложности $21\frac{1}{2}$ миллиарда крон. Остальные *$3\frac{1}{4}$ миллиарда были, очевидно, покрыты, главным образом, за счет выпуска бумажных денег.* Согласно отчету австрийской контрольной комиссии государственных долгов—текущий долг австрийского правительства австро-венгерскому банку к концу июля 1915 г. составлял 5,6 миллиарда крон. Остальная часть ($29\frac{3}{4}$—$21\frac{1}{2}$—5,6=$2\frac{3}{4}$ милл. крон) приходится, очевидно, главным образом, на ссуды австро-венгерского банка венгерскому казначейству и, в меньшей доле, на предварительные взносы банков по предстоящему осенью пятому военному займу. Указание на сумму, выданную австрийскому и венгерскому казначействам австро-венгерским банком (около $7\frac{1}{2}$ миллиардов крон), представляет тем больший интерес, что дает тот минимум, на который должно было увеличиться за время войны бумажно-денежное обращение Австро-Венгрии (как известно, австро венгерский банк с самого начала войны не публикует своих балансов, и потому точная сумма выпущенных им на покрытие военных расходов бумажных денег, равно как и его золотой запас, неизвестны).

„До сих пор австрийские и венгерские займы неизменно выпускались вскоре после каждого германского военного займа. В то время, как в Германии уже идут усиленные приготовления к выпуску 5 военного займа, которого можно ожидать во второй половине сентября, в Австрии на этот раз, по сообще-

нию „Neue Freie Presse“ (8 августа 1916 года), соответствующего займа выпущено не будет“.

Итак, из этого документа явствует, что— подобно тому, как мы это наблюдали во всех странах — военные расходы Австро-Венгрии быстро возрастали за время войны и скоро поглотили громадную сумму. За первые два года войны эта сумма достигла *30 миллиардов крон* [1]). Уже эта сумма являлась чудовищной по своим размерам для государства, все национальное богатство которого накануне войны определялось приблизительно в 125 миллиардов крон. Следовательно, *военные расходы габсбургской империи за первые два года войны поглотили почти $^1/_4$ часть всего национального богатства страны.* Опубликованные позднее данные австрийской контрольной комиссии государственных долгов – определяют общие расходы Австро-Венгрии за первые 23 месяца войны в 1.680 милл. крон в месяц в среднем и всю сумму государственных долгов империи к июню 1916 г. в 38,6 миллиарда крон. Таким образом, *уже к июню 1916 г. государственный долг Австро-Венгрии составлял немногим менее $^1/_3$ всего национального богатства страны.* Само собой разумеется, что по мере затягивания войны, финансовое положение Австро-Венгрии все более и более ухудшалось, и в этом отношении габсбургская империя, на ряду с Италией, не находилась в особенно привилегированном положении, по сравнению с Россией. Австро-Венгрии приходилось путем

---

[1]) Золотая крона=0,3048 гр. чистого золота (39 копеек).

займов покрывать не только непосредственно военные расходы, но и дефициты в нормальном бюджете. Так, по бюджету 1916—1917 г. г. расходы Австрии составляли 7.231 миллион крон, а доходы всего 3.887 миллионов Дефицит в 3,4 миллиарда крон был вызван, главным образом, расходами по уплате процентов на военные займы, в размерах 1,2 миллиарда крон, и по различным другим, связанным с войной, статьям, всего в количестве 2,2 миллиарда крон. Чтобы покрыть эти дефициты, Австрия энергично пользовалась услугами печатного станка, непрерывно выпуская бумажные деньги. Правда, государственная контрольная комиссия Австрии очень энергично высказывалась за прекращение выпуска бумажных денег для нужд войны, но правительство габсбургской империи продолжало, до последнего момента, пользоваться в самых широких размерах печатным станком, стараясь в этой области одновременно лишь об одном, именно—о сокрытии от страны и всей Европы размеров использования этого удобного и „дешевого“ способа „погашения“ военных расходов. Однако, в конце концов— и это случилось в начале 1918 г. — австро-венгерскому правительству пришлось приподнять покрывало Изиды над деятельностью австро-венгерского банка в области усиленного выпуска бумажных денег и одновременного сокращения золотой наличности.

С начала войны австро-венгерский банк прекратил публикование своих балансов. Факт этот был истолкован боязнью раскрыть истинное печальное положение центрального

эмиссионного банка Австро-Венгрии. В течение почти трех с половиной лет войны банк этот не счел возможным давать какие-либо сведения о состоянии своих активов и пассивов. В начале 1918 г., очевидно, под настойчивым влиянием общественного мнения, австро-венгерский банк счел возможным опубликовать свой баланс на 7 декабря 1917 г. Как видно из этого баланса, билетное обращение достигло 17.740 миллионов крон, против 2.160 миллионов крон на 23 июля 1914 г. Рост билетного обращения за время войны представляется следующим образом. К концу 1914 г. — 5,1 миллиарда крон, в 1915 г. — 7,1 миллиарда крон, в 1916 г. — 10,8 миллиарда крон и в 1917 г.—17,7 миллиарда крон.

Каналы народного хозяйства Австро-Венгрии были к концу войны переполнены обесцененными бумажными деньгами.

Золотое покрытие бумажных денег упало до крайне низких размеров. Так, золотая наличность банка к 7 декабря 1917 г. составляла всего 264,2 миллиона крон, против 1.237,9 миллионов крон к 23 июля 1914 г.

Итак, накануне войны 2.160 миллионов крон бумажных денег, находившихся в обращении, были обеспечены золотой наличностью в 1.240 миллионов крон. Следовательно, накануне войны золотое покрытие составляло почти 60 проц. К декабрю 1917 г. 18 миллиардов крон бумажных денег были обеспечены всего 264 миллионами крон золотом. *Номинальная ценность бумажных денег увеличилась в 8 раз в то время, как наличность*

золотого покрытия уменьшилась почти в пять роз. Следовательно, золотое обеспечение бумажной кроны уменьшилось почти в 40 раз и равнялось через $3^1/_2$ года после начала войны всего 1,5 проц. реальной стоимости кроны, сравнительно с мирным периодом. Таким образом, в этом отношении *Австрия перегнала Россию и среди других первоклассных государств безусловно побила рекорд по бесцеремонному обращению с печатным станком.* В 1918 г. австрийская бумажная крона стоила меньше 1 копейки золотом.

Итак, золотая наличность австро-венгерского банка, равнявшаяся 23 июля 1914 г.— 1.237,9 миллиона крон, за время войны сократилась на 973 миллиона крон. Это количество золота было почти целиком вывезено за границу для урегулирования расчетного баланса Австро-Венгрии. В отдельности золото служило средством оплаты текущих процентов и погашений размещенных за границей государственных займов и для оплаты по закупкам жизненных припасов. Значительная часть золота ушла в Германию, Голландию, в скандинавские государства.

Общая сумма долга австрийского и венгерского казначейств банку к 7 декабря 1917 г. достигла 13.198 миллионов крон.

Усиленный выпуск бумажных денег, в связи с уменьшением золотой наличности, расстройством транспорта и общей разрухой, вызвал необычайное вздорожание жизни в габсбургской империи. Уже через два года после начала войны цена на мясо в Вене

поднялась в четыре раза, на муку в три раза, на яйца в два с половиной раза, на рис в девять раз.

В области внешней торговли война ухудшила и без того неблагоприятный торговый баланс Австро-Венгрии и увеличила пассивное сальдо. Внешняя торговля Австро-Венгрии за последние годы представляет следующую картину в миллионах крон [1]).

Годы	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Ввоз	2.796	2.854	3.192	3.566	3.394	2.753	1.943
Вывоз . . .	2.318	2.419	2.405	2.736	2.762	2.016	972
Сальдо . . .	478	435	787	830	632	737	971

По этим данным, в 1915 г. австро-венгерский вызов уменьшился почти вдвое по сравнению с 1914 г., а пассивное сальдо, т.-е. превышение вывоза над ввозом, достигло почти миллиарда крон.

Таким образом, пережитые в 1918 году Австро-Венгрией нестроения в области финансов, денежного обращения, хозяйственной разрухи—во многом сходны с теми финансовыми и продовольственными затруднениями, с которыми приходится бороться России.

Вот почему, несмотря на экономическую отсталость Австрии по сравнению с Германией, Францией, Англией и С. Штатами, геройское

---

[1]) Цифры заимствованы нами из секретного доклада от 31 августа 1916 г. „его сиятельству министру торговли и промышленности“ о финансовом положении Германии и Австро Венгрии (См. „Министерство торговли и промышленности, Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля“. 31 августа 1916 г., № 367, стр. 52—53).

восстание русского пролетариата нашло прежде всего горячий отклик именно в среде народных масс габсбургской империи, в Венгрии, Чехии, Нижней Австрии, наконец, во всех областях дунайской империи и только затем перекинулось в Германию.

19 декабря 1917 г. впервые за все время войны состоялось общее собрание австро-венгерского банка. С 23 июля 1914 г. банк ни разу не опубликовал своего баланса. Из доклада, представленного 19 декабря административным советом, выясняется следующая картина.

К 7 декабря 1917 г. золотая наличность равняется уже только 264.200.000 крон; долговые обязательства заграницы—обычно Германии — фигурируют в балансе, по расчету альпари, в сумме 815.900.000 крон, из коих на 60 милл. векселей.

Не считая серебряной наличности в размере 54.900.000 крон, денежное обращение гарантируется, следовательно, наличностью в 1.080 000 000 крон. Но количество выпущенных билетов увеличилось в огромнейших размерах: с 3 миллиардов в начале войны количество бумажных денег к концу 1916 года увеличилось до 10.800.000.000 крон, причем в течение одного 1917 года увеличение было значительнее, чем в течение двух предыдущих лет, потому что к 7 декабря в обращении было уже 17.700.000.000 крон.

Это приблизительно сумма кредитов, предоставленных банком двум государствам мо-

нархии в течение трех с половиною лет прямо или косвенно и достигающих 17.800.000.000 крон. Но банк действует почти исключительно, как государственный; коммерческие учетные операции почти совершенно прекратились, и авансы частным лицам на предмет подписки на военные займы не превышают в балансе суммы в 600 миллион. крон. Докладчик подчеркнул в своем отчете, что положение является очень тревожным и что необходимы энергичные меры, чтобы прекратить всякое дальнейшее увеличение количества бумажных денег.

Видимость здесь такова, что бумажное обращение гарантировано наличностью, превышающей миллиард, но дело в том, что в наличность включены обязательства на заграницу по расчету альпари. В действительности около 18 миллиардов бумажных денег гарантированы наличностью только в 269 миллионов – и в 400 миллионов, если считать все долговые обязательства в золоте. „*Arbeiter Zeitung*“ —единственная из австрийских газет, которая нашла в себе мужество сказать правду об этом ужасном положении, писала: „Между золотой наличностью и бумажным обращением нет больше никакого соотношения; банковские билеты—теперь это просто бумажные деньги; их покупательная способность неизбежно должна падать“.... „*Neue Freie Presse*“, накануне того дня, когда Австрия надеется возобновить коммерческие сношения с Россией, находит необходимым выдвинуть несколько требований финансового характера: одна из статей мирного договора

должна будет оговорить, что цены товаров, которые Россия будет доставлять Австро-Венгрии, должны быть установлены в бумажных кронах. За хлеб, семена, мясо, лес, марганец, коноплю, лен, шерсть, которые они доставят, русские получат бумажными деньгами. Это значит,—говорит „*Arbeiter Zeitung*",—„что у нас нет товаров, которые мы моглибы предложить русским в обмен, и что у нас нет больше денег; у нас есть только бумага. Русские узнают, таким образом, или что мы стали неплатежеспособным государством или что под предлогом коммерческого обмена мы хотим возложить на них военную контрибуцию. И подобными-то нелепостями хотят облегчить мирные переговоры!" [1]).

Война вызвала в Австрии, как и во всех других воевавших странах, острый продовольственный кризис, принявший во многих областях империи характер настоящего голода. Мир с Украиной не спас двуединую империю от продовольственных затруднений. Вот что писала газета „Dresdener Anzeiger" через месяц после заключения мира с Украиной о положении продовольственного дела в Австро-Венгрии: „Продовольственное положение в Австрии, особенно в Богемии, достигло исключительной остроты. В Праге тысячи семейств сидят в буквальном смысле слова без куска хлеба. Украинский хлеб может прибыть не раньше конца мая или начала июня. Венгрия, где положение значительно лучше, решительно отказывается помогать".

---

[1]) См. „Нов. Жизнь" от 24—I—1918.

О чрезвычайно тяжелом внутреннем положении габсбургской монархии накануне окончания войны можно судить также по следующим заявлениям газеты „Arbeiter Zeitung“. В статье, озаглавленной „Австрийская нищета и венгерская помощь“, эта газета пишет: „Продовольственный кризис, наконец, наступил. Затруднения возрастают с каждым днем Поступление продуктов из Украины еще не скоро может состояться и покрыть потребности изголодавшихся людей, для которых дальнейшее ожидание становится невмоготу. Все, что подлежало реквизиции, уже реквизировано. Одна только Венгрия в силах нам помочь, но венгерская блокада страшнее английской. Нас заставляет голодать союзное государство. Необходимо просить его о помощи! Но поможет ли оно?“

„Temps“ в статье о продовольственном положении центральных держав пишет:

„Австрия ожидала от Украины до 300 вагонов хлеба в день. Украина же в общем за последнюю неделю дала всего около 600 вагонов. Германия в этом году получила на две трети хлеба меньше, чем в прошлом году.

„Центральные державы должны будут принять решительные меры. Придется уменьшить еще хлебный паек в Германии и в Австрии или же насильно отобрать хлеб у украинских крестьян, которого они не хотят продавать“.

В мае 1918 г. „Stuttgarter Neues Tageblatt“ писало по поводу голода в Австрии: „В течение двух недель до нас доходят раздирающие крики наших братьев, которые умирают

голодной смертью не только в Восточной Богемии, но и в Каринтии, Штирии и Тироле. В Германии недостаточно интересуются участью несчастных немцев в Австрии. Многие германцы сами признаются, что австрийцы умирают с голода по вине Германии. Такая политика опасна, тем более, что Венгрия герметически закупоривается и ничего не пропускает в Австрию. С другой стороны, чехи и юго-славяне сохраняют свои жизненные припасы для себя и отказываются разделить их с немцами. Если Германия не найдет выхода, союз будет скомпрометирован".

За весь период мировой войны Австро-Венгрия истратила на *прямые военные расходы*, по данным института Карнеджи, $20^1/_2$ миллиардов долларов. Она потеряла убитыми 911 тысяч человек, тяжело-ранеными—850 тысяч чел., легко ранеными—2.150.000. пропавшими без вести и пленными около 500.000. По Сен-Жерменскому договору между союзниками и Австрией, заключенному 10 сент. 1919 г., Австро-Венгерская империя распалась на ряд отдельных государств. От прежней двуединой империи сохранились лишь жалкие остатки в виде Австрии и Венгрии, при чем связь между этими государствами порвалась. На развалинах Австро-Венгрии образовались два новых государства—Чехо-Словакия и Польша. В результате мировой войны Австрия потеряла территорию в 220.000 кв. килом. с населением в 22 миллиона душ и превратилась в небольшую и нищую страну с населением в 6—7 миллионов душ.

X

Германия

§ 1

Финансовое положение Германии по „секретным“ документам русского министерства торговли и промышленности

Из всех воевавших государств наибольший интерес для изучения влияния войны на самые могучие в промышленном отношении государственные организмы представляет собой Германия. Мы знаем, что до войны во французской, английской и русской литературе был распространен взгляд, согласно которому Германия является государством очень слабым в финансовом отношении по сравнению с Англией и даже Францией. Автор этих строк никогда не разделял этого заблуждения и в статье „Финансовые и промышленные силы современной Германии и основы ее мировой гегемонии“, напечатанной задолго до войны в „Современнике“, подчеркивал необычайную финансовую мощь Германии и перевес последней по финансовой силе над самыми грозными ее соперниками.

Уже первый год войны показал всем наблюдателям, способным более или менее об'ективно относиться к фактам действительности, как бы последние неприятны ни были, что противники Германии так же недооценили ее финансовую мощь, как недооценили они ее военную силу. Однако, вся союзная пресса считала своим долгом все время войны об-

манывать народные массы росказнями о близком финансовом банкротстве Германии. Самые серьезные французские и английские экономические журналы писали о финансовом положении Германии статьи, которые ничем не отличались хотя бы от пресловутых статей корресподента русских либеральных газет Ликиардопуло, рассказывавшего, якобы в качестве очевидца,—истинного Тряпичкина-очевидца,—такие страшные вещи о продовольственном положении в Германии, из которых с очевидностью следовало, что эта страна не выдержит еще долго и вынуждена будет со всем своим оружием и багажом сдаться на капитуляцию России, Франции и Англии. Любопытно то, что в то время, как русская пресса печатала всякие небылицы о финансовом и продовольственном положении Германии, царское правительство, подобно французскому и английскому, знало истинное положение вещей и отнюдь не увлекалось мыслью о возможности какой-либо катастрофы в Германии на почве финансовых затруднений. Но само собой разумеется, что царское правительство считало полезным для своих целей скрыть от народных масс в России истинное положение дел в Германии и могло лишь быть благодарным нашей буржуазной прессе за то, что последняя изображала экономическое, финансовое и продовольственное состояние Германии с первого же дня войны в таких мрачных красках, в каких, хотя бы теперь, изображается той же русской буржуазной прессой положение другой вражеской страны, именно—рабоче-крестьянской России. Само собой

разумеется, что с начала же мировой войны Германия очутилась перед колоссальными трудностями, но в этих трудностях не было ничего исключительного, ставившего Германию в худшее положение, по сравнению с ее противниками. На русском языке существуют печатные документы, рисующие более или менее об'ективно финансовое и экономическое положение Германии во время войны.

Эти документы—*секретные* доклады комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля „его сиятельству господину министру торговли и промышленности". В этих документах нет, как будто, никаких государственных тайн; эти документы заключают в себе более или менее *об'ективную* характеристику истинного положения дел в неприятельских странах, и именно поэтому—эти документы должны были оставаться тайной для непосвященной публики, для поддержки энтузиазма в которой вполне достаточно было статей Ликиардопуло и других подобных вральманов.

Приводим ниже первые страницы секретного доклада за № 367, за подписью председателя комитета проф. Струве и управляющего делами Нордмана, о финансовом положении Германии и Австро-Венгрии за 2 года войны.

Министерство торговли и промышленности

Комитет по ограничению снабжения
и торговли неприятеля

31 августа 1916 года, № 367

СЕКРЕТНО

Финансовое положение Германии (и Австро-Венгрии)

Германская империя

ПОЛОЖЕНИЕ ДО ВОЙНЫ

Данные об имущественном положении Германии к началу войны представлялись в следующем виде:

Имущественное положение Германской империи

Общая сумма национального имущества империи оценивалась в 300—350 миллиардов марок. Ежегодный доход германской нации к началу войны достигал 40 миллиардов марок, из которых 25 миллиардов марок потреблялось населением, 7 миллиардов тратилось на общегосударственные цели и 8 миллиардов присоединялись к национальному капиталу. Помимо этого, капитал возрастал от изменения его ценности ежегодно на $1^{1}/_{2}$—2 миллиарда марок, и, таким образом, общее ежегодное увеличение народно-хозяйственного капитала Германии достигало почти 10 миллиардов марок.

Бюджет

Однако, несмотря на такое громадное народное богатство, финансы Германской империи находились перед войной в довольно напряженном состоянии. Расходы, особенно военные, быстро росли, а новые налоги проходили через рейхстаг с чрезвычайным трудом. В результате этих условий до 1909 года имперские расходы неизменно превышали доходы, и только в 1909 году, благодаря ряду финансовых реформ, Германии удалось установить бездефицитность общеимперского бюджета. Общая сумма имперского бюджета в 1913 году достигла

3.696 милл. марок; сумма бюджетов отдельных государств, входящих в состав империи, была около 7 миллиардов марок, т.-е. вдвое превышала бюджет имперский.

Задолженность

Для покрытия дефицитов—Германии приходилось прибегать к займам, в виду чего задолженность ее неизменно росла, достигнув в 1913 году 4.897 миллиардов марок, из коих свыше 3 миллиардов пошло на покрытие дефицитов бюджета. Долг отдельных государств в 1913 г. достигал 16 миллиардов марок, так что к началу войны ежегодные платежи Германией %% по этим долгам доходили до 743 милл. марок (177+568).

Неустойчивость кредита и зависимость немецких банков от заграничных

С другой стороны, необыкновенно быстрый рост германской промышленности, требовавшей для своего развития огромных средств, приводил к тому, что промышленники широко пользовались кредитом за счет краткосрочных вкладов банков, при чем, чтобы удовлетворить весь спрос, банкам приходилось кредитоваться на короткие сроки за границей. Это представляло большую опасность для государства и было затруднительно для рейхсбанка, который в момент расчетов и кризисов должен был приходить на помощь частным банкам своими средствами. Сознавая это, германское правительство с 1906 г. приняло ряд мер к ослаблению этого явления. В результате этих мер и благодаря активному расчетному балансу, к началу войны положение значительно изменилось в благоприятную сторону, и большинство немецких банков к началу войны не только освободились от заграничной задолженности, но и поместили за границей часть своих средств.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ В СВЯЗИ С ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

Расходы во время войны

Война потребовала от Германии громадных расходов. За первые 8 месяцев войны военные расходы можно определить в 10—11 миллиардов марок, а начиная с апреля—по 2 мил-

лиарда марок в месяц, что даст к сентябрю 1916 г. 11+34, всего около 45 миллиардов марок. Из этой цифры и приходится исходить при рассмотрении вопроса о том, откуда Германия черпала средства на расходы во время войны, так как точно установить имперские бюджеты военных 1915 г. и 1916 г. (для 1915 г. по официальным данным 3,4 миллиарда марок) не представляется возможным в виду фиктивности официальных исчислений. В общем, величина бюджетных расходов по сравнению с военными расходами, незначительна, и во всяком случае доходная часть бюджета не могла служить источником покрытия военных расходов, так как военные бюджеты были сведены с дефицитами, главным образом, в виду сокращения доходов и роста расходов по уплате процентов по займам.

Покрытие военных расходов

В виду этого для получения средств на специально военные расходы у Германии оставались два источника: займы и выпуск бумажных денег. По сколько-нибудь значительных займов за границей (внешних) Германии заключить не удалось, а выпуск бумажных денег необходимо было сообразовать с потребностью рынка, дабы не вызвать их обесценения. Поэтому этим источником приходилось пользоваться с большой осторожностью.

Таким образом, главнейшим источником, откуда германское правительство черпало и черпает и поныне средства на ведение войны, являются внутренние займы, на которые главным образом опирается все современное финансовое положение неприятеля. Поэтому при оценке устойчивости этого положения и будущих возможностей необходимо выяснить ту чрезвычайно продуманную систему заключения внутренних займов, которая позволила Германии получить от ее населения необходимые для военных операций колоссальные средства.

Внутренние займы

Всего Германией до сего времени заключено 4 внутренних займа: в сентябре 1914 г.—4.461 милл. мар., в феврале 1915 г.—9.060 милл. мар., в сентябре 1915 г.—12.160 милл. мар., в марте 1916 г.—10.712 милл. мар., всего 36½ милл. марок. В настоящее время средства эти уже исчерпаны, и в Германии об'явлен выпуск пятого займа. Финансирование войны производится в сущности таким способом: правитель-

ство учитывает краткосрочные обязательства в рейхсбанке. Рейхсбанк постепенно размещает эти обязательства на открытом рынке, передавая их банкам, страховым обществам, сберегательным кассам, промышленным предприятиям, отдельным капиталистам и т. д. и стягивая таким способом к себе свободные средства денежного рынка. Краткосрочные обязательства консолидируются затем долгосрочными займами. Перед заключением такого займа значительная часть выпущенных на открытый рынок краткосрочных обязательств возвращается в рейхсбанк: публика реализует свои средства в заем. Другая их часть, а именно те обязательства, которым наступил срок, непосредственно обмениваются на облигации займа или, вернее, платежи по краткосрочным обязательствам, и взносы денег по займам взаимно погашаются, проходя через жиро-счета рейхсбанка. Со сроком первого взноса по четвертому займу (31 марта 1916 г.) как раз совпадал срок погашения больших количеств краткосрочных обязательств, вследствие чего описанный процесс непосредственного обмена краткосрочных обязательств на облигации займа достиг весьма крупных размеров.

Показателем насыщения денежного оборота краткосрочными обязательствами казначейства перед займами является та быстрота, с которой публика вносит деньги по займам. Так, при четвертом займе почти 6 миллиардов марок было внесено в пять дней. Столь быстрая мобилизация капитала была возможна в том случае, если она сводилась лишь к изменению формы, превращаясь из краткосрочных в долгосрочные займы.

В общем, как было указано, Германия уже разместила на внутреннем рынке займов на 36½ миллиардов марок, что равняется сумме всех ценностей, выпущенных на германский рынок в течение последних 15 лет. Возможность получить от населения такие громадные суммы обусловливается совокупностью нескольких условий.

Причины необычайного успеха внутренних займов в Германии

1) Благодаря английской блокаде, потребление населения в военное время уменьшилось не менее как на 5—7 миллиардов в год, и эти сбережения, а также и обычные ежегодные сбережения в сумме 8 - 8⅓ милл. марок, могли пойти в займы (справка стр. 15).

2) Под влиянием военных действий деятельность некоторых отраслей германской промышленности уменьшилась, а в

остальных запасы сырья постепенно иссякают. Оборотные капиталы этих отраслей, а также средства, на которые покупалось сырье, были помещены в займы, что видно из балансов предприятий (справка стр. 16).

3) В займы пошли средства, освободившиеся от продажи иностранных ценностей, особенно тех нейтральных стран, откуда Германия ввозит товары (справка стр. 17).

4). Размещению займов способствовала выдача под займы ссуд специальными военными ссудными кассами, которые выдали ссуд к середине 1916 года в среднем на 1.800 милл. марок (справка стр. 18).

5) Часть вкладов в сберегательные кассы, исчислявшихся к началу войны в 2 милл. марок, была превращена в займы. Помимо этого кассы способствовали успеху займов, принимая подписку по займам (всего было принято на 8.464 милл. мар., в том числе подписано за свой счет на три первые займа 1.115 милл. мар.).

6) Наконец, успеху займов, повидимому, способствовали коммерческие банки. С началом войны требование кредита со стороны промышленности и торговли к банкам сильно уменьшилось. Поэтому для них возник вопрос о помещении капиталов; в этом отношении учет краткосрочных обязательств государственного казначейства являлся для них удобным средством разместить свободные суммы, что и подтверждается изменением балансов банков во время войны.

Таким образом, банки помогали германскому правительству размещать краткосрочные обязательства, что, как было указано выше, является обычным средством „подготовки" внутреннего займа. Помимо этого, через частные банки шла значительная часть подписки по займам (справка стр. 21).

Выпуск бумажных денег

Другим, хотя и менее важным, источником покрытия военных расходов у Германии был выпуск бумажных денег.

В самом начале войны (31 июля) Германия, как и другие воюющие страны, за исключением Великобритании, прекратила размен банкнот, выпускаемых рейхсбанком, превратив их, так. обр., в бумажные деньги. Затем был принят ряд мер, чтобы дать возможность рейхсбанку увеличить выпуск этих денег. Так, рейхсбанку было предоставлено засчитывать в банковое покрытие учитываемые им обязательства казначейства; банк был освобожден от уплаты 5% налога с количества банкнот, превышающего на 550 милл. мар. золотое покрытие,

и, наконец, что особенно расширило возможность усиленного выпуска банкнот рейхсбанка, было разрешено в золотое покрытие зачислять билеты ссудных касс, для которых был установлен громадный контингент в 3 миллиарда мар. Помимо этого, благодаря принятым мерам и, может-быть, перевезению в рейхсбанк золотых запасов Австро-Венгрии и Болгарии, золотой запас рейхсбанка к 31 июля 1916 года был доведен до 2.468 милл. мар. (1.208). Благодаря этому, количество обращавшихся банкнот банка к 31 июля с. г. возросло до 7.025 милл. мар. Если прибавить сюда 1.373 милл. мар. билетов ссудных касс и 322 милл. билетов имперской кассы, то общая сумма бумажных денег к этому времени в Германии достигнет внушительной цифры 8.720 милл. мар., что при указанном золотом запасе в 2.468 милл. мар. даст лишь 28,3% золотого покрытия. Немецкая пресса пытается доказать, что увеличение количества банкнот вызывается исключительно нуждами обращения. Однако, внимательное исследование этого вопроса приводит к убеждению, что из указанной суммы не менее 3 миллиардов мар. банкнот приходится отнести на счет удовлетворения потребности казны в средствах для ведения войны. Этой суммой и определяется использование германским правительством бумажного денежного обращения в качестве источника финансирования войны.

Общие выводы

Из изложенного видно, что система финансирования войны в Германии сводится в общем к получению государством от населения, путем учета краткосрочных обязательств государственного казначейства, денежных средств для ведения войны и, затем, в постоянном переводе этих краткосрочных обязательств в долгосрочные путем выпуска внутренних займов. Получаемые при этом деньги затем снова попадают к населению в уплату за предоставление государству труда и материалов, необходимых для ведения военных операций, чтобы затем снова поступить в руки правительства в уплату за приобретаемый новый выпуск займа и т. д.

Процесс этот в сущности сводится к постепенному переходу от населения имеемых в стране капиталов (запасов) в руки германского правительства, взамен чего население получает обязательства государства уплаты этого долга через некоторый отдаленный срок и уплаты ежегодного дохода в размере 5%.

При такой организации германское правительство может расчитывать на дальнейшее беспрепятственное получение средств на ведение войны при наличии двух условий: наличия внутри страны необходимых запасов и такого психологического состояния населения, которое понуждало бы его помещать свои средства в вышеуказанные займы. При этом израсходование полученных сумм государством на нужды войны, которое в сущности является из'ятием из частного оборота части запасов, вместе с тем является и причиной освобождения капиталов, т.-е. обеспечивает до известной степени успех дальнейшего займа. Поэтому, пока существуют указанные два условия, нет основания ожидать в Германии каких-либо серьезных потрясений в финансовой области. Правда, есть показание некоторого ухудшения положения неприятеля. Таковым, прежде всего, является повышение процентной ставки частного учета. Если это будет продолжаться, то размещение займов по прежнему проценту сильно затруднится, повышение же процентных ставок новых внутренних займов заставит произвести обмен всех прежних займов, что при громадной их общей сумме ($36^{1}/_{2}$ милл.) будет весьма трудно. Затем, несомненно, четвертый заем оказался менее удачным, чем третий, и это дало основание предполагать, что в населении появляются признаки некоторого утомления. Но, как бы ни были серьезны эти явления, при существующих условиях приходится прийти к заключению, что их влияние может лишь осложнить финансовую задачу германского правительства, уменьшить сумму поступлений по следующим займам, но резкого кризиса ожидать пока нет оснований.

Таким образом, современное финансовое положение Германии является вторичным явлением, и, чтобы добиться резкого его ухудшения, необходимо подорвать те основы, на которые оно опирается, т.-е. ускорить процесс истребления внутренних запасов (мерами, направленными к общему экономическому истощению неприятеля), или воздействовать на психику масс нанесением такого военного удара, который мог бы подорвать окончательно веру населения Германии в успешное окончание войны.

В этом последнем случае указанные выше неблагоприятные признаки могут сыграть значительную роль и принудить германское правительство перейти на путь широкого использования бумажно-денежного аппарата, что, при одновременном экономическом истощении и сокращении хозяйственной деятельности, может весьма быстро повести к серьезным финансовым затруднениям.

Из вышеприведенного документа явствует, что финансовое положение Германии к августу 1916 г, т.-е. через два года после начала войны, нисколько не было хуже, чем положение воевавших с ней держав—Англии, Франции и, тем более, России. Как подчеркивают авторы секретного доклада, не было никаких оснований ожидать в Германии каких-либо серьезных потрясений в финансовой области. Правда, авторы доклада подчеркивали, что в случае военных поражений перед германским правительством могут встать „серьезные финансовые затруднения" но это, конечно, не давало какого-либо перевеса, в данный момент, державам Согласия на поле финансового состязания с Германией.

Но, если мы утверждаем, на основании цитированного нами секретного документа, что через два 2 года после начала войны финансовое положение Германии нисколько не было хуже положения держав Согласия, а пожалуй—даже лучше, это не значит, что финансовые условия Германии были блестящими. Наоборот, уже первые два года войны нанесли тяжелые, хотя пока еще не смертельные, удары Германии, и с каждым днем эта могучая страна собственными руками все сильнее и сильнее расшатывала устои своей цветущей недавно хлопчатобумажной промышленности, подрывала свое торговое мореходство, достигшее небывалого расцвета накануне войны, медленно, но неуклонно разрушала—интенсивной переброской войск с одного фронта на другой и обратно и усиленной перевозкой к границам днем и ночью в течение всего пе-

риода войны тяжелых и легких орудий и миллионов снарядов к ним—свой удивительный железнодорожный аппарат и одновременно, камень за камнем, подтачивала фундамент своей тщательно продуманной финансовой организации.

§ 2

Экономическое положение Германии по „секретным“ документам бывшего министра торговли и промышленности

В предыдущей статье мы обрисовали финансовое положение Германии за первые два года войны, на основании одного из „секретных“ докладов комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля „его сиятельству министру торговли и промышленности“. Мы видели, что доклад, представленный министру, вполне об‘ективно излагал положение дел в Германии и в этом отношении выгодно отличался от целого ряда газетных статей, печатавшихся изо дня в день в русской прессе и изображавших уже в 1914—1916 г.г. финансовое положение неприятельской страны в таком катастрофическом виде, что у читающей публики должно было сложиться убеждение в неизбежности скорого разгрома Германии и близости победного конца войны против центральных держав. Вполне об‘ективную картину положения Германии к концу 1916 года дает и другой доклад, рисующий *экономическое* состояние неприятельской страны в результате 2½ лет войны и влияние последней на разные отрасли немецкой промышленности. Извлекаем наиболее интересные страницы из этого доклада (стр. 26—33).

Министерство торговли и промышленности
Комитет по ограничению торговли
и снабжения неприятеля (К. О. С.).

1 октября 1916 г.

СЕКРЕТНО № 7.

Экономическое положение неприятельских стран

ГЕРМАНИЯ

. . . .

Положение промышленности и снабжение сырыми материалами

Добыча угля и увеличение производства кокса.

Добыча каменного угля предприятиями, входящими в рейнско-фестфальский угольный синдикат, в июле с. г. повысилась против июня с 7 347.000 тонн до 8.162 000 тонн, но все же не достигла рекордной майской цифры в 8.435.000 т. Однако, средняя суточная добыча (на 1 рабочий день) сократилась и составила в июле 1916 г. (26 рабочих дней) 313.913 тонн, против 328.378 в июне (22³/₈ рабочих дня). В августе общая добыча достигла 8.232 179 тонн, при средней суточной добыче в 304.836 тонн, т.-е. дала новое уменьшение по сравнению с июнем и июлем.

Заслуживает внимания значительно увеличившееся за последние месяцы производство кокса, являющееся следствием требования правительства, пред'явленного им углепромышленникам в марте месяце с .г. (см. № 3, стр. 9), об увеличении производства побочных продуктов коксования. По месяцам производство кокса за первые 7 месяцев текущего года изменялось следующим образом (в тоннах):

	1915 г.	1916 г.
Январь	1.195.155	1.998.677
Февраль. . . .	1.216.284	1.842.603
Март	1.357.888	2.067.290
Апрель	1.362 205	2 074.762
Май	1.505.321	2.276.700
Июнь	1.507.603	2.249.839
Июль	1.569.410	2.356.213

В связи с некоторой заминкой в увеличении добычи угля заслуживают также внимания возобновившиеся в июле жалобы на недостаток вагонов, находящийся, повидимому, в связи с оживлением военных действий.

Выплавка чугуна в Германии

Выплавка чугуна в Германии, немного понизившаяся в июне, в августе текущего года снова достигла рекордной цифры за время войны—1.145.292 тонн, против 1.134.3306 т. в июле 1916 г. и 1.050.610 т. в августе 1915 г. В течение первых 8 месяцев текущего года выплавка чугуна изменялась следующим образм по сравнению с теми же месяцами 1915 и 1914 г г. (в тоннах):

	1914.	1915.	1916.
Январь . . .	1.566.505	874.133	1.078.368
Февраль. . .	1.445.511	803.623	1.036.683
Март	1.602.896	938.438	1.114.194
Апрель . . .	1.534 429	938.679	1.073.706
Май	1.607.193	985.968	1.112.574
Июнь	1.531.313	993.406	1.081.507
Июль	1.564 345	1.047.503	1.134.306
Август . . .	1.586.661	1.050.610	1.145.292

Средняя выплавка за один рабочий день также повысилась в августе, составив 36.945 тонн—против 36.590 т. в июле 1916 г.

Недостаток руды высокого качества для производства стали

Со второй половины августа все обзоры железного рынка полны указаний на *чрезвычайное увеличение заказов военного ведомства и на то, что заводы прилагают очень большие усилия к тому, чтобы справиться с выполнением этих заказов* [1]. „В виду такого положения приобретает исключительное значение вопрос о снабжении рудой, особенно для более твердых сортов стали; поэтому крайне желательно было бы дать рудникам Зигерланда возможность повысить добычу—предоставлением им необходимых рабочих сил“. („Кельнише-Цейтунг“, 21 августа 1916 г.).

[1] Курсив везде наш.—М. П.

Вообще железные рудники Зигерланда, являющиеся ныне единственным источником снабжения Германии рудой, содержащей марганец привлекают все время усиленное внимание правительства. Тем не менее, как сообщают „Деутше Тагес-цейтунг" (22 августа 1916 г.), стремления, направленные к увеличению добычи зигерландской руды, до сих пор не имели успеха. „В настоящий момент военное министерство оказывает чрезвычайное содействие благоприятному разрешению этого вопроса, при чем, между прочим, получили отпуска все несущие службу в тылу горнорабочие". Как видно из отчета одного из крупнейших предприятий, теперь приступлено к переработке шлаков, содержащих марганец (очевидно, в очень небольшом проценте): „Этот материал, лежавший до сих пор без всякой пользы вблизи доменных печей, продается теперь по высоким ценам" (из отчета Ферайнигт Штальверк фон-дер-Ципен А. Г.).

Цены на специальный чугун были повышены в начале августа вследствие чрезвычайного недостатка соответствующих сортов руды" („Кельнише Цейтунг", 6 августа 1916 г.).

Призывы рабочих в железной промышленности

На ряду с жалобами на недостаток специальных сортов руды, необходимых для выплавки металла, идущего на изготовление орудий и снарядов, учащаются жалобы на *недостаток рабочих сил.*

Отчеты горнопромышленных предприятий полны жалоб на продолжающиеся призывы рабочих, вследствие чего все труднее становится поддерживать производство на прежнем уровне. „Затруднение с рабочими становятся все больше вследствие продолжающегося призыва рабочих, так что последних пришлось заменить новыми военнопленными и, где это было возможно, женщинами" (Геверкшафт Ховинцоллерн Саарбрукксн). „Вследствие призывов рабочих в войска—поддержание производства на прежнем уровне было очень затруднено". „Производство чрезвычайно затруднялось вследствие призыва все новых категорий рабочих в войска".

Увеличение военных заказов и прекращение вывоза железа

Выступление Румынии еще более обострило напряженное состояние железной промышленности, *не успевающей больше выполнять даже заказы военного ведомства.* Так, в отчете

„Кельнише Цейтунг“ (от 8 сентября 1916 г.) о положении силезской железоделательной промышленности говорится: „*В виду вступления Румынии в мировую войну военное ведомство выступило с новыми большими заказами, так что работа заводов еще возросла. Не только чугуноплавильные заводы, но и все перерабатывающие железо и сталь производства заняты до последней степени.* Спрос последних не мог быть удовлетворен вследствие недостатка чугуна и полупродукта. Дабы обеспечить удовлетворение спроса военного ведомства, заводы постановили прекратить во второй половине августа всякий вывоз в нейтральные страны и освободившийся таким образом материал обратить на покрытие внутреннего спроса, главным же образом, для военных целей“. В том же обзоре сообщается об имевшем недавно место на одном из заводов несчастном случае, происшедшем из-за оказавшейся в печи неразряженной гранаты.

„Переработка подобранных на театре военных действий гранат при их сплавке должна в виду этого производиться с особой предусмотрительностью“. Сопоставляя это сообщение с другими известиями, можно заключить, что речь идет об одном из крупнейших силезских предприятий, которое в циркуляре к своим заказчикам извещает, что вследствие несчастного случая с одной из его мартеновских печей произошло значительное сокращение производства.

В другом обзоре положения железной промышленности говорится: „Требования военного ведомства, вследствие продолжительности (ланге дауер) общего наступления наших врагов, еще более увеличились, так что *от исполнения заказов для частного рынка и для вывоза в нейтральные страны приходится отказываться*“ („Франкфуртер Цейтунг“, 31 августа 1916 г.). По последним сведениям, германское правительство издало общее запрещение вывоза железа в нейтральные страны.

Реквизиция платины

26 августа издано постановление об общей реквизиции запасов платины. „Увеличивающаяся потребность военного ведомства в платине привела к тому, что за последнее время в целом ряде предприятий, по требованию военных властей, были произведены реквизиции этого металла. Однако, частные реквизиции оказались недостаточными для того, чтобы удовлетворить имеющуюся потребность. В виду этого, по предложению военного министерства, с 1 сентября об‘явлена общая реквизиция

и перепись всех запасов платины; этим отменяются все частичные реквизиции".

Ограничение отпуска керосина в связи с выступлением Румынии

Постановлением имперского канцлера от 28 августа 1916 г. было снова продлено, впредь до изменения, *запрещение отпуска керосина для освещения как перепродавцам, так и потребителям* (см. № 4—5, стр. 33). Однако, 9 сентября было опубликовано новое постановление, которым с 11 сентября вновь разрешена продажа керосина, но в сильно сокращенном по сравнению с прошлой зимой размере. В пояснение этих колебаний сообщается следующее: „После об'явления Румынией войны Австро-Венгрии и в виду связанного с этим прекращения ввоза керосина из Румынии, постановлено было временно прекратить отпуск керосина частным лицам, ибо, с одной стороны, необходимо было установить точно размер имеющихся запасов, а с другой стороны—необходимо было определить потребность в керосине различных учреждений и предприятий. Эти обследования были тем временем закончены, при чем выяснилось, что мы располагаем достаточными запасами для того, чтобы разрешить в сокращенном размере продажу керосина частным лицам" („Берлинер Тагеблат", 12 сентября 1916 г.)

„Керосин будет отпускаться по карточкам только лицам, занятым промышленным трудом у себя на дому и не имеющим возможности пользоваться газовым или электрическим освещением. *Для освещения простых жилых помещений керосин совершенно не будет отпускаться*". („Берлинер Тагеблат", 24 августа 1916 г.)

Реквизиция смазочных масел

В сентябре опубликовано новое постановление о реквизиции всех запасов смазочных масел, благодаря которому, по словам газет, якобы обеспечено удовлетворение потребности Германии в смазочных маслах „на любое время". Однако, до сих пор главным источником снабжения Германии минеральными смазочными маслами была Румыния.

Увеличение посева масличных растений в Голландии

Высокие цены, которые Германия платит в настоящее время за всякого рода масла в нейтральных странах, вызвали

в Голландии значительное увеличение посевов льна, так что там расчитывают па значительно больший сбор льняных семян по сравнению с предыдущими годами. С 7.700 гектаров в 1914 г. и 8.900 гектар. в 1915 г. посевная площадь льна увеличилась в 1916 г. до 14 600 гект., т.-е. почти удвоилась по сравнению с 1914 г. Существенно увеличены также и посевы других масличных растений.

Реквизиция джута, льна и пеньки

15 августа опубликовано новое постановление о реквизиции всех запасов джута, льна, пеньки и пряжи и изделий из них. Главное отличие нового постановления от прежних заключается в том, что отныне подлежат реквизиции все упомянутые материалы, в том числе уже ввезенные или могущие быть ввезенными в будущем из-за границы. Реквизиция распространяется также па все отбросы. Фабрикам разрешено, однако, перерабатывать в месяц в пряжу и изделия одну десятую тех запасов отбросов этих волокон, которые имелись у них на 1 августа 1916 г. Кроме того, разрешено перерабатывать в месяц такое количество волокна, которое соответствует одной пятой тех имевшихся ко дню вступления в силу этого постановления запасов, которые состоят из волокна ввезенного в Германию после 1 января 1916 года.

Снабжение германской промышленности льном

Германская льнопромышленность *„в противоположность хлопчатобумажной промышленности“* работала в течение последних месяцев довольно удовлетворительно, но исключительно по военным заказам, так как теперь реквизируется даже лен, ввозимый из-за границы. „Для покрытия потребности военного ведомства льна еще хватит до поздней осени, хотя русский лен уже сильно приходит к концу“ („Берлинер Берзен Курнер“, 10 августа 1916 г.). В 1916 г. в самой Германии льном было засеяно 22.000 гектаров, кроме того, льном засеяны значительные площади в оккупированных областях. Тем не менее, посевы этого года покроют лишь от 15 до 20 проц. общей потребности германской льнопрядильной промышленности (эта потребность выражается в количестве 45.000 тонн в год). „Необходимо стремиться к уничтожению зависимости от заграничного рынка, так как представляется довольно сомнительным, чтобы русское, бельгийское и французское льноводство стало снабжать после войны сырьем германскую текстильную промышленность“ (там же).

Отпуск одежды по карточкам

10 июня опубликовано постановление Союзного Совета, согласно которому, в целях экономии оставшихся запасов платья и белья, указанные в законе виды платья, вязаных изделий и белья с 1 августа могут отпускаться покупателям не иначе, как по пред'явлении последними особых разрешений („Бецугшейне"), выдаваемых образуемыми для этой цели специальными местными комиссиями (Беклейдунгсемтер). Общее заведывание регулированием продажи платья возложено на особый центральный орган (Рейхсбеклейдунгстелле). Согласно утвержденной этим органом инструкции, местные бюро должны при выдаче разрешений на покупку платья считаться с социальным положением просителя, а также и родом его занятия, если последнее вызывает особую потребность в платье и белье.

Реквизиция кож и понижение цен на сырье и выделанные кожи

Новыми постановлениями о реквизиции кож—сырых и выделанных—и о предельных ценах на них (постановления эти вступили в силу 1 августа) реквизиции подвергнуты и те сорта кожи, которые до сего времени были свободны от нее. Цены как на сырье, так и на выделанные кожи весьма значительно понижены. Это понижение, между прочим, мотивировалось необходимостью подготовить возможно более безболезненный переход к мирному положению. В заинтересованных кругах новые постановления встретили крайне резкую критику; в частности, указывается, что кожевенным заводчикам приходится сдавать казне по пониженным ценам кожи, выделанные из сырья, приобретенного еще по прежним высоким ценам, и нести вследствие этого огромные убытки. Насколько значительно понижение цен, проводимое правительством, видно из того, что весною 1914 г. (до войны) цена на килограмм подошвенной кожи была от 5 до 6 марок, зимою 1914—15 г.—14 марок, с 1 мая 1915 г.—10 марок, с 1 декабря 1915 г.—8,50 марок, с 15 марта—8,25 марок, и, наконец, теперь цена сразу понижена до 7 марок. („Кельнише Цейтунг", 8 августа 1916 г.).

Дороговизна обуви

Несмотря на столь значительное принудительное понижение цен на сырье и выделанные кожи, нельзя, по словам

газет („Кельнише Цейтунг“, 21 августа 1916 г.), ожидать соответствующего понижения цен на обувь, в виду того, что: 1) сапожным фабрикантам приходится также выписывать по очень высоким ценам кожи из-за границы и платить до 12 марок за фунт кожи; 2) рабочее время на сапожных фабриках ограничено правительством 40 часами в неделю, между тем как заработная плата осталась прежняя; 3) общие расходы возросли, вследствие необходимости обучения новых рабочих, и ложатся большим процентом на готовые изделия, вследствие сокращения производства.

Движение заработной платы горнорабочих

Прекратившееся было одно время публикование обычных данных о заработной плате горнорабочих дортмундского горного округа (в состав которого входит каменноугольный бассейн реки Рур) ныне возобновилось. За время войны эта плата изменялась следующим образом:

	Средн. заработок (в день) одного рабочего.	Заработ. забойщ.	Среднее число рабочих.
2 я четверть 1914 г. . .	5,22 мар.	6,19 мар.	405,000
3-я „ 1914 „ . .	5,07 „	6,03 „	329,000
4 я „ 1914 „ . .	5,03 „	6, 3 „	294,000
1 я „ 1915 „ . .	5,18 „	6,36 „	278,000
2-я 1915 „ . .	5,39 „	6.66 „	278,000
3-я „ 1915 „ . .	5,52 „	7,04 „	268,000
4-я „ 1915 „ . .	5,80 „	7,24 „	274,000
1-я „ 1916 „ . .	6,02	7,62 „	286,000
2-я „ 1916 „ . .	6,28 „	8,05 „	295,000

Комментируя эти цифры, „Кельнише Цейтунг“ (15 сентября 1916 г.) указывает, что „нельзя отрицать“, что *цены на пищевые продукты возросли в гораздо большей степени, чем заработная плата*“.

Этот доклад отмечает в хозяйственном укладе Германии те же черты, которые характеризовали состояние промышленности во всех воевавших странах к началу 1917 г. и которые с каждым днем затягивания войны становились выпуклее, приобретали все более и более

рельефный характер. Во всех воевавших странах повышение заработной платы не поспевало за страшным вздорожанием жизни, за повышением цен на с'естные припасы, на обувь, на одежду, на керосин и т. д. *Во всех странах, как в Германии, хозяйство в результате войны выстраивается в два этажа. Верхний, привилегированный этаж, обнимающий все отрасли промышленности, работающие на войну или связанные с последней, процветает; нижний этаж, удовлетворяющий интересы мирного населения, все больше хиреет с затягиванием войны и идет ко дну. Гибнет хлопчатобумажная индустрия, замолкают ткацкие станки, каким-то опустошительным ураганом сметаются с морей немецкие торговые пароходы, Русский добровольный флот, австрийские суда; зато повсюду разбухают военные заводы, и металлургическая индустрия отказывается во многих случаях принимать частные заказы.*

Опубликованные нами выше извлечения из докладов комитета „по ограничению снабжения и торговли неприятеля“ дают возможность нарисовать более или менее обстоятельную картину финансового и экономического положения в результате кампании 1914, 1915 и 1916 г.г. Последний из докладов упомянутого комитета датирован 30 апреля 1917 г.

В европейской литературе до сих пор не появилось более или менее обстоятельной работы о финансовом и экономическом положении Германии в 1917 г. Однако, уже теперь вполне возможно определить, приблизительно, цифру военных расходов Германии по 1 янва-

ря 1918 г., хотя по немецким официальным источникам крайне трудно установить точно размер расходовавшихся Германией на войну средств. Все же достаточные данные для суждения о величине этих расходов у нас имеются.

Рейхстагом приняты следующие военные кредиты:

4 августа	1914 г.	5	миллиардов	марок.
2 декабря	„	5	„	„
28 февраля	1915 г.	10	„	„
2 августа	„	10	„	„
2 декабря	„	10	„	„
7 июня	1916 г.	12	„	„
	Итого	52	миллиарда	марок.

Итак, за первые два года войны рейхстагом было принято военных кредитов на 52 миллиарда марок.

Средние расходы Германии за первые 8 месяцев войны равнялись 1,3—1,4 миллиарда марок ежемесячно, а за весь период 10—11 миллиардам. Начиная с апреля 1915 г., военные расходы Германии повышаются и держатся в среднем на уровне 2 миллиардов. Приблизительный итог военных расходов Германии за первые два года войны равен 45 миллиардам марок [1]).

Если мы предположим, что за 3-й период войны, от августа 1916 г. по январь 1918 г., Германия расходовала в среднем ежемесячно $2^1/_2$ миллиарда марок, что едва ли будет преувеличением действительных расходов, мы получим для этого периода огромную цифру— 40 миллиардов марок. Итак, по самым скром-

---

[1]) См. секретный доклад комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля, № 367, стр. 6.

ным подсчетам, оказывается, что Германия за $3^1/_2$ года войны израсходовала на военные нужды приблизительно 85 миллиардов марок. Германский министр финансов Гильферих исчислил все национальное богатство Германии в 1913 г. в 300 миллиардов марок; стало-быть, с августа 1914 г. по 1 января 1918 г. Германия истратила в форме лишь „военных расходов“ более 28 проц. всего своего национального достояния, т.-е. *немногим менее $^1/_3$ всей суммы национального имущества страны.*

На ряду с займами важным источником покрытия военных расходов Германии явилось *увеличение бумажно-денежного обращения*, т.-е. тот же магический печатный станок, услугами которого так охотно пользовались все воюющие государства, как самые бедные — Турция, Россия, Болгария, Австрия, так и самые богатые — Франция, Германия и даже Англия. Вот данные об увеличении количества бумажных денег за первые два года войны [1]).

	Банкноты.	Билеты ссудн. касс.	Билеты имперск. кассы.	Всего.
	В миллионах марок.			
23 июля 1914 г. . . .	1.891	—	175	2.066
31 дек. „ „ . . .	5.046	446	236	5.728
31 июля 1915 „ . . .	5.538	725	296	6.559
31 дек. „ „ . . .	6.918	973	327	8.280
31 июля 1916 „ . . .	7.025	1.373	322	8.720

Итак, за первые два года войны бумажно-денежное обращение в Германии увеличилось

[1]) См. цитированный выше секретный доклад от 31 августа 1916 г. за № 367, стр. 34.

в 4 с лишком раза. Правда, одновременно золотой запас рейхсбанка увеличился вдвое, возросши с 1.253.199.000 марок к 31 июля 1914 г. до 2.467.783.000 марок к 31 июля 1916 г., однако же, удвоение золотого фонда рейхсбанка не могло спасти бумажно-денежную систему Германии от ухудшения ее золотого покрытия. В то время, как накануне войны золотое покрытие достигло цифры 72 проц., оно упало к 31 июля 1916 г. до 28,5 проц., т.-е. уменьшилось почти в $2^1/_2$ раза. Это ухудшение золотого обеспечения вместе с неблагоприятным состоянием расчетного баланса в результате сильного сокращения германской внешней торговли повело к обесценению марки, которая за первые два года войны пала на *30 проц. в отношении нейтральных валют.* Если немецкие бумажные деньги и пали меньше, чем русские или австрийские бумажные деньги, все же марка обесценилась сильнее, чем франк или шиллинг.

По мере того, как война затягивалась, бумажно-денежное обращение продолжало неуклонно расти, и к январю 1917 г. общая сумма находящихся в обращении бумажных денег превысила уже 11 миллиардов марок, против 2 миллиардов марок перед войной и 8,7 миллиарда марок к 31 июля 1916 г. Золотое покрытие упало до 22,3 проц.

По полугодиям войны прирост бумажно-денежного обращения составлял:

II пол. 1914 г. (5 мес.)		2.612	милл.	марок.
I „ 1915 „	„	1.102	„	„
II „ 1915 „	„	1.378	„	„

I пол. 1916 г. „ . . . . 677 милл. марок.
II „ 1916 „ „ . . . . . . 2.396[1] „

Итак, в то время, как в 1915 г. было выпущено бумажных денег на сумму 2.480 милл. марок, в 1916 г. было выпущено их уже на сумму 3.073 милл. марок.

Я указал выше, что за $3^1/_2$ года войны Германия истратила, в форме лишь „военных расходов", около 85 миллиардов марок. Сумма ежегодных процентов по этому долгу составит 4,25 миллиарда марок и вместе с 1 проц. на погашение более 5 миллиардов марок (5,1 миллиарда). Расходы Германской империи на уплату процентов и на погашение долгов, вызванных войной, выражаются следующими цифрами:

1914/1915	240	милл. марок
1915/1916	1.286	„ „
1916/1917	2.303	„ „
1917/1918	5.100	„ „

За три бюджетных года расходы по уплате процентов и на погашение долгов *увеличились более, чем в двадцать раз.* Следовательно, вопрос о неизбежности государственного банкротства ставился логикой событий с такой же остротой в Германии, как и в других странах. Уже в июле 1916 г. В. Майский в статье „Война и германские финансы", опубликованной в 7 кн. журнала „Русские Записки" за 1916 г., писал следующее о способах ликвидации государственного долга Германии.

[1]) См. секретн. доклад министру торговли и промышленности от 23 янв. 1917 года, за № 58, комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля, дополнение к докладу от 31 августа 1916 г. о финансовом положении Германии и Австро-Венгрии.

„В сущности, наилучшим выходом, с точки зрения интересов трудящейся демократии, было бы *об'явление государственного банкротства.* И, пожалуй, не исключена возможность, что Германия, в конце-концов, вынуждена будет, хотя бы частично, прибегнуть к этой мере в форме какой-либо замысловатой „конверсии“ своих военных займов: слишком уже непомерно громадны суммы, потребные для точного выполнения взятых на себя империей долговых обязательств“.

И в Германии, подобно тому, как мы видели это по отношению к Австрии, война вызвала страшный продовольственный кризис. Как писал в „Известиях“ Тибор Самуэли, бывший редактор венгерской социалистической газеты „Слово Народа“:

„Продовольственная разруха, являясь грозным следствием мировой бойни, дает себя чувствовать во всех странах. Но борьба с продовольственными затруднениями нигде не принимала столь отчаянной формы, как в Германии. Все усилия германских продовольственных организаций разбивались о непреодолимое препятствие в виде недостатка предметов первой необходимости. Поэтому результаты энергичной деятельности продовольственных органов в Германии донельзя скудны и ничтожны“.

Никакие внешние „успехи“ германского империализма не могли помочь в этом безвыходном положении и не сулили ничего в этом отношении и в ближайшем будущем. Продовольственный кризис в Германии развивался без малейших признаков какого-либо ослабления.

Надежды на ограбление Украины не оправдались. По крайней мере, даже официальные круги Германии оказались вынужденными подтвердить несбыточность мечтаний об украинском хлебе, отметая этим самым всякую надежду накормить в ближайшем будущем изголодавшееся население.

По сообщению „Vorwärts'a“, тайный советник фон Эйнер в своей лекции в Берлине, 11 марта 1918 г., так характеризовал всю безнадежность продовольственного положения:

„Во всех продовольственных организациях прилагали все усилия к повышению продовольственных норм, но безрезультатно и, повидимому, полицейски-результатно. Надеялись на привоз украинского хлеба. Но он на местах поступает с чрезвычайными затруднениями, так что впредь до июля месяца не следует на этот счет питать каких-либо надежд.

„Кроме того, надо считаться с тяжелыми условиями крайне расстроенного транспорта в Украине. Поэтому в текущем хозяйственном году нельзя надеяться на какое либо существенное облегчение нашего продовольственного положения. В дальнейшем следует бережливо экономить продовольственные средства. Само имперское правительство прекрасно знает, что население Берлина и его пригородов в чрезвычайно катастрофическом положении в смысле продовольствия. Оно уделяет этому вопросу самое серьезное внимание и старается смягчить положение, хотя бы путем случайных и спорадических прибавок в продуктах первой необходимости, поскольку это представляется возможным“.

Германское имперское статистическое бюро издало под редакцией доктора фон-Тиска материалы, рисующие картину продовольственного положения Германии с апреля 1916 года до апреля 1917 года, под названием „Опыты к изучению стоимости жизни на третьем году войны“.

Эти статистические материалы раскрыли, насколько бедственно было в продовольственном отношении положение германского пролетариата в последние годы войны.

Общие расходы на питание, на жилище, на обувь, платье и т. д. в семьях, заработок коих колеблется от 100 до 200 марок, следующие: в крупных городах 80,40, в средних — 76,88, в малых—62,95 в марках на душу.

Из этих сумм только на пропитание одного члена семейства в месяц тратится: в больших городах 34 60 мар., в средних — 38,89 мар., в малых—40,22 мар.

Стало-быть, из общего заработка каждой семьи тратится на пропитание одного человека: в крупных городах 50,03%, в средних—50,58%, в малых—54,98%.

Следовательно, в средних и малых городах с понижением заработка расход на пропитание, наоборот, значительно повышается. Но зато в крупных городах для рабочего класса труднее получать продовольственные продукты, чем в небольших городах.

В Германии, за исключением некоторых сортов овощей и фруктов, все продовольственные продукты выдаются по карточкам. Продовольственные продукты свободно купить представляется возможным лишь в очень не-

значительном размере. Это прекрасно характеризуют нижеследующие данные:

Заработок ниже 100 марок.	Норм. прод. 23.968 грамм.	Свобод. прод. 1.927 грамм.
100—200 м.	24.896 гр.	4.012 гр.
200—300 „	25.486 „	4.467 „
300—400 „	24.404 „	5.266 „
400—500 „	24.146 „	5.792 „
500—600 „	24.468 „	9.952 „

Эти цифры показывают, что рабочий с заработком ниже 100 марок в течение всего месяца получает продовольствия только 25.000 граммов, то-есть на один день приходится не более 800 граммов, или 2 фунта продуктов. В тесные рамки этих 2 фунтов входит все: и хлеб, и мясо, и масло, и молоко и т. д. Однако, семья с заработком от 500 до 600 марок в свободной торговле может достать гораздо больше продовольствия, чем семья с низким заработком, но все же продовольственная порция лиц этого класса во всяком случае не превышает $2^1/_2$ фунтов в день.

В промежутке между апрелем 1916 г. и апрелем прошлого года месячный хлебный паек повысился с 8.304 граммов до 8.407 граммов, следовательно, во всей Германии в это время давали по 260 граммов в день на душу. Но за 1917—18 г.г. этот паек уже понизился до 210 граммов на душу.

Самый важный продовольственный продукт в Германии — картофель. Выдача его упала с 16,7 килограмма до 10,9 килограмма (27 фунтов) на душу в месяц.

Падение выдачи остальных продуктов можно проследить по нижеследующим данным.

	Месячный пай.		
	Апрель 1916 г.	Апрель 1917 г.	Паден. в %
Сахар (своб., ненормиров. прод.)	406 гр.	199 гр.	51%
Масло, жир.	862 „	539 „	37%
Мясо консерв.	377 „	42 „	90%
Картофель	16,79 „	10,93 „	30%
Рыба	857 „	404 „	56%
Яйца	12 шт.	7 шт.	43%

Мясной и колбасный паек, напротив, повысился с 1524 граммов до 1914 гр. в неделю.

С апреля 1917 года это продовольственное положение Германии никоим образом, конечно, не улучшалось, но очень заметно ухудшалось, как и следовало ожидать.

После этих данных неудивительно, что, даже по словам буржуазной „Berliner Tageblatt“, *время до войны еще долго будет рассматриваться немцами, как потерянный рай,* так как Германия жила до 1914 года в исключительно благоприятных условиях, вернуть которые вряд ли возможно в близком будущем.

Но четырехлетняя война расстроила в корень не одно только продовольствие, но и весь хозяйственный аппарат как Германии, так и других воюющих стран. Война не только пожрала запасы всевозможных предметов потребления, она коснулась всюду и самого производства, которое вследствие изнашиваемости машин начинает все более расстраиваться. Мы хорошо знаем, как далеко это изнашивание зашло в России. Но тот же процесс разрушения коснулся и неистощимой, казалось, Германии.

В № 4 „Французского Бюллетеня“ приводятся сведения, взятые из доклада швейцарского инженера, работающего на одном из заводов в Магдебурге. По его словам, в Германии:

„Недостаток жировых веществ является причиною быстрого изнашивания и неправильного действия машин, полезная работа которых не превышает теперь 30%, тогда как в мирное время она достигала 80%.

„Произвести все необходимые исправления невозможно. Поставляемая сталь очень низкого качества. Многих сплавов не хватает.

„Технический инвентарь промышленности портится, и со дня на день увеличивающиеся опасности грозят германской индустрии.

„Так как меди не хватает, то приходится употреблять для некоторых паровозных частей другие, менее подходящие металлы—и тогда эти части очень быстро портятся. Недостаток жировых веществ опять-таки имеет последствием уменьшение производительности инвентаря. Самый персонал, прогрессивно истощаемый мобилизацией и лишающийся, таким образом, самых ценных своих элементов, тоже не в состоянии достаточно обеспечить обслуживание железных дорог. Локомотив, в былые времена провозивший по 40 вагонов, теперь не может обслуживать более десяти вагонов“.

Лишнее доказательство дурного состояния германских железных дорог дают сроки, необходимые на перевозку войск. Тогда как в первое время войны для перевозки германских войск с восточного фронта на западный

было достаточно 2—3 дней,—в начале зимы 1917 г. эта операция заняла 10—12 дней.

Число паровозов, находящихся в ремонте, возросло против довоенного на 60%. В октябре 1917 г. вагонов в ремонте считалось 42.000, а в октябре 1916 г.—26.700.

Так постепенно разрушалась могучая и цветущая промышленность Германии. А война все продолжалась и требовала все новых и новых жертв с ее стороны.

„Фоссова Газета" с горечью признавалась, что врагам известны эти затруднения Германии, и все они, главным образом, Англия и Америка, лишают Германию как предметов первой необходимости, так и продовольствия.

В то же время печать мрачно обсуждала будущие экономические перспективы Германии. Та же „Фоссова Газета" писала, что „несмотря на блестящие победы, возобновление экономической жизни Германии после войны возможно только при содействии иностранного капитала теперешних врагов" [1].

[1] По данным института Карнеджи, Германия за весь период мировой войны истратила на прямые военные расходы 40 миллиардов долл. и потеряла убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести 6 000 000 человек. В результате мировой войны Германия потеряла весь свой торговый и военный флот, лишилась всех своих колоний; у нее были отняты Эльзас-Лотарингия, Саарский бассейн, Верхняя Силезия, Познань,—в общем, территория, площадью в 75.000 кв. километров. с населением в $7^1/_2$ миллионов душ. Германия лишилась по мирному договору 35% добычи своего угля и около $65^1/_2$% добычи железной руды, что нанесло страшный удар экономическому развитию страны. Кроме того, по Версальскому договору на Германию была возложена колоссальная военная контрибуция в 226 миллиардов золотых марок, которую Германия обязана выплатить в продолжение 42 лет и которую она, конечно, никогда не будет в состоянии выплатить.

XI

Италия

Италия вступила в войну 1 июня 1915 года, т.-е. через десять месяцев после начала мировой войны. Буржуазная пресса Англии, Франции, России и многие органы социалистической печати придали громадное значение факту вмешательства Италии в мировую бойню, полагая, что появление нового союзника окончательно перетянет баланс сил в пользу держав Согласия и повлечет за собой быстрый разгром австро-германской коалиции; серьезнейшие буржуазные газеты: „английское—„Times“, французское—„Temps“, русские, —„Речь“, „Русское Слово“ и т. д., печатали весьма убедительные статьи выдающихся военных специалистов, доказывавших, каким страшным ударом для Германии и Австрии явится выступление на поле сражения миллионной итальянской армии, которая ворвется в Австрию и через Лайбах и т. д. двинется на Вену, идя тем же путем, каким шел на эту столицу Наполеон I.

Сотни газетных и журнальных статей посвящались вопросу о влиянии, какое будет иметь на молниеносный исход кампании в пользу союзников соединение под стенами Вены итальянской, русской и сербской армий, которые двинутся затем к границам Германии и сокрушат эту страну с помощью англо-французских войск и многочисленных русских корпусов, которые снова начнут от русской границы движение на Берлин, неудавшееся в 1914 году. С точки зрения многих „специали-

стов“ в России, Англии, Франции, Италии, судьба Германии и Австрии была уже предопределена неотразимым роком, и этим странам предстояло быть разделенными на части и превратиться в державы третьего порядка, которым могли бы диктовать свою волю не только Россия или Франция, но даже слабая недавно Сербия и тем более Италия. Мы знаем уже, как горькая действительность разбила все эти розовые надежды. Военная мощь итальянской армии оказалась весьма незначительной, и в этом отношении крайне ничтожные результаты итальянского вмешательства поразили даже самых крайних пессимистов, ожидавших мало пользы для союзников от итальянской интервенции.

Одной из главных причин ничтожного влияния итальянской армии на ход военных событий была политика союзного и, прежде всего, английского капитала по отношению к новому соратнику на поле страшной войны с грозной коалицией центральных держав. Чтобы вести успешно войну с Австрией, Италии необходимо было мобилизовать свою индустрию и затрачивать в год несравненно больше железа и угля, чем в мирное время. До войны Италия в среднем покупала в Англии 10.000.000 тонн угля среднего качества по 30 фр. за тонну, что составляло 300.000.000 фр. в год. В первый же год войны цена тонны угля из Англии поднялась до 200 фр., и, таким образом, нищей Италии в момент напряжения всех сил для борьбы с могучим врагом приходилось платить за один уголь английским пароходным угольным трестам

более 2 миллиардов фр., т.-е. в семь раз дороже, чем в мирное время. Понятно, что в результате такого экстраординарного вздорожания цены угля итальянские железные дороги, итальянская электрическая промышленность и особенно итальянские металлургические заводы и все военные фабрики очутились в критическом положении, и это, понятно, не могло не отразиться на ходе военных событий. Где тут было думать о мобилизации миллионной армии для вторжения в Австрию и похода на Вену, о чем с таким пафосом писали французские, английские и русские газетные стратеги, когда с трудом удавалось снабжать всеми необходимыми боевыми припасами и 400-тысячную армию, и когда сотни итальянских фабрик закрыли свои ворота и выбросили на улицу сотни тысяч рабочих в виду крайней дороговизны, а порой и совершенного отсутствия угля, который английские предприниматели удерживали у себя в расчете на еще большее повышение цен. Расстройство железнодорожного транспорта, остановка сотен фабрик, общая экономическая разруха, вызванная на Аппенинском полуострове необычайной дороговизной, а то и полным отсутствием топлива, повела за собой в Италии приблизительно к тем же последствиям в области социальных настроений народных масс, какие мы наблюдали в России и в отсталых провинциях Австрии. Социал-экономические требования, пред'являемые современной войной, оказались совершенно невыполнимыми для отсталой Италии, и народные массы очутились здесь с момента

об‘явления войны в крайне бедственном положении, на почве которого могли лишь с каждым днем все более и более обостряться недовольство войной и революционное настроение в форме резкого озлобления против господствующих классов, вовлекших страну в мировую бойню. Неудивительно, что в результате тяжелого экономического кризиса, безработицы и голода огромное большинство рабочего класса Италии, в отличие от пролетариата Англии, Франции и Германии примкнуло к циммервальдизму, и правительству Аппенинского полуострова лишь с трудом удавалось поддерживать в стране тот минимум национальной сплоченности, который необходим для продолжения войны.

Разрыв мирных сношений с Германией и об‘явление войны центральным державам привели народное хозяйство Италии к катастрофическому положению. В момент запрещения итальянским правительством всякой торговли с Германией, немецкие углепромышленники брали за доставку тонны угля в Ломбардию 24 франка. Между тем, как только это запрещение вошло в силу, англичане за доставку угля в Геную стали брать 200 фр., т.-е. в 8 раз дороже. Такое беззастенчивое использование английскими предпринимателями вступления Италии в союз с Великобританией для небывалой эксплоатации нового союзника не могло не содействовать усилению „германофильских“ тенденций в некоторых кругах Италии. Только в июле 1916 г. после долгих и трудных дипломатических переговоров— английское Foreign Office опубликовало декла-

рацию, в которой обещало разрешить вопрос об угле в самом благоприятном смысле для Италии *и брало на себя* доставку угля на Аппенинский полуостров в количестве, необходимом для удовлетворения самых неотложных военных и индустриальных нужд союзной страны. Однако, понадобилось целых два года от начала войны, чтобы английское правительство решилось на столь „революционную“ меру, своевременное принятие которой могло бы значительно увеличить военные силы Италии, а стало-быть, и союзников, и этим облегчить достижение общей победы Согласия над центральными державами. Обладая громадными резервами „пушечного мяса“, Италия благодаря отсталости ее индустрии с трудом могла мобилизовать лишь незначительную часть способного носить оружие населения. „Мобилизация промышленности“, давшая такие результаты в некоторых других странах, как, например, во Франции и Германии, не могла оказать соответствующего влияния в Италии именно благодаря необычайно высокому фрахту на сырые продукты, в которых так нуждалась в этот момент итальянская индустрия, изготовлявшая ружья, пушки, снаряды для действующей армии. И в то время, как каждый австрийский корпус к концу 2-го года войны располагал 216 орудиями, в том числе 100 орудиями среднего колибра и, кроме того, многочисленными батареями тяжелых орудий в 305, 381 и 420, итальянские корпуса в этот же период располагали, как и до войны, всего 96 легкими орудиями. Удивительно ли, что итальянским

войскам даже при численном перевесе было трудно бороться с австрийской армией. И ответственность за слабые результаты итальянской военной и промышленной мобилизации падает в значительной мере на английский угольно-пароходный трест, который в целях повышения своих дивидендов установил с момента прекращения германо-итальянской торговли угольную блокаду Италии и как бы стремился в своих удавных об‘ятиях или задушить союзную державу, или заставить последнюю согласиться на принятие фрахта, который превышал бы даже небывало высокую сумму 200 фр. за доставку тонны угля к итальянским портам. Когда, наконец, под влиянием кампании итальянской прессы и посредничества французского правительства, блокада Аппенинского полуострова, введенная английским пароходным трестом по отношению к Италии с момента вступления этой страны в союз с Великобританией и об‘явления войны центральным державам, была значительно ослаблена, промышленность этой отсталой страны была настолько уже потрясена и весь ее слабый экономический организм так расшатан, что даже такая энергичная мера, как решение английского правительства взять на себя доставку угля на Аппенинский полуостров в количестве, необходимом для удовлетворения самых неотложных военных и индустриальных нужд союзной страны, не могла спасти положения и избавить Италию от надвигающейся разрухи и полного паралича многих важнейших органов хозяйственной жизни страны.

Как только вспыхнула мировая война, Италия начала энергично готовиться к вмешательству в европейский конфликт и стала затрачивать громадные суммы на приведение в боевую готовность своей армии и флота. По некоторым данным, итальянское правительство израсходовало с августа 1914 г.—начала европейской войны—по май 1915 г.—момент вмешательства самой Италии—около четырех миллиардов лир на подготовку к войне. В течение первого года своего активного вступления в войну Италия израсходовала на военные нужды около 8 миллиардов лир. Таким образом, с июля 1914 г. по июль 1916 г. Италия израсходовала на войну приблизительно 12 миллиардов лир,—сумму, в 12 раз превышающую расходы Италии на войну ее с Турцией в 1911—1912 г. г., когда общий расход королевства на триполитанскую авантюру достиг 1 миллиарда лир.

Война увеличила в громадных размерах государственный долг Италии. В 1913 г. задолженность Италии по долгосрочным займам определялась в 14.285 миллионов лир. Через два года после начала мировой войны, именно к 1 авг. 1916 г., сумма более или менее долгосрочных займов Итальянского королевства достигала уже 19.790 милл. лир, увеличившись, таким образом, за 3 года на $5^1/_2$ миллиардов лир.

Текущий государственный долг, равнявшийся 1 миллиарду лир к началу мировой войны, достиг к 30 июня 1916 г. громадной для Италии цифры—6.426 миллионов лир. Общий приход задолженности за первые два года

европейской войны равнялся для Италии: $6^1/_2$ миллиардам лир текущего долга и $5^1/_2$ миллиардам лир долгосрочных займов, а всего приблизительно 12 миллиардам лир.

На ряду с займами и для Италии, как и для всех других воюющих государств, важнейшим источником покрытия военных расходов явилось увеличение бумажно-денежного обращения. Перед войной золотое покрытие бумажных денег в Италии равнялось 67% всей их суммы. К концу 1915 г. процент золотого покрытия итальянских бумажных денег равнялся всего 36%, т.-е. понизился почти вдвое. Курс итальянских бумажных денег быстро падал на европейской бирже и в некоторые моменты 1916 г. равнялся всего 25% их номинальной стоимости.

Вот данные об увеличении бумажного обращения в Италии за первые два года войны.

Банкноты эмиссионных банков.

	Выпущ. для нужд торговли.	Для нужд государства.	Билеты гос. казначейства.	Итого.
31 июля 1914 г.	2.265,1	—	499,1	2.764,2
31 дек. „ „	2.201	734,9	657,2	3.593,1
31 мая 1915 г.	2 476,2	1.296,2	697,5	4 469,9
31 дек. „ „	1.898,6	2 069,5	1.082,1	5 050,2
31 февр. 1916 г.	1.668,6	2.167,4	1.096,5	4.932,5

Итак, Италия, подобно Австрии и России, весьма энергично пользовалась услугами печатного станка для покрытия своих военных расходов. Свинцовая тяжесть миллиардов, издержанных на войну, легла непосильным бременем на плечи итальянского народа, и без того истомленного триполитанской аван-

тюрой и всей империалистической политикой последних лет накануне войны,—и довела производительные силы этой страны, сравнительно бедной естественными дарами природы, лишенной топлива и руд, до катастрофического положения. Война отозвалась особенно тягостно на экономическом положении Италии благодаря тому обстоятельству, что в этой стране с слабо развитой фабрично-заводской промышленностью и землей, недостаточной для прокормления ее населения, важными источниками для пропитания последнего являлась, во-первых, так называемая „отельная индустрия", основанная на эксплоатации сотен тысяч туристов, приезжавших ежегодно в Италию и оставлявших здесь десятки миллионов лир; во-вторых, отхожий промысел итальянцев за заграничными заработками в Австрии, Франции, Южной Америке и особенно в Германии, крайне нуждавшейся, в виду лихорадочного роста ее промышленности, в импорте рабочей силы из чужих стран. Враждебные отношения с Германией и Австрией отняли заработки у сотен тысяч итальянских семейств, члены которых находили себе высокий по итальянским нормам заработок в германских промышленных предприятиях, главным образом, в угольных копях, на постройках каналов и в др. землекопных работах. С другой стороны, подводная война, во-первых, сделала невозможной эмиграцию итальянцев в заморские страны, достигшую накануне войны громадной цифры (в 1913 г. из Италии эмигрировало на континент и в Америку до 1 миллиона человек); во-вторых, совершенно

оборвала приток иностранцев в Италию и нанесла сильный удар итальянской „отельной индустрии“, дававшей заработок сотням тысяч семейств.

Я указал, что уже за первые два года мировой войны Италия затратила на военные нужды около 12 миллиардов лир. Все национальное богатство Италии определяется в 80 миллиардов лир. Таким образом, к июлю 1916 г. Италия потеряла, благодаря войне, около 15% всего своего национального богатства. Военные расходы Италии, как и всех воюющих государств, увеличивались с каждым годом. Если за первый год активного вмешательства в войну, именно за 1915—1916 г., Италия израсходовала 8 миллиардов лир, те же расходы за 1916—1917 г. могут быть определены без преувеличения в 12 миллиардов лир, а за 1917—1918 г. в 18 миллиардов. Таким образом, военные расходы Италии, к июлю 1918 г., определялись приблизительно в следующем виде:

Август 1914 – май 1915	4.000	миллионов	лир
Июнь 1915—июнь 1916	8.000	"	"
" 1916— " 1917	12.000	"	"
" 1917— " 1918	18.000	"	"
	42.000		

Следовательно, 4 года мировой войны поглотили более половины всего национального богатства Италии и окончательно разорили эту и без того нищую страну, государственный бюджет которой накануне войны равнялся 2,9 миллиарда лир. Военные расходы за 1914—1918 г.г. превысили народный доход за 15 лет.

Прямые военные расходы Италии за весь период мировой войны исчисляются в $12^1/_2$ миллиардов долларов. Военная задолженность Италии—$1^1/_2$ миллиарда долларов С. Штатам, $2^1/_2$ миллиарда—Великобритании. Италия потеряла убитыми и тяжело ранеными—1 миллион человек, легко ранеными—450.000, пропавшими без вести и пленными—1.360.000 человек. Убытки, понесенные итальянцами в результате вторжения австрийских войск в северные области и неизбежно связанных с неприятельским нашествием разрушений и актов вандализма, исчисляются, приблизительно, в 3 миллиарда долларов (по итальянским данным).

XII

Союзники держав Согласия
Нейтральные страны
Роль золота в период мировой войны

Расходы на войну таких государств, как Сербия, Бельгия, Черногория, Румыния, не поддаются учету. Все эти государства подверглись полному захвату неприятельскими войсками, и самостоятельное их существование фактически было прервано. Поскольку эти государства после захвата всей или большей части их территории австро-германцами продолжали войну, последняя велась на средства Англии, Франции и С. Штатов. Все эти маленькие страны на всем протяжении своей территории, за исключением небольших уголков в Бельгии и Румынии, узнали все ужасы неприятельского нашествия и вышли из войны ограбленными до последней ниточки. По-

бедители вывезли из этих стран все более или менее ценные машины, вплоть до швейных, паровозы, вагоны, запасы хлопка и всякого рода тканей. Особенно пострадали в результате войны Бельгия и Сербия, и в настоящее время нет возможности даже приблизительно определить, сколько пройдет при самых благоприятных условиях десятилетий и какие потребуются жертвы, прежде чем эти страны сумеют восстановить свое прежнее экономическое положение.

Колоссальные суммы на войну израсходовали С. Штаты. В марте 1918 г. комиссия палаты представителей по морским делам представила доклад, одобряющий законопроект о морских кредитах, разрешающий расходы приблизительно в 1.327.600.000 долларов на финансовый год, начинающийся 1 июля 1918 г. Эта мера предусматривала увеличение настоящего численного состава флота в 87.000 человек до 180.000 человек. Эти кредиты превышали на 800 миллионов долларов все предыдущие морские бюджеты в истории Америки.

Говоря об этой мере, председатель комиссии по морским делам Пэджетт сказал: „Сумма, предлагаемая этим законопроектом прошлого года и дополнительными кредитами двух законопроектов, принятых в прошлой сессии, составляет общую сумму почти в 3 миллиарда долларов, ассигнованную менее, чем в течение года, на нужды американского флота, между тем, как *все расходы на американский флот, начиная от 1794 по 1916 год включительно, превосходят эту сумму только на 360 миллионов долларов.*

О колоссальных размерах военных расходов Америки можно судить и по смете, представленной членом военной комиссии вашингтонской палаты Беккером, на одни артиллерийские материалы и припасы на 1918 г., смете в 1 миллиард 500 миллионов долларов. В общем же на тяжелую артиллерию испрошено было кредитов в 1918 г. на сумму в 5 миллиардов долларов.

Правительство С. Штатов решило, воспользовавшись войной, создать боевой флот, который по своей силе не уступал бы флотам сильнейших морских держав. Приводим здесь главные черты американской программы, которую было предположено закончить к началу 1921 г. Американцы в этот период обсуждали вопрос о том, должен ли их новый флот, главным образом, состоять из больших линейных кораблей, или, на основании опыта настоящей великой войны, содержать в себе преимущественно подводные лодки. В своем окончательном решении они все-таки остановились на мнении адмирала Dewey, который настоятельно требовал, чтобы главной основой будущего флота были непременно большие дредноуты. В виду этого сенат составил и утвердил к постройке нижеследующую программу:

27 дредноутов.
25 линейных кораблей.
6 бронированных линейных крейсеров.
9 бронированных крейсеров.
13 разведочных крейсеров.
5 крейсеров I класса.
3 крейсера II класса.
10 крейссеров III класса.

108 истребителей.
12 больших подводных лодок.
130 подводных лодок прибрежного плавания.
6 мониторов.
18 канонерских лодок.
4 пловучие мастерские.
15 судов для хранения топлива.
5 транспортов.
6 маток для миноносцев.
8 специальных судов и 2 судна для воевых запасов.

Правительство С. Штатов тратило чудовищные суммы не только на свои флоты и армии, но и на финансовую поддержку союзников.

Согласно вычислениям департамента казначейства, общий итог предоставленных правительством С. Штатов союзным странам кредитов по 11 апреля 1918 г. включительно равен 5.285.000.000 долларов. Кредиты эти распределяются следующим образом: Бельгия—101.600.000 долларов, Куба—15.000.000 долларов, Франция — 1.565.000.000 долларов, Великобритания—2.720.000.000 долларов, Италия—550.000.000 долларов, Россия—325.000.000 долларов и Сербия—6.000.000 долларов.

Займы, устроенные правительством С. Штатов для упомянутых союзных стран, таковы: Бельгия—88.400.000 долларов, Куба—5 000.000 долларов, Франция—1.480.000.000 долларов, Великобритания—2.580 000.000 долларов, Италия—490.000.000 долларов, Россия—189 000.000 долларов и Сербия—4.200.000 долларов.

Все эти колоссальные суммы составляли лишь ничтожную часть расходов С. Штатов в пользу союзников. Благодаря войне роль

мирового банкира от Франции и Англии целиком перешла к Америке.

Война с германскими „варварами" за высокие идеалы цивилизации и т. д. самым неожиданным образом отразилась в С. Штатах на так называемом „черном вопросе". Как писал корреспондент „Новой Жизни", в связи с комплектованием и организацией милиционной армии, которую президент Вильсон переправлял через океан для борьбы с Германией, в С. Штатах снова, после ряда лет относительного затишья, обострился, так называемый „черный вопрос", т.-е. вопрос о положении негров.

Десятки тысяч молодых негров были призваны и призываются в военные лагери, где происходило обучение и подготовка войск. Но неграм на каждом шагу приходилось сталкиваться с такими явлениями, которые они считали немыслимыми „под знаменем борьбы за право и справедливость". Прежде всего, у американского военного министерства возник вопрос о том, смешать ли воинов-негров с воинами-белыми или составлять из первых особые войсковые части. Вопрос этот находился еще в стадии разрешения, как возник второй: что делать с теми неграми, которые имеют право на производство в офицерский чин. Американская пресса в один голос заявила, что ни один белый американский солдат не подчинится негру-офицеру и вообще не согласится признавать его своим начальником.

В результате военное министерство принуждено было остановиться на создании от-

дельных войсковых частей из негров, где бы и командный состав мог комплектоваться из чернокожих. Но опять-таки офицерские школы отказались принимать в свою среду негров, и военное министерство стало пред необходимостью открыть особые офицерские школы для лиц негритянского происхождения.

Военные приготовления С. Штатов к „войне до конца“ не ограничивались усилиями создать громадную сухопутную армию и сильный морской военный и торговый флоты для борьбы с Германией. С. Штаты задались целью побить рекорд и в области военного воздухоплавания и создать самый могущественный флот военных аэропланов, который целыми тучами мог бы появляться над мирными городами и полями сражений.

Военное министерство подготовляло экипаж этого будущего флота с таким расчетом, чтобы не было остановки за опытными летчиками и механиками, когда страна будет иметь в своем распоряжении все 20.000 военных аэропланов, которые предполагалось соорудить.

В 1916 г. смета военного министерства на расходы по сооружению воздушного флота равнялась всего на всего 400 тысяч долларов. Но вот Америка вступила в войну, и уже в 1917 году на воздушный флот было израсходовано 4.000.000 долларов; в 1918 же году, конгрессу представлена смета, в 258 раз превышавшая последнюю ассигновку. Таким образом, на бюджетный год, закончившийся в июне 1919 г., на воздушный флот была ассигнована невероятная цифра—1.032.000.000 долларов.

Соединенные Штаты поставили перед собой задачу, выполнение которой потребовало титанических усилий. Страна, которая была родиной аэроплана, не имела воздушного флота в момент, когда вспыхнула война. Техническое развитие военных аэропланов сделало большие шаги вперед в вооруженной с головы до ног Европе, но Соединенные Штаты до тех пор совершенно не интересовались вопросом о приспособлении аэроплана к военным целям. И вот внезапно, с началом войны, возникло решение не только догнать, но и превзойти боевые воздушные флоты Европы.

Соединенные Штаты не ограничились только мечтой о целых флотилиях аэропланов, они также и действовали в соответствующем духе и расходовали на это дело такие суммы, что план создания громадной воздушной армии стал реальным фактом.

Само собой разумеется, что все эти гигантские приготовления и достигнутые колоссальные успехи потребовали и фантастических как прямых, так и косвенных расходов. Достаточно сказать, что только на страхование жизни личного состава армии и флота, численность какового состава равнялась в июле 1918 г. 2.570.455 человек, находившихся в рядах армии и флота, было выпущено правительством страховых полисов на сумму 21.565.699.000 долларов, т.-е. более чем на *21½ миллиардов долларов.* На правительственные субсидии предприятиям, работавшим на оборону, было ассигновано в марте 1918 г. 4.000.000.000 долларов. Неудивительно, что при такой поддержке новые „военные“ фаб-

рики и заводы, буквально как грибы, вырастали по всей стране, давая возможность С. Штатам чуть ли не ежедневно отправлять в Ев опу новые и новые сотни орудий, миллионы снарядов, тысячи тонн проволочных заграждений, рельс, сотни вагонов, паровозов и т. д. Ведь только на постройку и ремонт некоторых *французских* железных дорог, находившихся в связи с американскими линиями снабжения, было затрачено С. Штатами за первый год войны около 150 миллионов долларов; было закуплено 1.727 локомотивов, 22.630 товарных вагонов и 359.000 тонн стальных рельс.

Понятно, что фантастические расходы, связанные с войной и обнаружившие, правда, поразительную финансовую мощь С. Штатов и высокий уровень производительных сил этой страны, не могли не отразиться на ухудшении положения народных масс, на колоссальном увеличении налогов, на крайнем вздорожании жизни, на обострении классовых антагонизмов в заатлантической республике, как и во всей Европе[1]).

Мировая война, упавшая как тяжелая гиря на плечи воюющих держав, оказывалась тяжелой и для стран нейтральных.

Затяжная война вызвала во всех нейтральных странах одно и то же явление: *дорого-*

---

[1]) Прямые военные расходы С. Штатов в мировой войне исчисляются в 22 $/_{2}$ миллиарда долларов; на займы союзникам С. Штаты дали $9^{1}/_{2}$ миллиардов. Большая часть этих займов не может быть оплачена. Убитыми С. Штаты потеряли 107.000 человек, ранеными, пленными и пропавшими без вести 200.000 человек.

визну предметов первой необходимости и материальное оскудение. И в Швейцарии, и в Голландии, и в Швеции, и в Норвегии, и в Дании цены на многие предметы питания возросли на 300—500%.

Золотые резервы нейтральных стран возросли за время войны в два, три раза, но положение населения отнюдь не улучшилось, благодаря этому факту, а, наоборот, ухудшилось, ибо в обмен на привезенное золото были вывезены из страны необходимые продукты питания и вообще предметы первой необходимости. Война рассеяла много предразсудков и в том числе тот, будто для войны нужны прежде всего „деньги, деньги и деньги". Если бы война велась золотом, Германия скоро бы была стерта с лица земли в грозной схватке с коалицией самых могучих государств в мире. Нет ничего легче, как добывать во время войны деньги, и потому не в них залог победы. Война ведется ныне не столько меновыми ценностями, золотом, серебром, кредитными билетами, сколько потребительными стоимостями и прежде всего продуктами первой необходимости и сырыми материалами: *углем, железом, сталью* и т. д. И во время мировой войны мы были свидетелями необычайных фактов, когда даже нейтральные государства *отказывались принимать в обмен на свои товары золото* и требовали обмена товаров на товар, как в эпоху натурального хозяйства. Тем менее нужно золото воюющим державам, которые прежде всего гонятся за продуктами первой необходимости, за первичными материалами, углем железом и. т. д.

До войны и в начале войны обаяние золотого кумира было беспредельно. Всем казалось, что реальная экономическая мощь страны и даже ее военная сила, оборонительная и наступательная, зависит в значительной мере от количества золотых запасов, которыми располагает государство. „Золото необходимо в мирное время“, писали все экономисты и финансисты. Когда началась война, все государства как воюющие, так и нейтральные, бросились накоплять в своих центральных банковских учреждениях золотые запасы. Однако, что же произошло в результате увеличения количества золотых запасов? Золотом нельзя ни одеться, ни обуться, ни нагреться, ни утолить своего голода. Неожиданно народы очутились в положении того героя сказки, который желал иметь золота, побольше золота, и который вдруг увидел, что золото не в состоянии заменить ни пищи, ни питья, ни одежды. Швеция нуждалась в угле, в с‘естных припасах, в фабрикатах, а вместо всего этого ей давали золото. Таким образом, цены на все товары в стране начали повышаться с необычайной быстротой, во-первых, потому, что импорт товаров из-за границы сильно уменьшился, во-вторых, потому, что увеличение запасов золота повело к падению денежного курса, и оба эти обстоятельства вызвали ужасающее вздорожание на продукты первой необходимости. То же самое повторилось в Голландии, в Дании, в Испании, в С. Штатах, в Аргентине, в Японии, не говоря уже о самих воюющих странах.

Шведское правительстро первое заметило всю опасность, связанную с приливом золота

в страну, и приняло меры для борьбы с золотым наводнением. В 1913 г. Европа страдала от золотого голода. Несколько банков в Индии, связанных с Европой, обанкротились в ноябре 1913 г. из-за недостатка золота на европейском рынке. 1916 г. показал нам новое, совершенно неожиданное явление: кризис в нейтральных странах на почве золотого урожая Для борьбы с опасными последствиями этого. золотого наводнения Швеция приняла ряд мер. Швеция отменила обязательство государственного банка принимать золотые слитки в неограниченном количестве и обменивать его на золотые монеты или бумажные деньги по нарицательной их стоимости (2.473 кроны за килограмм золота). В феврале 1916 г. шведский банк принимал золотые слитки только с тем условием, что продавец получает шведскими золотыми монетами или бумажными деньгами на несколько процентов меньше, чем золото по его весу. Понадобилось ради этого издание особого закона и соглашение с прочими скандинавскими странами, именно с Данией и Норвегией, ибо в этих трех странах общая монетная система. Итак, золотые слитки в Швеции понизились в своей ценности сравнительно с национальными деньгами, все одно—металическими монетами или бумажными деньгами. За приносимые бумажки банк выплачивал золотом, как в мирное время, а за золотые слитки менее, чем за бумажки, стало-быть, *золотые слитки были об'явлены дешевле бумажек.* Более того, Швеция приняла специальные меры, чтобы вытолкнуть золото из страны. Законом 26 февраля 1916 года

шведский риксдаг обязал иностранных экспортеров, вывозящих товары из Швеции, платить за эти товары или шведскими деньгами, или товарами же. Это было сделано с целью помешать приливу иностранного золота в Швецию и заставить иностранных экспортеров платить за шведские товары товарами же. Такое же пренебрежительное отношение к „золотому кумиру“ проявилось во время войны и в некоторых государствах американского континента. Аргентина тоже испытала бедствия золотого наводнения и, чтобы избавиться от него, установила, что золото принимается только с уступкой в два процента, т.-е. выдается 98 франков бумажками за 100 франков золотом.

Приток золота в С. Штаты вызвал и в этой стране все неизбежно связанные с обесценением денег явления, именно страшное вздорожание жизни. По данным, опубликованным во французской прессе, с начала войны до января 1916 г. в С. Штаты было импортировано золота на сумму 100 миллионов фунтов стерлингов, т.- е. на $2^1/_2$ миллиарда франков (половина французской контрибуции, уплаченной в 1871 г. Германии). Перспектива дальнейшего наплыва золота вызвала серьезные опасения в американской прессе. Целый ряд видных американских писателей и органов печати высказывались в пользу мер, которые помешали бы дальнейшему накоплению золотых запасов в стране. „Неужели мы примем новый миллиард франков золотом в уплату за наши товары?“—с тревогой спрашивал один из сотрудников „Commerce and Finance“. „Если мы примем новый миллиард золотом и

если во всем остальном мире золото потеряет свою ценность орудия обмена, мерила стоимости всех товаров, то чего же будет стоить наше золото?". *„Золотое наводнение потопит нас в нашем собственном благополучии и избытке"*,—прибавляет Wanderlip, виднейший представитель нью-иоркского банка „National City Bank".

Понадобилась грандиозная революция, произведенная мировой войной, в сфере экономических и в частности меновых отношений, чтобы человечество увидело, что золото, этот бог современного общества, бессильно заменить необходимые продукты—хлеб, уголь, железо, сталь. *Великий катаклизм, разбивший много иллюзий и разрушивший много храмов, превратил вчерашнего бога, всемогущего золотого тельца, царившего над миром, в падающий кумир.*

Война, подчеркнувшая второстепенное значение меновых ценностей, наглядно доказавшая, что деньги вообще и золото в частности являются лишь „мертвым грузом" в народном хозяйстве, мертвым грузом, необходимость которого вызывается лишь хаотическим состоянием современного хозяйства, вместе с тем определила и истинный удельный вес банков, этих институтов, стягивающих в свои руки все свободные капиталы, находящиеся у миллионов и миллионов частных лиц. Союзники в начале войны были уверены, что благодаря своим банкам, в которых было накоплено до 19 миллиардов франков золотом, не считая других ценностей,—Англия, Франция, Россия и т. д. имеют самые серьезные шансы быстро

разгромить враждебную коалицию, владевшую значительно меньшим золотым запасом. В банках центральных держав имелось золотой наличности всего на 7—8 миллиардов, и потому казалось математически доказанным, что Германия и Австрия, не говоря уже о Турции, не в состоянии будут выдержать более длительную войну. Действительность показала, что все эти расчеты, как и многие другие, были иллюзией и основывались на непонимании реальной действительности и роли меновых ценностей—и в частности золота—в современном хозяйстве. И у Германии, и у Франции, и у Англии оказалось больше золота, чем им нужно было, во всяком случае, больше, чем нужно странам, с которыми воюющие державы вели торговые дела и товарообмен. У воюющих держав не хватило во время войны: во-первых—сырых материалов, угля, железа, хлопка и т. д., во-вторых—рабочих рук для производства товаров, т.-е. потребительных ценностей, и это поставило воюющие державы в критическое положение. В тот момент, когда оказалось необходимым импортировать из нейтральных стран на миллиарды франков снаряды, пушки, авионы, блиндированные автомобили, ружья, порох, динамит, затем уголь, железо, с'естные припасы и т. д., воюющие державы, за недостатком рабочих рук, занятых или на фронте, или на военных заводах, за отсутствием первичных материалов, не имели возможности давать в обмен на иностранные товары свои собственные потребительные ценности, как то делалось в мирное время. В тот момент, когда было бы, казалось, необходимо для сохране-

ния торгового баланса увеличить в необычайной мере производство потребительных ценностей для обмена на импортируемые товары, именно в этот момент количество продуктов, производимых для дальнейшего производства, уменьшилось в значительной степени. Вот это-то и поставило воюющие страны в критическое положение, а не состояние их золотых запасов и положение их банков, этих „финансовых крепостей" накануне войны. И та страна, которая во время войны могла уделить производству предметов, необходимых для дальнейшего производства, в особенности производству угля и железа, известную часть национальной энергии, оказалась в лучшем положении, несмотря на небольшой запас золота, чем та страна, которая хотя и имела больше золота, но не имела угля или железа. И вот почему Германия очутилась в несравненно более выгодном положении по отношению к скандинавским странам и Швейцарии, чем Франция. И Швеция, и Швейцария, и некоторые другие нейтральные страны могли обойтись без французского золота, но они не могли просуществовать даже несколько месяцев без германского угля и железа. Война доказала, что могучее военное и промышленное здание Германской империи покоилось, как языческий храм, разрушенный руками библейского Самсона, на двух колоннах, на двух гранитных столбах. Одной колонной являлись неисчерпаемые копи Германии, другой—ее железные рудники. Тяжелая, т.-е. угольножелезная индустрия Германии,—вот основа ее поразительной военной и экономической мощи. Наоборот

такие страны, как Италия, у которых тяжелая индустрия существовала лишь в зачаточном развитии, обнаружили в мировой войне крайнюю слабость, несмотря на всю многочисленность населения. Сотни итальянских фабрик закрыли свои ворота за отсутствием угля и железа, сотни тысяч и миллионы здоровых мужчин не были призваны под оружие за отсутствием тех же первичных материалов, без которых невозможно было изготовлять ни пушек, ни снарядов.

Война развенчала золото, меновые ценности, а вместе с тем и банки, и ясно доказала гегемонию тяжелой индустрии в современном хозяйстве.

Если бы банки, вообще международный финансовый контроль, обладали тем могуществом, которое приписывалось им,— возможно, что войны не было бы вовсе. Если даже балканские войны потрясли самые могучие финансовые предприятия, нетрудно было предсказать, как отразилась бы мировая война на банках, их доходности и устойчивости. Международный финансовый капитал, поскольку он не связан с металлургией, обнаруживает скорее пацифистские тенденции, чем воинственные. И это прекрасно понимают английские и французские шовинисты. Так, обвиняя бывшего министра-президента Кайо в переговорах о мире и в каких-то интригах в этом направлении в Италии, „Times“ и другие английские и французские газеты и некоторые русские, как, например, „Русская Воля“, пропагандировавшие идею войны до конца, об‘ясняли мотивы пацифистского поведения Кайо тем,

что он является-де представителем *международного финансового капитала,— „финансового интернационала“*. На это обвинение Кайо ответил подробным письмом (16 янв. 1916 г.), в котором заявил, что он не знает, существует ли и во время войны финансовый интернационал, но что, во всяком случае, он не является агентом этого интернационала.

Реакционная пресса очень неосторожно проговорилась о существовании капиталистических интернациональных синдикатов во время войны. Ибо такие синдикаты действительно существовали, и среди них самую важную роль играл металлургический интернационал, вызвавший войну и продолжавший ее в интересах железо-делательных и стале-литейных заводов, наживавших миллиарды на Монбланах человеческих трупов и на Гималаях снарядов и пушек. Ряд фактов свидетельствует о существовании металлургического интернационала и во время войны. Известно, что с первых дней войны немцы захватили французский железный бассейн Брией, где до войны интернациональный и, главным образом, франко-германский металлургический синдикат создал ряд чугуно-плавильных и стале-литейных заводов. Захватив в свои руки бассейн Брией, немцы стали эксплоатировать все эти заводы и изготовлять с их помощью миллионы снарядов, которыми они убивали русских, французских, английских и т. д. солдат. Казалось бы, что французы должны были с первого дня войны бомбардировать рудники в Брией, чтобы отнять у немцев возможность эксплоатировать этот бассейн для действий против

французских и союзных армий. Но что же оказалось?—Когда французский публицист Густав Тери заговорил об этом вопросе, его вызвали—как он об этом рассказал в своей газете—в военное министерство и запретили касаться вопроса о бассейне Брией. Должно было пройти более $2^1/_2$ лет с начала войны, прежде чем французские авионы появились впервые над бассейном Брией и подвергли бомбардировке рудники, в которые французские металлургические короли Шнейдер (Крезо) и Вендель и немецкие Крупп и Тиссен совместно вложили свои капиталы. Однако понадобилась самая серьезная кампания со стороны прессы, чтобы, наконец, военное министерство, во главе которого стал новый министр, бывший генерал-губернатор Марокко—Ляотей, решило начать военные действия против бассейна, в котором был так заинтересован металлургический интернационал.

XIII

Мировая война и мировой голод

Когда началась мировая война—многие экономисты предсказывали, что уже через несколько месяцев она должна будет прекратиться сама собой в результате народнохозяйственной разрухи. Предсказание это не оправдалось—народное хозяйство воюющих стран оказалось более живучим, чем мы думали.

Однако, и капля долбит камень: под непрерывными ударами четырехлетней небывалой войны стал трещать и разваливаться самый совершенный хозяйственный организм куль-

турных стран; и в особенности в сильный упадок пришло сельское хозяйство.

Культурное земледелие Германии до войны развивалось, в значительной степени, благодаря искусственному удобрению, привозимому из-за границы. Этот привоз прекратился. Вдобавок, число живых рабочих сил в германском сельском хозяйстве убавилось чуть ли не на половину, обработка полей должна была сильно ухудшиться — и в результате сборы понизились в 1917 г. процентов на 40—50 против нормальных. Несмотря на захват Украины, германские власти вынуждены были понизить даже солдатский паек с 200 до 160 граммов, т.-е. с полфунта до $^2/_5$ его. В Австрии, мы знаем, — голод разростался в последние годы войны до неимоверных размеров, и волнения на продовольственной почве происходили почти каждый день.

Не лучше—в европейских странах Согласия, о которых мы имеем более точные сведения.

Во Франции посевная площадь, падая систематически, сократилась с 12,5 миллионов гектаров в 1913 г. до 8,2 миллионов в 1917 г., т.-е. на 35%. Сравнительно с 1913 г. урожай пшеницы в 1916 г. упал на 29%, ржи—на 17%, овса—на 14%. В Италии за то же время урожай пшеницы понизился на 21%, ячменя — на 26% и лишь маиса—поднялся на 6%. В Англии сокращение сбора зерна за 1915—16 г.г. равнялось 18%.

В Соединенных Штатах, кормивших союзников на Западе, хотя сравнительно с 1916 г. урожаи и поднялись, но, если сопоставить их

с цифрами 1915 и предшествовавших годов,— окажется огромный недобор в 300—500 миллионов бушелей.

Поэтому с 1 июля 1916 г. по 1 апреля 1917 г. было отпущено в Европу 147 миллионов бушелей, против 270 миллионов за 9 месяцев 1914—15 г.г. Упал за двухлетие вывоз хлеба и из Аргентины и Канады, и неизбежный недобор хлеба в странах Согласия и нейтральных для 1917 года определяется более, чем в 20%.

Очень сильное влияние на обострение продовольственного кризиса во всех воюющих государствах имела морская блокада, с одной стороны, подводная война—с другой. Английский флот совершенно отрезал Германию и Австро-Венгрию от сношений с заморскими странами. Подводная же война поставила в очень затруднительное положение страны Согласия.

„Frankfurter Zeitung" от 13 марта 1917 г. приводит составленную д-ром Тöхе-Митлер таблицу потерь держав Согласия на море:

Потери Согласия.

Военные суда.	Вспомогательные военные суда.	Торговые суда.
	Первый год.	
80 с 329.481 тонн.	9 с 57.808 тонн.	496 с 803.564 тонн.
	Второй год.	
97 с 319.449 тонн.	26 с 33.758 тонн.	692 с 1.483.819 тонн.
	Третий год (шесть мес.).	
34 с 163.320 тонн.	11 с 98.975 тонн.	771 с 1.310.995 тонн.
211 с 812.250 тонн.	46 с 240.441 тонн.	1961 с 3.598.378 тонн.

Цифра 3.598.378 для торговых судов обнимает лишь суда, названия коих известны. К этому следует присовокупить еще 373.831 тонну неизвестных по названиям, но официально подтвержденных потерь. Чтобы получить полное число уничтоженных немецкими военными мероприятиями торговых судов, надо к указанному тоннажу прибавить еще 240.441 тонну уничтоженных вспомогательных судов, а также 189.000 тонн неприятельских торговых судов, захваченных в портах центральных держав. Общий тоннаж потопленных торговых судов за $2^1/_2$ года войны составлял, следовательно, 4.401.650 тонн, т.-е., по исчислению Тöхе Миттлера, 16,7% общего торгового тоннажа врагов Германии в 1914 году. Главная часть уничтоженного торгового тоннажа приходилась на суда от 3.000 до 4.000 тонн водоизмещения.

По позднейшим данным, сообщенным в конце марта 1918 года в палате общин морским министром Эриком Гедсом, результаты подводной войны были таковы.

С начала войны и до 31 декабря 1916 г. чистая убыль торгового тоннажа во всем мире достигала $2^1/_2$ миллионов тонн. Это составляет около 8 процентов всего тоннажа торгового флота союзных и нейтральных государств. Потери британского торгового флота при этом исчисляются в 20 процентов.

Падение кривой потопления торговых судов произошло, главным образом, благодаря службе патрулей и неоценимой работе конвойных миноносцев и других судов.

Гедс коснулся в своей речи и преувеличенных заявлений Германии относительно числа

пущенных ко дну торговых пароходов. За год не подчиненной никаким ограничениям подводной войны, от 1 февраля 1917 г. до 31 января 1918 г., по немецким данным, потоплено $9^1/_2$ миллионов тонн английских, союзных и нейтральных судов. Преувеличение здесь больше, чем на 58 процентов, так как в действительности за это время жертвами подводной войны, если считать и понесшие повреждения, а впоследствии исправленные суда, пало круглым счетом $6^1/_2$ миллионов тонн. За один январь немецкие данные страдают преувеличением на 113 процентов.

С усилением судостроения и уменьшением числа погибающих в подводной войне судов союзники достигли уже того, что непокрытая производством и ремонтом ежемесячная убыль в тоннаже у них понизилась до 100 тысяч тонн. Однако, если сравнить только относящиеся к Англии цифры судостроения и потерь тоннажа, то разность получится более высокая: за последнюю четверть 1917 г. там строилось новых судов и чинилось старых в среднем 140.000 тонн в месяц, а в подводной войне погибало 261.000 тонн.

Прибавим, что по сообщению штаба германского адмиралтейства (от 20 марта), картина результатов подводной войны получается иная: от начала войны пущено ко дну 15,1 милл. тонн, а за время неограниченной подводной войны – 10,2 милл. тонн.

По немецким данным, опубликованным в декабре 1917 г., годовой итог подводной войны, усиление которой было ответом Германии на отклонение ее мирного предложения 12 де-

кабря 1916 года, стоит в резком противоречии к первоначальному оптимизму правительств Согласия. Из мирового тоннажа, который равняется неполным 50 миллионам брутто регистровых тонн, потоплена *добрая четверть*, из которой только за 10 месяцев, с 1 января до 31 октября,—8.047.000 тонн. Если считать стоимость тонны в 1.000 марок, то за этот короткий промежуток времени потеря определится в 8.047 миллионов марок. Для улучшения положения, Англия строила новые суда, покупала суда у нейтральных держав и забирала германские суда. Запасы германцев, находившиеся в руках нейтральных держав, истощены, вымогание не повышается значительно. Новопостроенные суда в этом году имеют 1,5 миллионов тонн, самое большее—4 миллиона.

Если даже считать эти данные преувеличенными, несомненно, что подводная война должна была обострить продовольственный кризис в воюющих странах. Но само собой разумеется, что основная причина этого кризиса и повышающегося голода лежали не в подводной войне и морской блокаде, мешавших привозу искусственного удобрения из-за границы. Причины продовольственного кризиса лежали глубже и не могли быть легко устранены даже с прекращением войны.

В результате мировой войны, мировое хозяйство вступило в период жестокого материального оскудения. Растрачиваемые на полях сражений производительные силы были доведены до полного истощения, которое грозило всему культурному человечеству тяжелыми

испытаниями. Одним из проявлений этого всеобщего материального оскудения служил хлебный кризис, охвативший к концу войны решительно все страны, не только воюющие, но и так наз. нейтральные,—и страны, ввозящие обычно хлеб, и страны, служившие до войны важнейшими поставщиками хлебных продуктов на мировом рынке.

Снабжение хлебом и состояние земледельческого производства в последние годы войны характеризуется следующими денными[1]).

1917 год был в продовольственном отношении явно скудным годом, так как главные поставщики хлеба (Северо-Америк. Соед. Штаты) и кукурузы (Аргентина) в предыдущем году имели лишь средний урожай упомянутых продуктов. Во всех вывозящих странах урожай оказался средним. Много разочарований принесли также сборы в странах, нуждающихся в иностранном привозе хлебов. Падение урожайности оказалось повсеместным.

Господствовавщая в последние десятилетия во всех культурных государствах система интенсивного хозяйства во время войны не может быть поддерживаема в полной мере. Незначительное количество оставленных для сельского хозяйства квалифицированных рабочих, недостаток как естественных, так и искусственных удобрений, сельско-хозяйственных машин, инструментов, каменного угля, жидкого минерального топлива, рабочего скота. наконец, низкое качество семян,—вот важнейшие причины общего падения урожайности.

---

1) Эти данные заимствованы из статьи „Накануне мирового голода". См. „Международная политика и мировое хозяйство", кн. № 3, 15 апр. 1918 г.

В результате уже в 1916 г. получился весьма значительный недобор по сравнению с предшествующим 1915 годом и со средним урожаем за период 1909—1913 гг.

Мировой урожай (в миллионах тонн)

	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Кукуруза.
В среднем за 1909—13 г.г.	101	47	31	62	91
За 1915 год.	116	46	32	71	105
За 1916 год.	93	44	29	59	87

Урожай пшеницы в странах вывозящих значительно отстал в 1916 г. не только от урожая 1915 г., но и среднего за пятилетие 1909—1913 гг.

В виду недостатка в важнейшем предмете питания, пшенице, особое значение приобрели урожаи тех кормовых продуктов, которые могут с бо́льшим или меньшим успехом заменить пшеницу. Таковыми являются: рожь, картофель, кукуруза, в известной мере ячмень и овес. Однако, как видно из приводимой ниже таблицы, и здесь положение оставляло желать лучшего, по крайней мере для 1916 г.

Мировой урожай кормовых продуктов в важнейших странах.

Хлебные продукты	Внеевроп. вывозящ. страны.			Страны Согласия ввозящие.			Нейтр. европ. ввозящ. госуд.		
	1916	1915	1909-13	1916	1915	1909-13	1916	1915	1909-13
	В миллионах тонн								
Кукуруза	71,8	82,1	74,1	2,0	3,1	2,5	—	—	—
Овес	24,2	31,8	22,6	7,5	7,1	8,7	3,2	3,2	3,0
Ячмень	5,7	7,6	6,1	2,3	2,0	2,7	2,8	2,9	2,6
Рожь	1,3	1,3	1,0	1,1	1,0	1,4	2,0	2,0	2,2
Картофель	9,4	11,5	11,6	14,0	18,3	21,8	6,1	7,2	6,5

Таким образом, урожай кормовых продуктов в 1916 г. как в странах, и без того нуждающихся в иностранном привозе, так и в странах вывозящих был ниже урожая 1915 г. и во многих случаях ниже среднего за 1909—13 гг., а следовательно не мог представить серьезных рессурсов.

Эти суммарные данные дают некоторое представление о мировом снабжении хлебными продуктами в 1917 году.

Затруднения, испытываемые всеми странами, приняли к четвертому году войны совершенно исключительный характер. Грозное значение этих затруднений определяется, однако, не столько тем недостаточным снабжением, которое имело место в указанное время, сколько перспективами, которые это положение вещей открывало для ближайшего будущего.

Для характеристики этих перспектив интересно проследить производство зерновых хлебов до и во время войны.

Сведения Международного Сельско-хозяйственного Института в Риме относятся к следующим странам: Соед. Штатам Сев. Америки, Аргентине, Европейской России (к 48 незанятым в то время неприятелем губерниям), Канаде, Великобритании, Франции, Италии, Дании, Испании, Норвегии, Голландии, Румынии, Индии, Японии, Швеции, Швейцарии. Египту, Алжиру, Тунису, Новой Зеландии и Австралии.

Все перечисленные страны вместе произвели в 1915-16 сельско-хозяйственном году 4.661.667 тыс. пуд. пшеницы, тогда как сред-

ний сбор пшеницы в тех же странах за пятилетие 1911-12—1915-16 гг. составлял 5.272.206 тыс. пуд. Таким образом уже производство 1915-16 гг. было ниже среднего на 14%. Подобные же результаты наблюдаются и в отношении производства всех пяти главных хлебов, вместе взятых (пшеницы, ржи, овса, ячменя и кукурузы): сбор 1915-16 гг. ниже среднего за предшествовавшие пять лет почти на 9%. В частности в одной Индии в 1915-16 гг собрано на 1.569 тыс. тонн пшеницы менее (всего 8.518 тыс. тонн), чем в предыдущем году.

Из отдельных стран наибольшее сокращение посевной площади (если оставить пока в стороне Россию) наблюдалось во Франции.

Человечество, таким образом, несомненно очутилось накануне самого подлинного голода, и притом не только хлебного, но и во всех других областях хозяйственной жизни.

Перед окончанием войны стали раздаваться тревожные голоса, обращающие внимание на необходимость принять различные меры к борьбе с тем обнищанием и всеобщим материальным оскудением, которое после войны даст почувствовать себя с еще большей силой.

Об этом писал известный английский экономист Сидней Вебб в интересной статье, озаглавленной „Мировой голод, к которому мы неудержимо идем“ (The Contemporary Review, October, 1919. Sidney Webb „The world famine into which we are hurrying“).

„По окончании войны,—говорит Вебб,—перед всеми правительствами будет стоять отнюдь не задача обогащения своей страны

за счет врагов, но грозная опасность голода. Вследствие огромного всеобщего недостатка в важнейших предметах питания, в хлебе и мясе, наступит в отдельных местах сильная нужда. Из-за огромного недостатка в большинстве стран в рудах, угле, строевом лесе, кожах, маслах, шерсти, резине, поташе и т. п., невозможно будет занять мирной деятельностью гражданское население, демобилизованное после войны; при сильном недостатке в торговых судах и вагонах, при разрушенном транспорте на суше должен наступить серьезный голод в отношении целого ряда товаров". „Товарному голоду будет сопутствовать такой же мировой денежный голод. Целые классы в отдельных государствах, быть-может, целые государства в отдельных частях света, будут испытывать голод, не обнаруживая в то же время спроса и не вызывая предложения, за отсутствием такого количества денег, которое необходимо для того, чтобы купить пищевые продукты и сырые материалы и оплатить их провоз. Отсутствие сырья в то же время будет лишать возможности производить предметы, за которые эти страны получили бы деньги и вновь приобрели бы возможность покупать". Вебб сравнивает это положение с тем, которое переживали в свое время различные страны, в частности Ирландия в 1847 г., когда население вымирало от голода, а пищевые продукты вывозились из страны, так как собственный внутренний рынок не был в состоянии платить тех высоких цен, какие предлагались на мировом рынке.

Для Англии, этой богатейшей в мире по

колоссальным запасам угля страны, характерно, что и здесь в результате войны начался угольный голод. По сведениям от конца мая 1918 г., угольный голод в Англии охватывал все новые и новые области, недоставало рудокопов, железнодорожных вагонов, транспортных рабочих, а в особенности судов, которые перевозили уголь на местах потребления. 50 тысяч рудокопов привлечены к военной службе. Вывоз сократился до 40% вывоза мирного времени. Электрические заводы получали в шесть раз меньше угля, чем в 1917 г.

Одного факта угольного голода в Англии достаточно для иллюстрации того материального оскудения, которое вызвано войной даже в самых богатых странах. *Человечество буквально расстреляло на воздух в интересах кучки эксплоататоров миллиарды тонн железа, угля, хлопка,* и неудивительно, что мир оказался перед перспективой невиданного товарного голода и острого недостатка во всех предметах первой необходимости.

Западно-европейские страны–Англия, Франция и Италия были спасены от такого же голода, какой свирепствовал 1917—1919 г.г. в России, только благодаря энергичной помощи со стороны С. Штатов. Прежде всего последние сделали все от них зависящее, чтобы спасти союзные страны из „судового голода". Вот некоторые телеграммы, свидетельствующие о том, с какой лихорадочной быстротой производилась в Америке постройка судов, необходимых для перевозки в союзные страны как армии с соответствующим военным аппаратом, так и в особенности с'естных припасов.

ВАШИНГТОН, апреля 14 (1), 1918.—Между верфями побережий Великого и Атлантического океанов началось состязание с целью установления в течение наступающего лета нового рекорда быстроты для постройки стального грузового парохода водоизмещением в 8.800 тонн. Рекорд поставлен одной западной фирмой, которая спустила в воду судно 64 дня спустя после того, как был заложен киль.

ВАШИНГТОН, апреля 18, 1918.—Одна из трех больших правительственных верфей на атлантическом побережье достигла сегодня высшей точки своей производительной способности, заложив двадцать восьмой киль и заполнив все эллинги строющимися судами.

Одновременная постройка двадцати восьми пароходов является мировым рекордом наибольшего количества судов, строящихся сразу на одной верфи. Но рекорд этот будет удержан лишь до тех пор, пока не будет пущено полным ходом производство на самой большой верфи атлантического побережья. Она приспособлена к одновременной постройке пятидесяти судов.

НЬЮ-ЙОРК, мая 3, 1918.—В телеграмме, полученной газетой „Нью-Йорк Таймс" от одной из судостроительных верфей побережья Атлантического океана, сообщается между прочим следующее:

„*Все предыдущие рекорды по быстроте постройки судов стальных, деревянных и железобетонных во всем мире будут побиты завтра утром*, когда на одной из здешних верфей будет спущено грузовое судно, водоизмещением в 5.500 тонн, ровно 27 дней, 2 часа и 45 минут спустя после того, как был заложен киль. Последний рекорд был установлен одною из тихоокеанских верфей, на которой грузовое судно водоизмещением в 8.800 тонн. было спущено в течение 55 дней. Данная верфь повысила этот рекорд вдвое. Все, работавшие на борту этого судна, получат серебряные медали от судостроительного управления.

ВАШИНГТОН, мая 29 (16), 1918.—В продолжение недели, закончившейся 25 мая, судостроительные верфи по всей стране закончили и сделали десять стальных кораблей, давших в общей сложности 63.486 тонн, что равноценно ежедневной постройке одного корабля в 9.069 тонн. Из этого количества восемь судов были сданы по реквизиции и два по контракту. За ту же неделю было спущенно 15 стальных и 3 деревянных корпуса, достигающих все вместе 109.700 тонн и доведших общее количество судов, спущенных на воду за месяц, вплоть до 25 мая, до 30 стальных и 25 дере-

вянных, или более двух корпусов на каждый день. Рабочие быстро заканчивают эти корпуса, устанавливая паровые котлы и все снаряжение, в своем стремлении дать новый рекорд поставки судов в месяц.

Председатель управления судоходством Гурлей сообщает, что на *130 верфях будет построено в этом году 1.600 судов.* На этих верфях занято 500.000 рабочих, кроме находящихся в запасе 250.000 добровольцев. В течение этого месяца будет закончена постройка 26 судов и будут спущены 34 судна.

Одновременно с сооружением всех этих судов правительство С. Штатов принимало самые энергичные меры для борьбы с германскими подводными лодками, наносившими страшные удары торговому флоту союзников и потопившими громадное число судов водоизмещением в несколько миллионов тонн. Вот наугад две телеграммы, свидетельствующие о лихорадочной деятельности С. Штатов и в области борьбы с немецким под водным флотом.

НЬЮ-ИОРК, февраля 8 (января 26), 1918.—Приступлено к сооружению первого сверх-истребителя подводных лодок. Программа, сообщенная морским статс-секретарем, предполагает ежедневное сооружение одного такого истребителя с того момента, когда это дело будет вполне оборудовано.

Морской статс-секретарь, г. Даниэльс, сообщает о достижении рекордной быстроты в деле сооружения судов. Килевая часть первого сверх-истребителя подводных лодок нового типа была сооружена в течение 20 дней с момента подписания контракта. В силу заключенного контракта завод должен поставлять ежедневно по одному такому вполне законченному истребителю.

ВАШИНГТОН, июня 3, 1918.—Морской министр Даниэльс об'явил, что *морское министерство поставило новый мировой рекорд быстроты постройки судов*, спустивши на воду минный истребитель, законченный судостроительной верфью тихоокеанского побережья в семнадцать с половиной дней после того, как киль был заложен. В своей декларации Даниэльс говорит между прочим следующее:

„Это—мировой рекорд в постройке судов. Лучшим из прежних рекордов был спуск на воду транспортного судна на верфи атлантического побережья в 27 дней с небольшим. При постановке этого замечательного рекорда при работе над сооружением истребителя конструктивные части были по возможности заготовлены вперед, еще до того, как киль был заложен, так что оставалось только их собрать и пригнать.

Вороятно, эта рекордная быстрота в постройке истребителей будет твердо держаться некоторое время, так как с начала войны с Германией усилия морского министерства ускорить сооружение минных истребителей увенчались решительным успехом, которым министерство обязано серьезному сотрудничеству и усилиям судостроительных верфей, занятых в этом деле".

Деятельность американской судостроительной промышленности в области сооружения как торговых судов, так и истребителей подводных лодок превзошла самые оптимистические ожидания всех сторонников Согласия. Поразительные успехи, достигнутые С. Штатами в деле сооружения новых и новых судов, *„мировые рекорды“*, которые американская промышленность ежемесячно побивает в этой области, об'ясняются прежде всего чрезвычайным могуществом американской металлургической промышленности, которая по своей силе и развитию превосходит даже германскую. И не случайно главным директором Корпорации Вспомогательного Флота и начальником 130 судостроительных верфей, работающих для нужд правительства, назначен Чарльз М. Шваб, глава Бетлеемской *Стальной* Корпорации. Дело „успешного выполнения национальной программы судостроения“ было возложено на одного из самых видных представителей металлургической промышленности в С. Штатах. *Самая могучая страна в Европе по развитию своей металлургической промышленности Германия могла быть сломлена в мировом конфликте только благодаря вмешательству в страшную схватку первой в мире металлургической державы— С. Штатов.*

Чтобы быть в состоянии доставлять в Европу громадное количество с'естных припасов приходилось не только сооружать новые суда, но и строить тысячи паровозов и десятки тысяч новых вагонов для американских железных дорог, а это можно было делать с необходимой быстротой только благодаря необычайному развитию металлургической промышленности С. Штатов.

Прилагаемые ниже телеграммы, взятые наугад из „Американских Бюллетеней“, указывают, в каких размерах производились в 1918 г. в связи с войной заказы в С. Штатах на постройку вагонов и локомотивов.

НЬЮ-ИОРК, мая 1-го. Главный директор железных дорог Макаду заключил контракты на постройку 70.000 товарных вагонов. Стоимость этих новых вагонов вместе с 3.000 заказанных прежде, достигает теперь суммы от 250.000.000 до 300.000.000 долларов.

НЬЮ-ИОРК, мая 1. Заключены контракты на постройку 3.025 грузовых и пассажирских локомотивов. Этот заказ, выполнение которого поручено американским фирмам, представляет собою крупнейший заказ, сделанный когда-либо американскими железными дорогами. Сумма всего заказа равняется 60.000.000 долларов.

Сооружение сотен новых судов и нескольких сот тысяч паровозов и вагонов дало возможность С. Штатам отправлять в союзные страны громадные количества с'естных припасов, как явствует хотя бы из нижеследующих телеграмм.

НЬЮ-ИОРК, января 18 (31).—Поезда с с'естными припасами и другими предметами для союзников в видах спешной погрузки их совершили путь из Чикаго и Сент-Луиса в атлантические порты в течение 60 часов. Об'явлена новая система контроля над судоходством. Предполагается прибавить 1.000.000 тонн судового водоизмещения к первому миллиону, предоставленному в распоряжение военного департамента управлением судоходства. Эти меры являются результатом решений междусоюзнической конференции.

ВАШИНГТОН, апреля 7 (25).—Продовольственная комиссия заявила сегодня, что в результате предохранительных мер и общего сотрудничества Соединенные Штаты вывезли *в течение марта месяца 1.100.000 тонн пищевых продуктов союзным народам.* Эта цифра была скачком вверх от 750.000 тонн, вывезенных в феврале, когда суровая погода помешала Америке послать минимум в 800.000 тонн, который требовали союзники. Отправка с'естных припасов в марте включала в себе 15 500.000 бушелей пшеницы и пшеничных продуктов и 16.200.000 бушелей других сортов хлеба, также 80.000.000 фунтов мяса и мясных продуктов, 200.000.000 фунтов свинины и ее продуктов. Отчеты, полученные продовольственной комиссией со всех концов страны, говорят о крайних мерах, принятых добровольно населением в целях экономии в пшенице.

ВАШИНГТОН, апреля 25 (12).—Бюро внешней и внутренней торговли сообщает, что вывоз продовольствия для гражданского населения союзных стран чрезвычайно повысился в течение марта *Месячный итог вывоза мяса и молочных продуктов равняется 111.892.226 долларов,*—в феврале же вывезено было на 42.951.127 долларов. Вывоз хлопка и минерального масла сократился за март, вероятно, чтобы дать возможность вывозить на пароходах больше пищевых продуктов.

Приведенные выше телеграммы дают некоторое представление о том колоссальном

количестве пищевых продуктов, которое было вывезено из С. Штатов в союзныя страны. Из цифровых данных, опубликованных в марте 1918 г. заведующим продовольственной частью Гувером, видно, что С. Штаты вывезли за время войны в союзные страны пищевые припасы в количестве, достаточном для прокормления 16.000.000 человек в течение года.

Эта возможность получать ежемесячно миллионы пудов пшеницы, мяса, молочных продуктов и т. д. из Америки значительно ослабляла продовольственный кризис, вызванный войной в Англии, Франции и Италии. Однако, чем долее затягивалась, война, тем сильнее ее разрушительное влияние начинало давать себя чувствовать не только в Англии и Франции, но даже в С. Штатах. Еще не прошло года со времени вмешательства С. Штатов в мировую войну, как уже американское правительство оказалось вынужденным вступить на путь ограничения потребления с'естных припасов в стране. Так, 14/27 янв. 1918 г. американская пресса публикует воззвание президента Вильсона по поводу так называемого *„хлеба победы“*. В этом воззвании говорится, между прочим, следующее.

„Множество причин вызывают крайнюю необходимость для нашего народа приложить более интенсивные усилия в целях снабжения наших союзников жизненно - необходимыми продуктами в эти дни лишений и несчастия. Сокращение производства в Европе, вызванное привлечением на войну огромного количества мужчин, неособенно удачный урожай хлебов в различных местах и исчезновение

более отдаленных продовольственных рынков вследствие разрушения судоходства,—все это в значительной степени возлагает тяжесть прокормления наших союзников на нас.

„Продовольственное управление формулировало предложение, которое, если ему последуют, даст нам возможность без особых неудобств, пойти навстречу этой великой ответственности. В целях сокращения нами потребления пшеницы и пшеничных продуктов на 30%—безусловно необходимых для удовлетворения нужды за океаном,—оптовики, маклеры и мелочные торговцы должны приобретать и перепродавать потребителям только около 70% того количества пшеницы, которое было потреблено в 1917 году. Потребителям следует ограничить приобретение пшеничных продуктов для домашнего потребления семьюдесятью процентами количества, которое они потребили в 1917 году,—покупая хлеб, они должны пользоваться смесью, составленною из различных злаков.

„По понедельникам и средам не следует есть пшеничный хлеб, и, сверх того, следует либо за завтраком, либо за обедом воздерживаться от потребления пшеничных продуктов.

„По вторникам—следует воздерживаться от потребления мяса, и, сверх того, нужно либо за завтраком, либо за обедом отказываться от мясных блюд, и, наконец, каждую субботу следует воздерживаться от потребления свинины. Необходимо дальнейшее соблюдение экономии в расходовании сахара. Безусловно необходимо, чтобы всякое расточительное и

излишнее потребление с'естных продуктов было строго ограничено".

В заключение президент Вильсон призывал население, ради блага нации, соблюдать эти постановления. Заведующий продовольственным делом, Герберт Гувер опубликовал сообщение, в котором в деталях об'яснил необходимость добровольного соблюдения требований президента, при чем на некоторых из этих пунктов он остановился более подробно. Эти требования президента, поскольку они имеют отношение к торговцам, могут быть поддержаны, если это будет необходимо, силою закона. Гувер назвал хлеб, приготовленный из пшеницы, смешанной с другими злаками, потребление которого рекомендуется населению,—„хлебом победы".

Итак, в результате войны даже С. Штаты, эта величайшая в мире страна по развитию своей земледельческой, добывающей и фабричной промышленности, начали испытывать нужду в продуктах первой необходимости. Подобно другим странам, вовлеченным в войну, и С. Штаты испытали зимой 1917 г. „угольный голод" и остановили многие фабрики для экономии угля. Так, в январе 1917 г. в американской печати появляются такого рода телеграммы:

„ВАШИНГТОН, января 4 (17).—Небывалые холода стоят на всем протяжении восточной части Соединенных Штатов. Морозы достигли невероятной силы, реки и порты замерзли, как никогда раньше, при чем выпал необычайно обильный снег, остановивший множество

поездов и серьезно затруднивший перевозку припасов и их распределение.

„Эта необычайная погода, установившаяся в момент, когда ускорение производства снарядов потребовало усиленного подвоза топлива и материалов, создала весьма серьезное положение.

„Заведующий топливом г. Гарфильд обратился ко всему населению Соединенных Штатов с призывом об'единиться в патриотическом усилии, направленном к устранению кризиса и восстановлению нормальных условий.

„Распоряжение г. Гарфильда, вступающее в силу в четверг, в полночь 4/17-го января, требует от всех промышленных предприятий, находящихся на территории к востоку от Миссисипи, *прекратить пользование углем на пять дней и коксом—на дальнейшие десять недель.*

„Единственные исключения могут составить железные дороги, частные потребители, больницы, благотворительные учреждения, общественные учреждения, пароходы, совершающие морские рейсы для нужд правительства Соединенных Штатов, управления городов и графств для общественных надобностей, и, наконец, заводы, производящие пищевые продукты для немедленного потребления. Театры и увеселительныя заведения закрываются, мелочные лавки и магазины с'естных припасов могут торговать в течение половины дня, аптекарские магазины и заведения врачей и дантистов могут быть открыты, поскольку это представляется возможным; во всех же других специальных случаях потребление угля допускается с разрешения местных властей.

„Г. Гарфильд опубликовал сообщение, в котором, между прочим, говорит: „Это распоряжение возлагает на всех абсолютно одинаково равную долю ограничений ради общих интересов. Все деловые и коммерческие круги поставлены в одинаковые условия. Администрация по топливу расчитывает на полное патриотическое содействие со стороны каждой отдельной фирмы“.

„Газетам разрешается появляться в том виде, как это происходит на праздниках, или же, если они не печатаются регулярно по праздничным дням, то им разрешается иметь только одно издание в день“.

Все эти результаты мировой войны, проявившиеся даже в С. Штатах, несмотря на поразительное экономическое могущество этой страны и крайне высокий уровень развития ее производительных сил, а также на тот факт, что эта страна участвовала в мировой войне всего один год, наглядно свидетельствуют о том, что и *американский континент, подобно европейскому, вступил в полосу страшного оскудения всех источников материального благосостояния народных масс.*

XIV

Буржуазные писатели о мировой войне и ее последствиях

§ 1

Ф. Нитти, бывший итальянский премьер: „Европа без мира“

Книга Нитти „Европа без мира“ имеет большой успех в Европе и вышла вторым

изданием не только на итальянском, но и на английском языке. Она переведена и печатается на французском, шведском, финском, турецком, арабском, болгарском и других языках.

Нитти никогда не питал симпатии к советской власти. Однако, автор вынужден признаться, что советское правительство было право, когда оно сопротивлялось требованиям Антанты, обнаружившим тот хищнический дух, который развился после войны. В другом месте автор говорит: „Несмотря на свои ужасные недостатки, советская организация является сейчас единственно возможной и в настоящий момент трудно заменимой какой-нибудь другой политической системой".

Франческо Нитти является представителем влиятельных кругов итальянской буржуазии. Но в своей книге он высказывает порой такие взгляды, которые звучат весьма оригинально в устах бывшего итальянского министра-президента. Так, по вопросу о виновниках мировой войны, автор решительно восстает против той точки зрения, согласно которой вся ответственность за войну падает на Германию. Царская Россия несет большую ответственность за войну. Дипломатические документы и события на Балканах доказывают, говорит Нитти, что в императорской России создалась ситуация, которая должна была неминуемо и в скором времени привести к войне. Нитти подчеркивает тот факт, что *русская мобилизация предшествовала даже австрийской*. Нитти откровенно признает, что во время войны он сам сваливал ответственность за войну на Германию, но об'ясняет

свою ложь военной-де необходимостью. „Когда наши страны были вовлечены в борьбу, об'ясняет Нитти, и мы имели перед собой грозного врага, нашим долгом было поднимать моральное сознание народа, возможно больше компрометировать врага и взваливать на него всю ответственность. Однако, теперь, после стольких лет войны, после падения императорской Германии, абсурдно приписывать одной Германии всю вину и отрицать, что до 1914 года в довоенной Европе были созданы те условия, которые должны были привести к войне".

Мы думаем, что Ллойд-Джордж, Пуанкарэ, германские империалисты и все услужающие власть имущим профессора и историки действуют более последовательно, чем Нитти, стараясь свалить всю ответственность за мировую бойню на противную сторону. В самом деле, если бы теперь Пуанкарэ, Ллойд-Джордж или германские империалисты признали бы, подобно Нитти, что виновниками страшной войны, в результате которой погибло 30 миллионов человек, были правительства *всех* государств, — как могли бы они подготовлять новую войну? Если Пуанкарэ открыто заявит, что он сознательно лгал, сваливая всю ответственность за войну на Германию, и признает виновность Франции в мировой войне,— кто во Франции поверит правительству, когда последнее в грядущей войне будет сваливать всю ответственность на противную сторону?

Неправ Нитти, когда он, справедливо приписывая ту или другую ответственность за войну правительствам всех государств, все

же главным виновником войны считать царскую Россию. Действительно, русская мобилизация предшествовала даже австрийской, но ведь австрийская предшествовала германской, французской, английской; следует ли из этого, что Германия, Франция и Англия были *второстепенными* факторами в происхождении мировой войны? Ведь, Австрия мобилизовала свои войска, получив на сие одобрение Германии, Россия—Франции и Англии.

По мнению Нитти, Германия видела своего *главного* врага в России, русская опасность особенно пугала немцев: „интеллигенция, политические и даже военные круги были обеспокоены только Россией". Нитти совершенно забывает об огромной немецкой империалистической литературе, посвященной английской опасности, забывает о Рорбахе, Танненберге и др. немецких публицистах, указывавших на неизбежность англо-германского конфликта. По вопросу о франко-немецкой расправе сам Нитти рассказывает следующее о своей беседе в 1913 году, в качестве итальянского министра торговли, с немецкими промышленниками: „*Они, не скрывая, говорили о необходимости обладать железными рудниками французской Лотарингии, для них война была эпизодом промышленной борьбы.* Германия обладала углем и стремилась к железу, и вся пресса тяжелой индустрии пропагандировала идею войны". В другом месте Нитти говорит: „Некоторые безумцы тяжелой немецкой индустрии зарились на французское железо и поддерживали в целях агитации желтую прессу; так теперь во Франции многие

промышленники смотрят с вожделением на германский уголь и стремятся по возможности целиком отнять его у Германии".

После этих признаний Нитти ничего не остается от его аргументации, согласно которой правящие германские круги видели своего главного врага в России. Мы знаем, какую роль металлургические тресты играют во внешней политике всех капиталистических государств, и очевидно, что сокрушение Франции и Англии было основной задачей германского империализма.

Нитти самым резким образом осуждает политику Антанты по отношению к России и в особенности по отношению к Германии. „Много вреда принесла Антанта России,—говорит Нитти.—В первый период Антанта вооружала реакционные армии в целях восстановления старого режима. Во второй период она хотела окружить Россию, по словам Клемансо, проволочными заграждениями и изолировать ее для того, чтобы донять голодом и лишениями. В некоторых французских кругах преобладало и преобладает еще и ныне желание потребовать от России, в виде гарантии, ипотеки на государственное имущество, при этом русский народ рассматривается, как пораженный, раздавленный враг, а не как дружеская нация, потерпевшая катастрофу. Это желание французских финансистов означает не что иное, как введение контроля над всеми экономическими рессурсами России. Генуя не означает еще конца этих ошибок, она привела лишь к ясному сознанию опасности, которую представляет эта политика".

После войны, продолжает Нитти, критикуя политику Антанты по отношению к побежденным странам, вошел в употребление отвратительный язык насилия. Никогда во время своих побед (от 1815 до 1870 года) Германия не прибегала к тем безобразным деяниям, которые запятнали поведение Антанты, всегда заявлявшей, что она борется за права человечества. Мирные договоры—продукты взвинченной фантазии и жадности, а их проведение в жизнь является грубым, неразумным актом насилия.

„В общем все войны XIX века—национальные войны, войны за независимость и за об'единение, *даже колониальные войны—носили менее отвратительный характер, чем последняя война, которая разорила Европу и разрушила мировое хозяйство*; она не только была величайшей войной, но по своим последствиям является одной из самых ужаснейших войн, опустошавших Европу в новое время. По окончании всех войн XIX века наблюдалось пробуждение всех областей человеческой деятельности. Эта же грандиозная война, в которой участвовали почти все народы, убила во всех странах энергию, помрачила умы и способствовала развитию духа насилия. Договоры, навязанные побежденным,—лишь орудия угнетения. Что могла бы навязать побежденным Германия в случае своей победы? Быть может, даже лучшие условия,—ни в каком случае не худшие, ибо она тотчас же поняла бы при проведении договоров в жизнь, что те договоры, которые мы навязали побежденным, являются на деле неприменимыми“.

„Моральный уровень Европы с каждым днем все понижается,—говорит Нитти,—*политика по отношению к побежденным не имеет примеров в новейшей истории;* некоторые наиболее цветущие города прирейнских областей поставлены под надзор чернокожих войск, совершающих различные насилия без всякой необходимости, с единственной целью оскорбления населения. Расточение достояния побежденных посредством различных форм паразитизма и контрольные комиссии, являющиеся часто настоящей формой грабежа, напоминают худшие пережитки средневековья".

Нитти приводит ряд иллюстраций для характеристики разбойничьих действий Антанты в побежденной Германии. Беззащитная и разоруженная, Германия принуждена ныне содержать на свой счет французскую оккупационную армию, состоящую, между прочим, из представителей „низших" рас. Наиболее культурные города Европы подвергаются, таким образом, оскорблениям и насилиям со стороны цветных войск Франции; без всякой необходимости, просто в целях издевательства, *германское население подвергнуто физической и моральной пытке, которой не знали прошлые века.* В апреле 1921 года на Рейне находилось еще от 14 до 15 полков цветных войск. Кроме этих полков, на Рейне находятся еще отряды негров. Всем известно из опубликованных документальных данных, какие насилия и преступления были совершены неграми на германской территории, и теперь всякому известно, что оккупация Германии (равно как

и отнятие у нее Саарского бассейна, требование колоссальных репараций и расчленение Восточной Силезии) имела одну цель: довести Германию до полного морального истощения, убить в германском народе национальное чувство, сломить его политическое единство. Во время войны все насилия и жестокости могут найти если не оправдание, то, по крайней мере, известное об'яснение. Всякая война вызывает, вместе с уничтожением уважения к чужой жизни, появление на сцену всяких диких отвратительных инстинктов. Однако, то, чему мы сейчас являемся свидетелями, не имеет примеров в истории.

„*Уже много веков, как ни одно европейское правительство не запятнало себя такими абсурдными и бессмысленными преступлениями, как победоносная Антанта*,—та Антанта, которая в момент опасности торжественно заявляла, что она борется за принципы демократии, справедливости и свободы. Никогда в прошлом, ни Германия ни другие победившие страны не совершали в час победы ни одного из тех абсурдных и преступных деяний, которые окончательно подорвали моральный авторитет победителей, утверждавших в своем заявлении 30 декабря 1916 года, что они об'единились для защиты свободы народов".

А вот что пишет Нитти о пресловутых контрольных комиссиях: „Что представляют из себя расходы контрольных комиссий—с их безумной расточительностью, оскорбляющей чувство побежденных, страдающих от голода,—об этом я неоднократно говорил на конферен-

циях в Лондоне и Сан-Ремо. В них сидят генералы, жалованье которых нередко превосходит жалованье, получаемое в Америке президентом республики. Поведение дунайской комиссии в Вене и Будапеште—это *настоящий пир во время чумы.* Самые жадные военные спекулянты гнездятся в контрольных комиссиях по разоружению, и почти все, кто принимает в них участие, получают такое вознаграждение, которому нет равного в мире, и это делается не только из жадности, но носит характер вызова и свидетельствует о царящем в них духе насилия".

„Я не хочу здесь предать гласности—говорит Нитти,—те данные, которые мне были сообщены авторитетными и беспристрастными лицами. *Наступит день, когда будет заклеймена позором вся эта жадная банда рассеянных по лицу Европы авантюристов, из которых могли бы получиться средневековые грабители.* Эти ненужные громоздкие комиссии с безумным расточением денег—*подлинные воровские притоны*".

Нитти останавливается в своей книге также на вопросе о вооружениях европейских государств, в результате войны, которая должна была-де привести к сокращению вооружений.

Затраты на военный флот, по данным, приводимым в разных бюджетах, увеличились в Америке с 702 до 2160 миллионов, для Англии—с 1218 до 2109 миллионов, для Японии—с 249 до 1250 миллионов, для Франции—с 495 до 1083 миллиона и для Италии—с 230 до 402 миллионов. Суммы, ассигнованные для

постройки новых судов на 1921—22 годы, равняются 450 миллионам для Америки, 475 милл.—для Великобритании, 281 милл.—для Японии, 185 милл.—для Франции и 61 милл.—для Италии (все цифры в золотых франках).

Особенно подробно останавливается Нитти на вооружениях Франции, политику которой бывший итальянский министр-президент особенно сурово осуждает. Когда Германия напала на Францию, говорит Нитти, всеми демократами овладел ужас: уничтожить Францию—значит уничтожить демократию и свободу. И Франция была спасена могучей поддержкой свободных народов. Но победа Франции убила престиж, которым она действовала на демократические страны. *Сейчас все демократии мира смотрят с недоверием на Францию: одни со злобой, другие с ненавистью.* По отношению к Германии Франция проявила больше жестокости, чем к ней могла бы проявить победоносная Германия. В отношении же России Франция вела чисто плутократическую политику.

Франция, помимо военного союза с Бельгией, установила целую систему договорных отношений, опирающихся, главным образом, на новые государства, т.-е. на такую зыбкую почву, как Польша, враг России и Германии. До войны, в 1914 году, Франция стремилась довести свою армию до максимальной величины и боеспособности, чтобы успешно соперничать с великой германской армией. В 1913 году основу германской армии, согласно росписи, представленной рейхстагу, составляли 647.000 солдат всех видов оружия, 105.000

унтер-офицеров и 30.000 офицеров. Это было самое крупное войско в Европе и во всем мире, если считаться не только с его количеством, но и качественным составом. Теперь, в то время, когда Германия не имеет больше армии, Франция к 1 июля 1921 года имела под ружьем 820.000 человек, из которых 38.473 офицера, т.-е. *значительно больше, чем Германия имела до войны.* Принимая во внимание численность населения Франции, надо сказать, что она сделала такое напряжение, которому нет равного в новейшей истории, и что она идет навстречу одной из двух возможностей: к военному господству или краху.

Затем Нитти останавливается на вооружениях союзников Франции—Бельгии, Польши, Румынии. Бельгия, утратившая свой нейтралитет, и Польша, в которой господствует анархия и которая постоянно провоцирует Европу,—имеют ныне армии, которые до войны могли бы содержать лишь государства первого ранга. Бельгия удвоила свои военные кадры, доведя численность своей армии до 113.500 человек; эта армия—огромна для населения, равного по величине населению Нью-Иорка или Лондона.

Особенно резко осуждает Нитти империалистическую и националистическую политику второго союзника Франции—Польши. Несмотря на то, что экономическое положение Польши близко к краху, говорит автор, что она, можно сказать, не имеет больше ни денег, ни кредита (но зато имеет целую армию чиновников, больше, чем какое-либо другое

государство мира), она держит под ружьем не меньше 430.000 человек, и это войско достигало часто еще больших размеров, доходя до 600.000 человек. Польша одновременно страдает манией величия по отношению к внешнему миру и погибает от растущей нищеты, хаоса и внутреннего разложения: порабощая себя, чтобы иметь возможность поработить других, она стремится, несмотря на свой внутренний беспорядок, к контролю над другими странами, господству над населением, значительно превосходящим ее в отношении умственного развития и культуры.

Польша сама готовит себе гибель. Она не имеет ни финансов, ни администраций, ни кредита. Она не работает, а лишь потребляет, занимает новые области и не поддерживает порядка в старых. На 31 миллион жителей Польши приходится 7 милл. украинцев, 2,2 милл. русских, 2,1 милл. немцев и почти ½ милл. других национальностей. Да еще эти 18 или 19 милл. поляков включают около 4 милл. евреев. Конечно, это польские евреи, но в большинстве своем они не любят Польши, которая не сумела их ассимилировать. Если бы была произведена серьезная перепись населения Польши, указанное соотношение национальностей подтвердилось бы в полной мере. В настоящее время в силу абсурда, придуманного в Версале, тот, кто путешествует из одной части Германии в другую, должен пересечь Данцигский коридор. Другими словами, Германия разделена на две части, и едущий в самой же Пруссии из Берлина в старейший немецкий город Кенигсберг, родину

Канта, вынужден проезжать польскую территорию.

Румыния обладает армией в 160.000 человек и помимо этого имеет еще 30.000 жандармов и 15.000 человек пограничной стражи.

Останавливаясь также на греческой авантюре, Нитти отмечает, что Греция содержит под ружьем более 400.000 человек, и пишет: „Греция задыхается под тяжестью своего милитаризма и быстрыми шагами приближается к катастрофе". Ту же участь предсказывает он и Польше. Польша, говорит Нитти, нарушает все договоры, издевается над международным правом и пользуется защитой и покровительством во всех своих аггрессивных начинаниях, но *каждая из авантюр обрекает ее еще на худшие бедствия и увеличивает еще более ее нищету.*

Нитти относится очень скептически ко всем великим достижениям мировой войны, результатам Версальского, Севрского, Трианонского и др. договоров. *„Все в Европе зиждится на песке: все, что создается сегодня, рушится завтра.* Австрия, Венгрия, Болгария и Турция не могут существовать в условиях, навязанных им договорами... За исключением Финляндии, все государства, возникшие на развалинах Российской империи, находятся в тяжелом положении".

Многие из предсказаний Нитти уже оправдались. Он подчеркивает всю утопичность плана — создать могущественную Греческую империю, господствующую над берегами Эгейского моря Европы и Азии. Также относился он к идее создания Великой Армении.

Нитти очень критически относится к французскому плану создать из Польши прочный барьер, долженствующий навсегда раз'единить Германию и Россию. Рано или поздно, говорит он, Россия пробудится к новой жизни. „Это иллюзия—полагать, что Великобритания, Франция и Италия могут вступить в союз с тем новым или с теми новыми государствами, которые образовались на территории России... Германия возродится, когда она преодолеет скорбный период лишений, и никто не знает, какую политику поведут немцы, если не будет найдено средства создать прочный мир и новый общественный строй. *Наши сыновья переживут еще более страшную трагедию, чем испытания, выпавшие на долю нашего поколения...* Ныне польский барьер разделяет два многочисленнейших народа Европы—Россию и Германию. Библейская легенда рассказывает, что при переходе евреев через Красное море воды расступились, но потом тотчас же снова сомкнулись. Можно ли предположить, что подобное нелепое разделение двух народов продлится долго?“

Нитти предсказывает неизбежность крушения планов относительно долговременного закабаления Германии, немецкой Австрии, России. С возвращением нормальных условий жизни, говорит он, нынешнее население Германии и немецкой Австрии возрастет в 30 лет до 100 миллионов. Население Франции и Бельгии вместе составят едва 50 миллионов. Относительно России Нитти пишет следующее: „Россия всегда обладала силой инерции, которая является своеобразной энергией ее та-

инственного развития. По количеству рождений она превосходит любую европейскую страну, она не прогрессирует,—она растет. Могущество этой страны представляет угрозу для ее соседей. Так как в силу какого-то исторического закона далекие народные движения и древнейшие завоевания имели большею частью своим исходным пунктом настоящую территорию России, она сумела соединить самые различные нации и создать единство там, где, казалось, не было никакого сродства".

Нитти об'ясняет, почему Италия особенно заинтересована в восстановлении нормальных связей с Россией. Италия страдает больше других стран от отсутствия регулярных сношений с Россией, ибо почти вся итальянская торговля, а следовательно, цены фрахта и товаров почти в течение полустолетия находились в тесной зависимости от черноморской торговли. Отправлявшиеся из Англии суда, везшие грузы для Италии, следовали обычно в порты Черного моря, где они нагружались керосином, зерном и т. д., и возвращались затем в Англию, забирая на обратном пути грузы в Италии и Испании. Долгие годы Италия пользовалась очень выгодными фрахтами и покупала уголь почти по той же цене, что в Англии. Суда, заходившие в итальянские порты, совершали рейсы в оба конца с полной нагрузкой. Положение, создавшееся в России, больше всего повредило Италии, имеющей более значительные интересы в Средиземном море, чем Великобритания и даже Франция. Поэтому, заключает Нитти, Италия особенно заинтересована в возобно-

влении сношений с Россией. Однако, Нитти тут же оговаривается, что „признание московского правительства не является лучшим и кратчайшим путем для этого. Но Италия никогда не поставит этого признания в зависимость от плутократических соображений. Никакое правительство в Италии не станет торговать признанием России, чтобы вырвать у нее, таким образом, обязательство уплаты довоенных и дореволюционных долгов“.

В своей книге Нитти критикует также тайную дипломатию великих европейских государств. Содержание Лондонского договора, заключенного в апреле 1915 года, никогда не было известно итальянскому народу. „Один из наиболее ответственных американских политиков жаловался мне открыто, что, когда Соединенные Штаты вступили в войну, текст Лондонского договора, регулирующего отношения целой части Европы, не был им даже сообщен. Еще более крупной ошибкой было то, что текст Лондонского договора не был сообщен и Сербии, которая находилась тогда в очень тяжелом положении и, несомненно, приняла бы его без всяких возражений. Но самое важное, что договор был неизвестен самим итальянским министрам, которые познакомились с ним лишь после его опубликования одним лондонским журналом, органом сербов, на основании сведений, полученных из Петербурга, где большевики уже успели предать его гласности. Лондонский договор был в Италии тайной для всех и его текст был известен лишь председателю совета министров и министрам иностранных дел“.

Нитти по своему миросозерцанию принадлежит к пацифистскому течению итальянской буржуазии. Он осуждает некоторые колониальные авантюры, как, например, триполитанскую войну, Он, по его словам, помешал итальянской авантюре в Грузии. 12-й армейский корпус, состоявший из двух пехотных дивизий и отряда альпийских стрелков, был уже готов к походу. Экспедиция вызвала бы несомненную войну Италии с московским правительством, что, говорит Нитти, привело бы к непредвиденным результатам. Если бы Италия организовала эту экспедицию, она оказалась бы вовлеченной в ужасную военную авантюру.

„Либийская авантюра представляется нам сегодня—при спокойном размышлении—заблуждением. Либия — это огромная песчання пустыня, не имеющая и никогда не имевшая никакой ценности. Триполитания, Киренаика и Феццан, занимающие пространство, превышающее миллион сто тысяч квадратных километров, имеют не больше 900.000 жителей, из которых и теперь, через 10 лет после войны, даже треть не находится под действительным контролем Италии. Турецкая война и оккупация Либии стоили Италии целые миллиарды: еще долгие годы эта авантюра будет обременять итальянский бюджет. *Если бы Италия затратила эти миллиарды для использования своих бесконечных водяных источников, она в настоящее время была бы страной, в значительной степени независимой от иностранного топлива, которое обрекает ее ныне на экономическое закабаление. Истин-*

но-национальная политика должна была бы состоять в создании экономической независимости Италии, а не в приобретении ею господства над огромной бесплодной пустыней. Невежды превозносили в Италии Либию, как обетованную землю. В одной из тронных речей король сказал даже, что Либия способна поглотить даже часть эмиграции. Это—настоящее безумие, ибо Либия не представляет ценности ни с земледельческой, ни с торговой, ни с военной точек зрения,—лишь в случае уменьшения всех затрат и при условии коренного изменения администрации она перестанет обременять итальянский бюджет“.

Нитти так резко критикует разнузданную империалистическую политику, ибо он боится пробуждения пролетариата, новой мировой войны и социальной революции, которая явится неизбежным следствием последней. Помимо желания уничтожить все эти причины, которые могут вызвать новую войну через 30 лет, существует другое, еще более веское соображение в пользу длительного мира, говорит Нитти. Нынешнее положение сильно отличается от ситуации 1815 года. После наполеоновских войн народы были также истощены, однако, *революционное брожение не переходило границ той страны, где оно возникло.* Германия того времени удовлетворила законные желания своего народа целой серией экономических реформ, продиктованных мужеством, предвидением и дальновидностью ее государственных людей. Русский царь тоже даровал тогда крупные реформы, которые были даже слишком прогрессивны

для полудикого населения России. *Теперь положение совсем другое. Революция находится в своем начале.* В России царствует неистовый террор. *Вся Европа проникнута революционным духом. Существует не только недовольство, но ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования.* Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного социального, политического и экономического порядка. В некоторых странах, как в Германии и России, это брожение выливается в форму открытого восстания; в других странах, как Франция, Англия и Италия, недовольство проявляется в стачках, в нежелании работать, что свидетельствует о стремлении к социальным и политическим реформам, равно как к улучшению условий труда.

В другом месте Нитти говорит на ту же тему следующее: „Развитие чувства ненависти между народами обострило в каждой стране классовые противоречия и оказало самое дурное влияние на экономическую жизнь каждой страны. Рабочие в ожидании новых войн, под влиянием нетерпения, которое благодаря войне развилось во всех классах, с каждым днем становятся все более и более требовательными. Они также стремятся к завоеванию, они хотят получить вознаграждение с побежденного врага. Та же самая форма ненависти, тот же самый наглый язык переходит от одного народа к другому, от одного класса к другому. Во всех странах усилился дух нетерпения в рабочем классе... Почти повсюду рабочие видят неслыханные богатства, накопленные за время войны, дух насилия овладел ими, после

войны они работали без большой охоты, считая, что часть их работы в виде прибыли перепадает в руки предпринимателей. Бесполезно говорить, что здесь дело в бессмысленном и вредном понимании, ибо прибыль предпринимателя—необходимый элемент производства, а производство в коммунистической форме, где оно только было испытано, приводило к нищете и катастрофе“.

Что же Нитти предлагает для улучшения положения Европы, для смягчения грозных международных и классовых конфликтов, для предотвращения в будущем мировой войны и социальной революции? Здесь Нитти обнаруживает все свое скудоумие. Поскольку критическая часть его книги, направленная против разбойничьей политики правящих классов, сильна, постольку меры, предлагаемые им для борьбы с темными сторонами капиталистической действительности, обнаруживают все бессилие буржуазной мысли, – Нитти признает, что в *своем нынешнем виде Лига Наций не вызывает ни внимания, ни уважения, а возбуждает лишь естественное и основательное отвращение,* но в то же время он подчеркивает, что Лига Наций способна к совершенствованию и может стать важнейшим фактором преобразования, если вопрос о пределах ее функций будет ясно поставлен, и на него будет дан ясный ответ. В новом, измененном виде, говорит Нитти, Лига Наций может стать неоценимым орудием мира во взаимоотношениях народов. Нитти питает надежду, что унизительная форма европейской жизни закончится и что процесс европейского

разложения остановится. Этот час поворота еще не близок, говорит он, и все же мы не так далеки от него, как в тот момент, когда во имя прав победителей подготовлялась прикрытая циничным языком реторики программа европейского развала. В настоящее время пришло сомнение, а сомнением всегда начинается то духовное беспокойство, которое предшествует великим критическим моментам в жизни человечества и которое делает возможным новый процесс творчества.

Свою книгу Нитти заканчивает следующими лирическими, но едва ли очень осмысленными словами: „Истина победит. Для этого ей нужно только время; сегодня на небе нависли свинцовые тучи, но придет день, и они рассеются. Даже самые упрямые души услышали тревожный сигнал кризиса,—того кризиса, который угрожает Европе и волнует глубины. Пока еще Европа охвачена сомнением, но после криков ненависти и слепой злобы сомнение — уже большой шаг вперед. После сомнений явится *истина*".

„*Что есть истина?*"—вопрос, на который Нитти не дает, конечно, прямого ответа. Но из всего содержания книги видно, что, перепуганный на смерть революционным движением рабочих масс, Нитти ищет эту истину не впереди, а позади, в том „идеальном", счастливом строе, который царил во всей Европе до 1914 г. и... привел к мировой войне. Надо только внести в экономическую организацию и политический строй современных государств некоторые поправки, реформировать Лигу Наций,—и цивилизация будет

спасена. Таковы утопические планы растерявшегося буржуазного реформатора.

Книга Нитти—это *сигнал бедствия с тонущего парохода, крик скорби, выражение ужаса буржуазного деятеля перед картиной гибели и разложения близкого его сердцу строя и одновременно вопль напуганного представителя правящих классов перед призраком надвигающейся социальной революции,* которая приведет к власти те самые классы, торжества коих Нитти больше боится, чем сохранения власти в руках хорошо охарактеризованных им наглых хищников, вызвавших мировую войну и готовящих новые бойни.

§ 2

Кайо, бывший французский премьер: „Куда идет Франция? Куда идет Европа?“

Книга Кайо „Куда идет Франция?“ примыкает к той уже многочисленной буржуазно-пацифистской литературе, которая посвящена критике Версальского и других договоров, навязанных Антантой побежденным странам, и вообще критике „достижений“ великой войны. Кайо не высказывается в столь резких и решительных выражениях о политике французских империалистов, как Нитти в его книге „Европа без мира“ или Кейнс в его книгах о Версальском договоре. Все же книга Кайо представляет собой обвинительный акт, направленный против политики французского правительства.

Основная идея Кайо заключается в том, что „война не обогащает“.

Он цитирует „замечательную“ работу Trystée „Le bilan de la guerre“, который доказывает, что Франция потеряла в результате мировой войны минимум 1/4, если не 1/3 своего национального бюджета, что война, несмотря на ее победный исход, была для Франции экономической катастрофой. В результате войны, доказывает Кайо, ссылаясь на упомянутую работу, население метрополии уменьшилось на 2.300.000 душ, производительность труда понизилась, урожайность земли стала ниже, шоссейные пути и железные дороги испортились, и необходимы большие средства для их восстановления, тысячи зданий разрушены; наконец, всякого рода иностранные бумаги: русские, турецкие и т. д., составлявшие часть капитала французских банков и отдельных лиц, обесценены. Исходя из данных, приведенных Trystée'ом, Кайо оспаривает „софизмы“ и „цифровые подчистки“ тех, кто доказывает, будто Франция в финансовом отношении выиграла в результате войны.

Кайо посвящает значительную часть своей книги доказательству той истины, что война не обогатила Франции.

Однако, Кайо в своей же книге приводит данные, из коих явствует, что война кое-кого обогатила. Всякая длительная война,—цитирует Кайо Флобера,—„становится войной из-за денег“.

Прежде всего,—доказывает Кайо,—нажилась на войне металлургическая индустрия, затем химические фабрики, далее предприятия, изготовлявшие „всякого рода предметы, имевшие отношение к национальной обороне и т. д.“.

Одна английская оружейная фабрика реализовала в 1912 году 1 миллион ф. ст. прибыли. В 1916 г. она реализовала 16 милл. ф. ст., в 1917 г.—21 милл. Доходы самого большого чугунно-плавильного завода во Франции, равнявшиеся 5 милл. фр. в 1913 г., подымаются до 17 миллионов в 1916 г. и 18 миллионов в 1917 г.... Одно хорошо известное общество, которое борется с американским нефтяным трестом, получило невероятные доходы, благодаря войне: 32 милл. флоринов в 1916 г. (вместо 13 милл. до войны), 44 милл. в 1917 г., 72 милл. в 1918 г. (Caillaut, стр. 42, 43).

Кайо указывает, что во время войны в 1915—1916 г. г. некоторые японские предприятия распределили дивиденды в 220% и даже 600%. Крайне характерно, что, говоря даже о таких общеизвестных фирмах, как знаменитый нефтяной трест „Royal Dutch", Кайо не называет их имен и органичивается такими намеками, как „хорошо известное общество". Так велика боязнь Кайо перед могучими капиталистическими кликами, которые сбросили его с поста министра и посадили в тюрьму.

Главными виновниками мировой войны Кайо считает национальные и интернациональные тресты, синдикаты, картели, которые заменили борьбу и конкуренцию между разрозненными, отдельными капиталистами — национальными, коллективными конфликтами, сделав войну между народами неизбежной (стр. 3).

Главный интерес книги Кайо в характеристике финансового положения, сложившегося в результате мировой войны.

Во время Консулата общий долг всех цивилизованных стран не превышал 15 миллиардов. Он достиг 35 миллиардов к моменту Венского конгресса и 41 миллиарда ко времени Крымской кампании. Этот долг дошел до 110 миллиардов в 1875 году и равнялся 220 миллиардам накануне мировой войны.

Таким образом, за период с 1875 по 1914 г. г. мировой пассив удвоился.

Но при этом следует принять во внимание, что значительная часть этого долга обусловливалась производительными расходами на железные дороги, каналы и т. д. Посмотрим теперь, что произошло после мировой войны. Долг дошел до 1.500 миллиардов; таким образом, в течение нескольких лет мировой пассив возрос на 1.300 миллиардов, израсходованных исключительно на разрушительные цели.

История не знает,—говорит Кайо,—другого подобного примера столь феноменального расточения богатств. В результате, производство парализовано, и труд обременен колоссальным пассивом, созданным в промежуток между 1914—1921 г. г.

О величине этого пассива можно судить по тому,—замечает Кайо, — что *общая сумма прибылей всех предприятий на земном шаре значительно ниже этой страшной цифры 1.300 миллиардов.* Одна Франция увеличила свой пассив на 270—280 миллиардов. В результате этого колоссального пассива, легшего неравномерным бременем на отдельные государства, так что—в то время, как Франция должна 300 миллиардов, соседняя с ней страна имеет долг всего в 15 миллиардов,—создалось

совершенно неодинаковое налоговое обложение граждан в двух соседних государствах, все совершенно перепуталось, и экономические связи между различными государствами, переход капиталов из одной страны в другую натолкнулись на непреодолимые препятствия. Мировая война возродила систему крайнего протекционизма и довела последний до самых уродливых и бессмысленных форм. Таким образом, — заключает Кайо, — капитализм сам наносит себе рану. Не желая перейти к национализации производства, от которой он может умереть, капитализм отказывается вместе с тем от одного из важнейших резонов своего собственного существования. Капитализм был великой колесницей прогресса, потому что он сумел организовать подвижность богатства. С того момента, как эта подвижность богатства наталкивается на препятствия, вся система глубоко потрясена. Тресты и синдикаты хорошо поработали,—иронически замечает Кайо.— Они разрушили мировое равновесие, которое существовало до 1914 года, и этим взорвали устои капиталистического строя.

Государственный долг Франции к началу 1921 года превышал 300 миллиардов. Годовой дефицит в 1921 г. равнялся 2.800.000.000. Чтобы покрыть дефицит в ближайшие годы, предполагалось ввести новые налоги в сумме от 6 до 8 миллиардов.

Протекционисты думали выйти из этого тяжелого положения, продавая за границу, но ничего не покупая в других странах. Кайо доказывает, конечно, всю нелепость этого плана. Эта система протекционизма повела

только к тому, — говорит Кайо, — что Франция очутилась в совершенно изолированном положении. Один за другим, — говорит Кайо, — различные мировые рынки закрываются перед Францией. До войны Франция пользовалась благоприятными тарифами во всех странах мира. После победы и исключительного положения, которое заняла Франция в результате победы, ее коммерческое положение в большей части стран скомпрометировано, и по отношению к ее продуктам и изделиям принимаются заградительные меры. В течение последних двух лет ни один торговый договор Франции с каким-либо с государством не ратификован. Все договоры могут быть отвергнуты, и французская промышленность может очутиться перед заградительной стеной, воздвигнутой против нее во всех странах.

Эта экономическая война обусловливается тем крайним протекционизмом, который ввела сама Франция, установившая необычайные таможенные тарифы против других государств. Даже Англия ввела протекционный тариф, направленный специально против Франции. И когда мы жалуемся, — замечает Кайо, — нам отвечают словами Бальдвина, английского министра торговли, который сказал в палате общин 11-го августа 1921 года: „Те, которые поставили бульдога у дверей своей лавки, не могут жаловаться на то, что мы поместили кошку в нашей кухне".

Книга Кайо содержит интересные цифры, и в этом ее главный интерес.

Конечно, Кайо не в состоянии дать указаний, как выйти из тяжелого положения, соз-

данного мировой войной. Он критикует большевистскую революцию, не видит спасения в коммунизме, но что же предлагает он, чтобы спасти человечество от пропасти, куда последнее неудержимо стремится? Кайо признает, что Европа агонизирует, он признает, что необходимы радикальные меры, но он боится насилий, боится революции и восстания масс. Человечество будет спасено несколькими людьми высокого интеллекта, имеющимися в различных странах,—людьми, которые остались верными себе в момент разгула разыгравшихся аппетитов. Эти люди имеют громадную мощь, эти люди просветят общественное сознание и разоблачат перед всеми современное положение Европы. Они увлекут за собой других и спасут Европу от агонии и смерти.

Таков вывод, к которому приходит Кайо.

Но ведь Кайо когда-то уже стоял у руля правления во Франции, а его единомышленник Нитти был даже премьер-министром Италии. И разве до войны было мало государственных деятелей типа Кайо, которые пытались всякого рода мероприятиями спасти государство от финансового краха, предотвратив надвигающуюся войну и т. д. И что же, когда Кайо сделал первый шаг к соглашению с Германией в области африканской политики и затем выступил защитником прогрессивно-подоходного налога, вся крупная буржуазия об'явила Кайо наемным агентом Германии и начала против него дикую травлю, не останавливаясь в этой борьбе перед самым бесстыдными приемами, вплоть до разоблачения интимной жизни Кайо, доведшим жену министра до того, что послед-

няя убила Кальметта, главного редактора органа крупной буржуазии „Фигаро“, как злостного клеветника, позорящего имя ее мужа и разрушающего ее семейную жизнь. Ожесточенная борьба крупной буржуазии против Кайо и сторонников последнего, завершившаяся этим драматическим эпизодом, явно показала, что господа крупные рантье не позволят никому посягать на их доходы и сумеют затравить всякого государственного человека, какой бы пост он ни занимал, если только он осмелится выступить против интересов господствующей шайки. „Плутократия“ уже до войны окончательно дискредитировала Кайо, как вскоре после того в первый же день войны она уже физически устранила из числа живых другого своего врага — Жореса. И наивно думать, что крупная буржуазия, которая до войны не шла ни на какие уступки, добровольно откажется теперь от политики разнузданного грабежа и последует благоразумным советам Кайо или Нитти. О Кайо можно сказать то же, что и о Нитти. Оба они прекрасно видят многие темные стороны современной действительности, сложившейся в результате мировой войны и Версальского мира, чувствуют неизбежность социального катаклизма, но меры, предлагаемые ими для спасения от этой „катастрофы“, обнаруживают все скудоумие буржуазной мысли. Кайо, подобно Нитти, боится прежде всего насилия. Кайо критикует „плутократов“, но еще сильнее обрушивается он на тех, кто стремится революцией, восстанием покончить с господством плутократии. „Народ должен изгнать

торгашей из храма, освободить себя от плутократов, имеющих большой вкус к барышам. Еще скорее ему следует отбросить от себя тех, кто обожествляет грубое насилие. Ничто не создается насилием и ненавистью. Нет никаких других путей, особенно для Франции, политических и экономических, как путь соглашений и благородной уступчивости“. Спрашивается, как же народ изгонит торгашей и плутократов, если применение насилия строго возбраняется и если ему рекомендуется путь соглашения и благородной уступчивости.

Те силы, на которые возлагают все свои надежды Кайо и Нитти и которые могут-де помешать развалу Европы и будущей войне, слишком ничтожны и имеют такой малый вес, что едва ли выводы, к которым приходят оба выдающихся представителя буржуазного пацифизма, могут успокоить более трезвых представителей господствующих классов.

Нитти питает надежду, что унизительная форма европейской жизни закончится и что процесс европейского разложения остановится. Этот час поворота еще не близок, говорит он, и все же мы не так далеко от него, как в тот момент, когда во имя права победителей подготовлялась прикрытая циничным языком реторики программа европейского развала. В настоящее время пришло сомнение, а сомнением всегда начинается то духовное безпокойство, которое предшествует великим критическим моментам в жизни человечества и которое делает возможным новый процесс творчества.

Свою книгу Нитти заканчивает следующими лирическими, но едва ли очень осмысленными

словами: „Истина победит. Для этого ей нужно только время; сегодня на небе нависли свинцовые тучи, но придет день—и они рассеются. Даже самые упрямые души услышат тревожные сигналы кризиса, который угрожает Европе и волнует глубины. Пока еще Европа охвачена сомнением, но после криков ненависти и слепой злобы сомнение уже большой шаг вперед. После сомнения явится истина“.

Кто может верить, что „сомнение“, из которого родится „истина“, в состоянии устранить международные конфликты, вызываемые глубокими экономическими причинами, что замена Пуанкарэ, Муссолини, Керзона и т. д. такими добрыми, мягкосердечными и дальновидными людьми, понимающими весь ужас и всю опасность войн, как Кайо и Нитти, в состоянии спасти человечество? Кайо и Нитти были уже, как мы отметили, в свое время руководителями судеб своих стран, и тем не менее они не могли помешать ни обострению международных конфликтов, ни войне, ни развалу Европы. Неисключено, что Нитти, Кайо и их единомышленники, при благоприятном для них повороте событий, снова возьмут бразды правления в свои руки. Это будет эпоха керенщины, о возможности которой говорил в свое время Троцкий. Но очевидно, что при первой же серьезной попытке обуздать магнатов в промышленности и положить передел аггрессивным вожделениям могучих металлургических, нефтяных и др. трестов, борющихся за монополизацию рынков и мировую гегемонию, великие буржуазные реформа-

торы и утописты, мечтающие, при сохранении капиталистического строя, установить на земле вечный мир, будут сброшены с своих постов и, может быть, попадут в тюрьму, как это случилось уже раз с Кайо, обвиненным всей буржуазной прессой, находящейся в услужении трестов и синдикатов, в государственной измене, в преступных сношениях с внешними врагами.

Та многочисленная буржуазно-пацифистская литература, которая появилась на европейских рынках со времени Версальского мира, все эти писания, посвященные изображению ужасов прошлой и будущей войн, тот громадный успех, которым книги Нитти, Кейнса пользуются в определенных кругах буржуазных классов, наконец, те наивные и часто лицемерные проекты, которые выдвигают пацифисты для предотвращения грядущей войны—все это свидетельствует лишь об одном, именно, что современный капиталистический порядок всеми своими порами, еще с большей интенсивностью и непреодолимостью, чем это было в период, предшествовавший катаклизму 1914—1918 гг., стремится навстречу новой мировой войне, и что та *часть буржуазии, которая не желает войны и боится последней, прежде всего как пролога к социальной революции, не имеет никаких средств для предотвращения неотвратимо надвигающейся катастрофы.*

Четыре основных фактора толкают капиталистический мир навстречу новой войне. Это, во-первых, нарушение экономического равновесия, кризис капиталистической системы, и вытекающая отсюда обостренная эконо-

мическая борьба между всеми государствами, в том числе и находящимися, если не в союзных, во всяком случае в договорных, дружеских отношениях между собой. Во-вторых, нарушение политического и военного равновесия между государствами и *балканизация* Европы. В-третьих, необычайное обострение национального движения не только на Востоке, но и в центре самой Европе, в связи с разнузданной политикой Антанты, стремящейся к полному порабощению таких высоко культурных народов, как германские и австрийские немцы, венгры, болгары и т. п., к превращению целых стран, вроде Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии, в настоящие колонии, на подобие Туниса, Алжира, Марокко, Индо-Китая, Кореи и т. д. Таким образом, на ряду с опасностью мировой войны, перед нами встает призрак войн национальных, при чем никто не может предсказать, вызовет ли какая-нибудь национальная война всеобщий империалистический пожар, или, наоборот, в результате войны между двумя империалистическими хищниками вспыхнет ряд национальных войн, направленных против того или другого из борющихся между собой хищников. В-четвертых, необычайный рост милитаризма и маринизма, который сам по себе является цроизводным всех предшествующих факторов, но который имеет тенденцию превращаться из следствия в причину, могущественно обостряющую международные конфликты и ускоряющую взрыв вооруженной схватки.

Выше мы отметили, что одним из основных факторов, толкающих к новой войне,

является острая экономическая борьба между всеми государствами. Мы указали, что факт этой борьбы и торжества системы крайнего протекционизма признает Кайо. Последний, подобно всем буржуазным реформаторам, видит путь спасения, путь преодоления воинствующего империализма в *возврате вспять* к свободной торговле, к эпохе либерального капитализма, всеобщего мира и пацифизма, тогда как, *с точки зрения революционного марксизма, путь преодоления империализма и устранения опасности новой мировой войны не позади, в возвращении назад к эпохе манчестерства, а впереди — в революционном преодолении империализма свержением капиталистического строя и коммунистической организацией мирового хозяйства.*

Капитализм в своем развитии, особенно в современном его состоянии, не может во внешних отношениях не вызывать международных конфликтов, как он не может во внутренних отношениях не обострять классовых антагонизмов, не толкать к величайшим социально-политическим переворотам.

Несмотря на то, что в данный момент мы видим в результате мировой войны необычайный рост всякого рода буржуазных пацифистских организаций и слышим более часто, чем прежде, речи о необходимости мира между народами, о соглашениях между правящими классами всех стран, о сотрудничестве классов, о вреде таможенных войн и т. д., мы ныне присутствуем при таком обострении классовых антагонизмов и международных конфликтов, какого не знала довоенная эпоха. В области

внутренних отношений во всех государствах идет бешеное наступление капитала против рабочих организаций, повсюду поднимает голову фашизм, реакция открыто организуется и вооружается для того, чтобы при первом удобном случае покончить со всеми завоеваниями „демократии“, с парламентами и т. д., которых, конечно, никто защищать не будет. В области внешней политики конфликты между Англией и Францией, Англией и Америкой, Америкой и Японией, Италией и Юго-Славией, и в общем столько причин и поводов к мировой войне, сколько их не было перед роковым 1914 годом. И само собой разумеется, что, как только в воздухе запахнет порохом, всякого рода пацифистские организации, боящиеся войны, как чумы, как пролога к социальной революции, все же будут призывать рабочие массы к защите „родной территории“, к священной войне до конца, и будут доказывать, что война вызвана исключительно правительством враждебной страны.

Наконец, в торгово-промышленных отношениях между государствами мы являемся свидетелями такой острой экономической войны, какой в моменты самых тяжелых кризисов не знала эпоха до 1914 года.

До мировой войны международные экономические отношения регулировались торговыми договорами на принципе наибольшего благоприятствования. На этом базировались, напр., торговые сношения держав между собою.

Версальский, С.-Жерменский, Севрский, Трианонский мирные трактаты поставили Германию, Австрию, Болгарию и Турцию

в исключительное положение, лишив их права пользования преимуществами благоприятствования со стороны победителей, которые, однако, с своей стороны, правом этим пользуются в отношении побежденных. На этом основании Франция может ввозить свои шелка, шампанские вина и пр. в Германию, но Германия должна мириться с целым рядом запретов ввоза ее товаров во Францию.

В нынешней, охватившей весь мир, экономической борьбе Соединенные Штаты занимают авангард.

Подписанный 21 сентября 1922 г. Гардингом, принятый американским конгрессом, новый таможенный тариф является попыткой перейти от слов к делу. Новый таможенный тариф во многих отношениях представляет настоящую непроницаемую перегородку на экономическом фронте Соед. Штатов. Не вдаваясь в подробности этого принятого конгрессом таможенного тарифа, укажем лишь вкратце, что шерсть и шелк обложены в 34—50% их стоимости на месте производства, фарфор и стекло в 47—61%, сахар—в 68%, предметы роскоши в 38—84%, и т. д. До сих пор обложение сахара составляло лишь 17%, вместо установленных новым таможенным тарифом 68%. Это составляет повышение ровно в 4 раза.

Указанными цифрами, однако, не исчерпывается характеристика нового таможенного тарифа Штатов. Аггрессивность его выступает еще гораздо ярче из особого полномочия, которым снабжен теперь президент республики, на основании которого он вправе, не запрашивая

конгресса, по своему усмотрению повысить утвержденные конгрессом ставки до 50%, в зависимости от степени угрозы, представляемой тем или иным импортным товаром отечественной промышленности. Его полномочия распространяются еще дальше — до права установки такого обложения, которое соответствует внутренним ценам товара американского происхождения.

Но Соединенные Штаты не составляют исключения из общего правила. Борьба с иностранной конкуренцией на внутреннем рынке в самой обостренной, хотя и далеко не в такой степени, как Соед. Штатами, ведется всеми без исключения государствами в форме повышения таможенных ставок для конкурирующих товаров, частью путем полного запрета ввоза одного или целой группы товаров. Даже Англия, бывшая накануне мировой войны самой либеральной в этом отношении, совершенно почти распростилась с принципами свободы торговли. Система наибольшего благоприятствования все быстрее и быстрее вытесняется сепаратными соглашениями взаимного благоприятствования, диктуемыми интересами двух договаривающихся сторон. На таких основах заключен, например, недавно франко-испанский торговый договор. Поэтому мы сделались теперь свидетелями сравнительно частого отказа от возобновления старых торговых договоров, которые в довоенное ввемя автоматически возобновлялись. За короткое время нам довелось наблюдать и несколько таможенных столкновений, чтобы не сказать войн, напр., испано-норвежское, франко-датское, германо-испанское.

Мировая экономическая война всех против всех ведется самыми разнообразными орудиями, в зависимости от рессурсов обороны и наступления, которыми обладает данная страна. Тут мы встречаемся со всем разнообразием наступательных и оборонительных способов экономической борьбы против всех, не исключая и своих бывших союзников. Со времени окончания войны, Англия окружила себя настоящей заградительной сетью таможенных пошлин, направленных, главным образом, против германских дешевых товаров, но вместе с тем и против французской, американской и т. д. конкуренции. Япония и Китай, Швейцария и Голландия,—все отказываются от торговых договоров на принципе взаимного благоприятствования и переходят к системе крайнего протекционизма.

Само собой разумеется, что эта таможенная война всех против всех является одним из самых мощных факторов, подготовляющих новые войны.

До мировой войны между всеми капиталистическими державами существовали самые тесные хозяйственные связи. Весь мир, особенно вся Европа, представляла как бы один хозяйственный организм. Быстро возраставший экспорт из одной европейской страны в другую (Англия и Германия, Германия и Россия, Германия и Франция и т. д.) укреплял зависимость между передовыми европейскими странами. Экспортировались не только товары, но и капиталы. Если Германия вкладывала свои капиталы во французскую металлургическую промышленность в Бретании, Франция имела свои

капиталы в немецкой химической индустрии, в Рейнской области. Все европейские банки были тесно связаны между собою. Накануне мировой войны товарный экспорт Англии во Францию, Германию и С. Штаты равнялся 22% ее общего экспорта и выражался в сотнях миллионов фунтов стерлингов; экспорт Германии во Францию, С. Штаты и Англию равнялся 33% ее общего экспорта, экспорт Франции в Германию, Англию и Соединенные Штаты приблизительно 45% и, наконец, экспорт Трансатлантической республики в три важнейших западно-европейских государства перевышал 50% ее общего экспорта на мировые рынки.

В этом развитии торговли и экспорта капиталов между передовыми промышленными странами Бебель видел лучшую гарантию мира; на этом расширении товарообмена и экспорта капиталов, на этом усилении экономических связей между первокласными державами буржуазные пацифисты Фредерики Пасси, Норманы Анджели строили все свои надежды на постепенное изживание экономической борьбы между европейскими странами и на близкое наступление „вечного мира“ между сильными державами.

На чем еще теперь могут строить свои воздушные замки вечного мира в капиталистическом строе, дышащем войной и насилием ныне более, чем когда-либо, господа пацифисты?

Товарообмен между капиталистическими странами не может развиваться при существовании и усилении непроходимых таможенных проволочных заграждений, все экономические связи порвались, кровообращение разрушено,

и „все перепуталось“, как вынужден признать Кайо, все смешалось в один хаос, при котором никакое восстановление хозяйства немыслимо. При таком положении очевидно, что у правящих классов сильной военной державы, вроде Англии или Франции, которые, конечно, не для „игры в солдатики“ увеличивают свои сухопутные армии, усиливают свои морские и воздушные флоты, умножают и совершенствуют все свои средства обороны и нападения, может явиться соблазн мечем разрубить гордиев узел экономических затруднений, сохранить у себя таможенную стену, своих бульдогов у каждой лавки, истребить всех кошек в кухне соседа, огнем своей артиллерии и взрывчатыми веществами со своих воздушных флотов разрушить все проволочные заграждения, мешающие проникновению отечественных товаров в соседнюю „дружественную“ страну.

Очевидно, что вся эта система, ведущая к финансовому краху, росту милитаризма, обострению экономической борьбы между государствами и мировой войне, не может быть смягчена или изменена проповедью, призывами к благоразумию господствующих классов. С той поры, как были напечатаны, изложены в сотнях газет, переизданы книги Нитти и Кайо, международное положение не только не улучшилось, но, наоборот, значительно ухудшилось. К старым поводам конфликтов прибавились десятки новых: Танжер, Фиуме, Сингапур, Корфу, Рур и т. д.

Очевидно, что развал хозяйства и мировая война могут быть предотвращены лишь социальной революцией, восстанием трудящихся

масс против всего капиталистического строя, а не паллиативными мерами против кучи плутократов, которых Кайо, как представитель мелкой буржуазии, так не любит. Но, конечно, Кайо с такой программой не может согласиться. Он в самом мрачном свете рисует экономическое положение Советской России, и рассказывает по этому вопросу небылицы, которые теперь публично отрицают даже многие представители американской буржуазии, равно как французской, вроде Эррио, сенатора де-Монзи и других побывавших в Советской России.

В высшей степени любопытно признание Кайо, что европейские *массы тянутся к советизму, что эта тяга — страшная сила, которую опасно игнорировать.* Еще более интересно указание Кайо на то, что задача момента заключается-де в создании синтеза между западной демократией и русским советизмом.

Если такие люди, как Кайо, начинают говорить о непреодолимом тяготении европейских народных масс к советизму, о необходимости какого-то синтеза между западной демократией и русским советизмом, очевидно, что дела буржуазной демократии очень плохи и призрак социальной революции стоит уже не у ворот, а внутри всех капиталистических государств.

XV

Будущая война

1. Ленин о будущей войне

В капиталистическом строе вечно живет угроза войны. Но никогда эта угроза не была

так очевидна, как в переживаемую нами эпоху, когда даже те буржуазные писатели и государственные деятели, которые недавно утверждали, будто война 1914—1918 г. г. является последней войной, после которой наступит-де вечный мир, забыли уже свои речи о близости эры мира. Наоборот, многие буржуазные экономисты и политики, как, например, Нитти, Кайо, Лойд-Джорж, Кейнс и др. вынуждены признать ту истину, что ныне во всем мире в экономической кон'юнктуре и в международном положении великих империалистических держав действуют факторы, рождающие войну, факторы более могущественные, чем те, которые вызвали страшную бойню 1914—1918 г. г. Ныне для мировой войны несравненно больше причин, чем было накануне 1914—1918 г. г.

Вопрос о новой надвигающейся мировой войне привлекал к себе острое внимание т. Ленина. В замечательном документе, написанном В. И. Лениным 4 декабря 1922 г. и предназначенном в качестве инструкции для нашей делегации, отправлявшейся на конференцию II Интернационала в Гааге по вопросу о борьбе против войны, тов. Ленин писал, между прочим, (см. „Коммунистический Интернационал“ 1924 г. № 2):

„Надо взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы самых ничтожных, и раз'яснить на их примере, как *война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по*

любому тихоокеанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров или из-за споров об их таможенной политике или вообще торговой политике" и т. д.

Здесь тов. Ленин дает хотя и крайне беглый, но глубокий анализ факторов, толкающих к новой мировой войне. Совершенно неправильно многие исследователи сводили весь смысл войны 1914—1918 г. г. к соперничеству между Германией и Англией. Несомненно, что борьба Германии и Англии за мировую гегемонию являлась одним из важнейших факторов мировой войны и сыграла крупную роль в возникновении мирового пожара. Но на ряду с англо-германским конфликтом в происхождении мировой войны сыграли колоссальную роль соперничество царской России с Германией и Австрией из-за гегемонии в Оттоманской империи и на Балканах и франко-германское соперничество как из-за Африки, так и из-за железных рудников на европейских границах обеих империй. И именно потому, что накануне мировой войны пришли в острое столкновение не только империалистические планы и интересы Англии и Германии, но также Германии и России, Германии и Франции, России и Австрии, Италии и Австрии, Сербии и Болгарии и т. д. мы имели в результате не англо-германскую, а мировую войну из-за пустячного инцидента в Сараеве (убийство австрийского эрцгерцога Фердинанда гимназистом Принципом).

Ныне пришли в острое столкновение не только империалистические планы Японии и

Америки, но также Англии и Франции, Франции и Италии, Франции и Испании, Юго-Славии и Болгарии, Юго-Славии и Чехо-Словакии, Румынии и Венгрии, Польши и Литвы и т. д., и вот почему достаточно „пустяковинного разногласия", малейшей искры, чтобы горючий материал, накопленный в различных узловых пунктах международной политики—в Танжере, Сингапуре, Руре, Банате, Филиппинах, у Болеарских островов и т. д., вспыхнул, и пожар войны охватил весь мир.

2. Скачка вооружений; химическая война

Первым симптомом крайне резкого обострения отношений между капиталистическими державами являются необычайные вооружения всех государств, далеко превосходящие вооружения накануне мировой войны. По вычислениям английского генерала Ф. Мориса, в 1922 г. в Европе находилось под оружием 4.354.965 человек, в то время, как в 1913 г. численность всех европейских армий равнялась 3.747.179 чел. Принимая во внимание сокращение постоянных армий Германии, Австро-Венгрии и Болгарии на 696.135 человек, генерал Морис приходит к заключению, что прочие державы Европы увеличили свои армии на *1.303.921 человек.* Самую большую армию из европейских государств имеет Франция; численность ее армии к 1-му января 1923 г. определялась в 831.828 человек, включая колониальные гарнизоны и офицеров. Все европейские государства, за исключением СССР и побежденных Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии,

довел исвои вооружения до пределов, перед которыми совершенно бледнеют по своим размерам вооружения государств накануне мировой войны.

Эти вооружения выражаются не столько в численном росте армий, росте очень внушительном по сравнению с довоенным периодом, сколько в небывалом усилении военной техники и расходов на последнюю. Так, пацифистская Англия Макдональда, которая по расходной военной смете на 1924—1925 г. г. предполагает уменьшить численный состав армии в метрополии на 12.000 человек (152.000 человек против 164.000 человек 1923—1924 г.г.), одновременно увеличивает на 20 миллионов золотых рублей ассигновки на воздушный флот, предусматривая создание новых восьми воздушных эскадрилий в 1924—1925 г.г., усиливает свой морской флот постройкой 5 новых крейсеров и 2 истребителей, затрачивает громадные средства на „химизацию“ армии, на изыскание новых взрывчатых материалов, на энергичную постройку новых сотен легких и тяжелых танков для сухопутной армии и т. д. А между тем, *Англия уже затратила в мирный период, начиная с окончания мировой войны до 1923 г., 290 миллионов фунтов стерлингов, т.-е. почти 3 миллиарда золотых рублей на вооружения.*

Так, Франция громадное значение придает развитию воздушных сил, уже теперь значительно превышающих воздушные силы Англии. Намечается создание 132 боевых эскадр. В воздушном флоте должно быть в мирное время 30.000 человек, а в военное—300.000.

Расходы на авиацию во Франции до сих пор превышали расходы других великих держав на воздушный флот. Самое серьезное внимание французское правительство обращает и на развитие военно-химического дела. Во Франции организован корпус военных инженеров-химиков, задача которого заключается в изыскании новейших средств химической войны. Французские империалисты мечтают о бомбах, которые могли бы в несколько часов разрушить, в случае нужды, Берлин или Лондон. Но так как собственно *французская химическая промышленность значительно отстает от английской и тем более от немецкой, французское правительство намеревается, если не навсегда, то во всяком случае надолго удержать в своих руках оккупированные немецкие области*[1]).

Этот небывалый рост вооружений, характеризующий послевоенный период, является производным двух основных факторов. С одной стороны, обострение промышленного кризиса и безработица во всех капиталистических странах, сужение внешнего рынка и ослабление покупательной способности внутреннего рынка ведут к тому, что *буржуазия с особой*

---

[1]) Английский майор Лефебюр в своей интересной, но крайне циничной книге, удостоившейся лестного отзыва даже со стороны такого бандита, как Фош, попросту предлагает уничтожить всю химическую промышленность Германии. Заметим, что этот чудовищный план не пользуется теперь успехом в кругах английской буржуазии, которая подготовляет, наоборот, об'единение английской химической промышленности („Британская кооперация красящих вещест") с немецкой индустрией („Германский анилиновый концерн").

интенсивностью ищет в милитаризме и маринизме, в усилении военной авиации, в „химизации" армии средство в деле облегчения капиталистического накопления и предупреждения колоссального товарного перепроизводства. С другой стороны, раз международные отношения все более и более обостряются и война надвигается со стихийной силой, естественно усиливается теденция вооружаться до зубов, чтобы быть способным задушить противника и захватить намеченную добычу. Но рост вооружений в каждой отдельной стране имеет свои пределы и свою логику. Если С. Штаты, благодаря своему финансовому и экономическому могуществу, могут вооружаться еще десять лет с той же или еще большей интенсивностью, чем до сих пор, этого не может себе позволить сравнительно бедная Япония. Равным образом, многие европейские государства,—Польша, Юго-Славия, Чехо-Словакия, отчасти даже Франция с ее падающей валютой и страшным ростом ее государстенного долга, не могут еще долго тем же темпом мчаться в гонке вооружений. И, может быть, скоро настанет момент, когда националистическая пресса всех этих государств, подобно немецкой шовинистической печати накануне мировой войны, будет призывать население к войне, указывая на страшную тяжесть вооружений, вызванных-де угрозами со стороны внешнего врага, и напевая ежеминутно один и тот же мотив: „Лучше конец со всеми его ужасами, чем ужасы без конца" (Eher Ende mit Schrecken, als Schrecken ohne Ende).

Та неостанавливающаяся гонка вооружений, которую мы наблюдаем с момента окончания мировой войны, является симптомом и следствием крайнего обострения отношений между капиталистическими державами и одновременно является грозным фактором приближающегося момента взрыва мировой войны[1]).

3. Англо-французский конфликт, как основной фактор будущей войны

Главными виновниками лихорадочных вооружений на европейском континенте и надвигающейся европейской войны, которая рискует превратиться в войну мировую, являются две сильнейшие европейские и мировые державы—Франция и Англия. Франция Пуанкарэ и Мильерана, и в первую голову,—как правильно указано в майском воззвании Исполкома Коминтерна к пролетариям всех стран,—Франция пресловутого горнозаводского комитета стремится к захвату гегемонии на европейском континенте и к вытеснению Англии из Европы. К этой цели Франция идет двумя путями: во-первых, усилением своей сухопутной армии, своего воздушного и подводного флотов, заключением военного союза с Чехо-Словакией, Юго-Славией, Польшей, Румынией, из которых обе последние являются военными полуколониями Франции,

---

[1]) Более подробно о роли вооружений в ускорении взрыва мировых войн см. нашу работу „Мировая война 1914—1918 г. г. и грядущие войны“, стр. 279. Харьков. 1923 г.

чем-то в роде европейских сенегалов, обязанных предоставить в полное распоряжение Франции, в случае каких-либо осложнений, все свои военные силы; во-вторых, путем удушения Германии, уничтожения всех жизненных рессурсов последней и прежде всего отнятия у Германии Рейнской области. Замена Пуанкарэ „пацифистом" Эррио не ослабит французских вооружений и не поведет к отказу Франции от ее империалистической политики. В газете „Матэн" („Утро") от 30 марта 1924 г. мы читаем следующее изложение взглядов французского генерала Манжена на необходимость отторжения от Германии Рейнской области и образования из последней Рейнской республики (под протекторатом Франции):

„До той поры, пока не будет образована Рейнская республика, проблема безопасности наших границ является неразрешенной. Без Рейнской республики мы вынуждены совместно с. Бельгией изыскивать средства, способные задержать новое нашествие германских орд. Пока Рейнская область будет находиться в руках немцев, последние никогда не откажутся от идеи реванша. Наоборот, *если Рейнская область будет отнята у Германии, Пруссия потеряет все те фабрики и заводы, которые снабжали ее во время войны вооружением.* Мы должны быть готовы ко всяким случайностям. С такими соседями, как немцы, нельзя быть ни в чем уверенным. Неожиданно дикие инстинкты могут бросить немцев на прежний театр их зверств. Вот почему Рейнская область должна быть пре-

вращена в независимую республику". Пуанкарэ ушел, и Эррио, осуждавший оккупацию Рура, теперь официально заявил, что он отказывается от своих прежних взглядов на вопрос о Руре.

Само собой разумеется, что Англия не может примириться с планами французской гегемонии на европейском континенте. Отказ Англии от планов ухода из Европы, *перемещение центра тяжести великобританской мировой политики на европейский континент должны были повлечь за собой обострение англо-французских отношений.* Отсюда новые вооружения обеих стран, отсюда усиление воздушных эскадрилий Англии, создание новых авиационных баз, сооружение нового постоянного лагеря на севере Великобритании и расширение казарм в Лондоне, отсюда демонстрации морского окружения Франции (маневры громадного английского флота у Болеарских островов на путях от французской метрополии к ее северо-африканским колониям), отсюда сближение Англии с Италией и Испанией. Отсюда, с другой стороны, новые французские вооружения, испытания на артиллерийском полигоне в Гавре новых орудий дальней стрельбы, обладающих дальнобойностью почти в 100 клм. (97 клм.) и предназначенных для установки вдоль побережья и обстрела Лондона и английских берегов, далее сооружение французами новых стратегических путей в Бельгии, укрепление бельгийского порта Зеебрюгге и т. д.

Естественно, что, если между Англией и Францией вспыхнет война, она явится сигналом к

вооруженному конфликту на всем европейском континенте. За мобилизацией английских и французских военных сил немедленно последует мобилизация военных сил Бельгии, Польши, Румынии, Чехо-Словакии, Юго-Славии, Италии, Испании, Португалии, Болгарии, Турции, Австрии, Венгрии, и снова десятки миллионов людей будут призваны под ружье. Вместе с тем, если мы примем во внимание то, что писал тов. Ленин о национальных войнах в результате Версальского мира, несомненно, что десятки миллионов немцев в Германии и Австрии не будут сидеть сложа руки, выжидая результата войны между Англией и Францией. Равным образом, не останутся безучастными угнетенные национальности в Юго-Славии, Польше, Румынии, Чехо-Словакии, и пожар национальных волнений, восстаний и войн может охватить Галицию, Бессарабию, Семиградье, Прикарпатскую Русь, Македонию и т. д. А если даже не произойдет в начале войны открытого восстания угнетенных национальностей, *разрывное действие неразрешенных национальных вопросов даст себя чувствовать сразу же*, как это произошло во время войны в Австрии, где славянские солдаты австро-венгерской армии десятками, сотнями тысяч сдавались неприятелю, чтобы затем повернуть оружие против двуединой империи. Как бы то ни было, в Европе на ряду с призраком войн чисто империалистических встает и призрак войн национальных.

4. Японо-американский конфликт и война на Тихом океане

Призрак империалистической войны встает не только в Европе. Обострение японо-американских отношений из-за запрещения японской иммиграции в С. Штаты, запрещения, вызвавшего глубокое волнение в широких массах японского населения, снова поставило в порядок дня вопрос о японо американских отношен ях. В период, предшествовавший Вашингтонской конференции, японо-американские отношения настолько обострились, что война между обеими странами казалась неотвратимой. После конференции многие пацифисты стали уверять, будто отныне опасность японо-американской войны надолго устранена. Однако, грубая действительность скоро разбила эти пацифистские утопии. С той поры, как С. Штаты взялись за сооружение Панамского канала, стало очевидно, что Америка стремится к осуществлению программы, формулированной впоследствии Рузвельтом в словах: *„Господство на Тихом океане должно принадлежать С. Штатам“*.

Когда сооружался Панамский канал, многие экономисты, при том смотревшие весьма оптимистически на будущность канала, все же утверждали, что Панамский канал по своему экономическому значению никогда не сравняется с Суэцким каналом — этой великой торговой дорогой из богатых европейских стран в Азию. Однако Панамский канал уже опередил по товарообороту Суэцкий канал. Суэцкий канал был открыт 58 лет тому назад,

Панамский всего десять лет назад. Между тем через Панамский канал прошло в 1923 г. товаров на 4 миллиона тонн больше, чем через Суэцкий. Тоннаж судов, прошедших через Панамский канал в 1923 г., достиг 26.734.437 тонн, в то время как тоннаж Суэцкого канала 23.730.162 тонн. Эта цифра ясно свидетельствует о том, что тихо-океанская торговля постепенно переходит в руки С. Штатов и что последние имеют основание увлекаться мыслью о захвате гегемонии на Тихом океане. Но на этом пути С. Штаты сталкиваются с Японией, для которой Китай является главным рынком, поглощающим фабрикаты японской промышленности и главным районом приложения японских капиталов.

Если верно утверждение некоторых военных специалистов, что война один на один между Америкой и Японией наталкивается на непреодолимые технические трудности, которые могут помешать если не взрыву самой войны, то, во всяком случае, ее решительному ходу в пользу той или другой стороны, тем более трагический характер принимает тихоокеанская проблема. Следовательно, Америка атакует Японию не один на один, а в союзе с Австралией, Ново-Зеландией, может быть, Англией, Голландией, Китаем и т. д. Если Англия, подготовляясь к войне с Германией, могла найти союзников, как Россия, Франция, не говоря уже о более мелких государствах, в роде какой-нибудь Португалии, тем более Америка найдет себе нужных помощников.

Война на Тихом океане, подобно европейской войне, будет сопровождаться глу-

бокими национальными потрясениями, в форме волнений, восстаний, может быть грандиозных национальных революций в целом ряде азиатских стран. Война глубоко всколыхнет угнетенные Японией массы населения в Корее, на Формозе, на Сахалине, не пройдет бесследно для американских Филиппин, французского Индо-Китая, английской Индии и т. д.

5. Ленин о борьбе против войны

Может ли в переживаемый нами момент рабочий класс Европы, Америки и Японии помешать надвигающейся войне? На этот вопрос тов. Ленин в цитированном нами выше документе отвечает следующее:

„Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как *велика тайна, в которой война рождается*, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны. Надо об'яснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, *как обстояло дело во время последней войны* и почему это не могло обстоять иначе.

„Надо об'яснить, в особенности, значение того обстоятельства, что *„защита отечества" становится неизбежным вопросом, который огромное большинство рабочих будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии"* (курсив везде наш.—М. П.).

В чем же заключается единственно реальный способ борьбы против войны? В *„сохранении и образовании нелегальной органи-*

зации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров". Коммунисты не могут помешать взрыву мировой войны, но они должны стремиться превратить эту войну в войну гражданскую, в мировую революцию.

Мы должны внимательно следить за международными осложнениями, за самыми „пустяковыми разногласиями" по любому колониальному вопросу и прежде всего мы должны раскрыть „тайну" последней войны и в ряде популярных брошюр на всех языках об'яснить миллионам и миллионам рабочих во всем мире, в Англии, Франции, Америке, Японии, Италии, как произошла мировая война 1914—1918 годов, какую роль в ней играли международные банки, металлургические тресты, пушечные короли, как теперь подготовляют новую войну горнозаводские комитеты, нефтяные тресты, химические об'единения. Если мы это сделаем, мы осуществим один из великих заветов бессмертного вождя и учителя трудящихся масс.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 60 к.

